

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovskii@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
Сообщество: http://community.livejournal.com/ru_kontrabanda
E-мэйл: karakovskii@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Литературный редактор — Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Верстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.
Художник — Владимир Дручин.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) — прозаик, эссеист, член Союза писателей Москвы.

Анна Герасимова (Москва) — переводчик, эссеист.

Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, переводчик, эссеист, издатель, член Союза писателей Москвы.

Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.

Екатерина Сергацкова (Волгоград) — критик, публицист.

Дэн Шорин (Тула) — писатель.

Организационная группа («Совет контрабандистов»):

Сергей Алхутов, Алексей Ануфриев, Кирилл Калинин, Алексей Караковский, Татьяна Рябова, Павел Соломатин, Татьяна Трусова, Алина Халзагарова, Александр Холмогоров.

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Франкфурт) — руководитель конкурса «Согласование времён» и литературного агентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.01.11 в 18:40. Заказ № 4

Издатель Воробьев А.В. 117321, Москва, ул. Профсоюзная, 140, корп. 2. E-mail: gorkom11@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Мульти Графика», 105483, г. Москва, ул. Никитинская, 5а, (495) 749-61-68

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

В НОМЕРЕ:

Их пошлость — безотказное оружие, доводы разумны до сумасшествия, но мы — дети юга, и в нас издавна сидит солнце, контрабанда и насмешка, как граната, мы — случайность!

Вячеслав Горб, «В кругу смога», «Волга» 2010, №5-6.

Телега	2
Славянские войны: подлинная история Киевской Руси.	
Новости	3
Эдуард Абрамов. Перфоманс «Партия бессмысленного уничтожения всего»	
Рецепты чтения	4
Библиотека Атлантиды. Написанные и ненаписанные книги.	
Перечитываемая классика	6
Кирилл Ковальджи. Татьяна Бек: «Я буду честная старуха».	
Сценография	7
Виктор Кузнецов. Анна Павлова: «Приготовьте мне костюм лебедя».	
Исторический слой	9
Грэйл Маркус. Легенды свободы. Из книги «Следы губной помады».	
История песен	15
Алексей Караковский. Джон Леннон: «Gimme some truth» («Хватит мне лгать»)	
Консонанс	16
Сергей Зубарев. Советские песни: торжество матрифокального эпоса. Владимир Куземко. Цветы на могилу Пугачёвой. Екатерина Сергацкова. Пределы и просторы украинской музыки	
Большая литература	29
Ада Самарка. Украинское чтение: издательство «Зеленый Пес»	
Письма из ниоткуда	31
Семён Беньяминов. Филипп Лопэйт: «Подальше от Элиота».	
Кают-компания	33
Владимир Пивень: «Люди, которые летают — творческие люди».	
Портрет писателя в интерьере	35
Алексей Караковский. Принцесса в кедах. Ева Шателей: «Меня радует удивительное». Стихи Евы Шателей.	
Сетевые раскопки	42
Andrenalin.Ru	
Дикий гон	42
Бантики-в-слезах. Республика женского счастья	
Диванчик доктора Инкфиша	44
Доктор Инкфиш. Сказки с хутора рядом с Диканькой	
Контрабандное чтение	45
Стихи поэтов Украины. К.Непома. В одном околоточном заведении Александр Вишнёв. Недобрые стихи. Артём Филимонов. Дельфин. Юля Смаль. Зарисовки метрополитена Александр Лесостепенной. Чингисхан: история из первых рук Виктор Харин. Хранители сказок, часть вторая. Выход в город	
Сказки Полянской	63
Мария Полянская. Притчи о страннике	

СЛАВЯНСКИЕ ВОЙНЫ: ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

В лето 2010 от РХ. «норманнскую» теорию происхождения Руси окончательно вытеснила новая, «таджикская» теория. Первоначально древние таджики, массово возвращавшиеся на историческую родину в XX-XXI вв., населяли весь ареал от Восточной Пруссии до Западной Сибири включительно, оставив после себя множество топонимов — таких, как река Обь (от таджикского «об» — вода); согласно одной из версий, это слово повлекло также название единицы административного деления «область». Скромные, нетребовательные поселенцы брались за любую работу, устраиваясь в княжеские поместья дворниками, разнорабочими, мусорщиками. Правда, невежественные древние греки почему-то называли таджиков скифами, что, в итоге, и вошло в официальную историографию. Вероятно, это объясняется отсутствием в древнегреческом языке не только буквы, но и самого понятия «ж», хорошо известного таджикам.

По преданию, Киев был основан славянином Кием и народившимися из его ребра братьями Щеком, Хоривом, а также сестрой Лыбедью. Сохранившиеся топонимы (река Лыбедь, горы Щекавица, Хоривица) указывают на разграничение сфер этих группировок. Летописцы указывают на разную национальность братьев: так Щек был чехом (то есть, чеченцем), Хорив — хорватом, а Кий (кстати, завзятый бильярдист) обходился вовсе без национальности.

Вскоре в Европу проникла таджикская родовая аристократия. Так в 862 году в северных пределах Древнерусского государства летописцами было отмечено появление трёх голубоглазых и светловолосых братьев-близнецов — Рафика (Рюрика), Радика (Трувора) и Аль-Ходжи-Магомета (Синеуса), основавших королевскую династию Рафиковичей. Согласно летописным источникам, Рафик сидел в Изборске, Радик на Белоозере, а Аль-Хаджи-Магомет — по сто пятой. Вскоре беглые боевики Союза исламского обогащения Аскольд и Дир тайно покидают Русский Север и несанкционированно устанавливают контроль за Киевом, в то время живописной дачной местностью на Днепре.

В 882 году прибывший в Киев с военной миссией полпред Рафика в Южном округе Олег убивает Аскольда и Диру, на спор перешагивает реку Лыбедь, строит фуникулёр и вводит регистрацию хазар по месту жительства (прообраз черты оседлости). Киев объявляется столицей Украины, левый берег Днепра демилитаризуется, а у священного Перунова источника устанавливается закладной камень будущего международного аэропорта Борисполь. После подчинения северян, древлян и кривичей, Олег умирает, а князем провозглашается Игорь Рафикович.

Удачные действия Игоря в Византии вызвали ревность хазар, с помощью хасидов-смертников спровоцировавших массовую драку пристяжных верблюдов киевского обоза. Порча автопарка привела князя к мысли взять дополнительный транспортный налог с живущих неподалёку древлян. Попытка жителей откупиться списанными запчастями (рогами и копытами) вызвала гнев князя и краткий аффективно-эмоциональный конфликт, в результате которого Игорь был принудительно лишён жизненно важных функций и скончался. Недальновидный поступок древлян привёл к эскалации военных действий и полному исчезновению народа в ходе Семидневной войны с киевской княгиней Ольгой.

Следующим правителем Киева стал князь Святослав, прославившийся своим участием в потешных кулачных боях, традиционно проводящихся при дворе Великой Порты. В отличие от своих подданных князь никогда не применял приёмы биения челом, не уклонялся от прямых ударов и в совершенстве владел техникой мгновенной трепан-

нации черепа (откуда и пошло таджикское искусство снятия скальпа). К сожалению, князь жил недолго и несчастливо, после чего был убит в случайной поножовщине с дунайскими скинхедами (печенегам).

В 980 году после непродолжительного дефежа имущества к власти пришёл князь Владимир, поставивший на своём государстве жирный крест (освящённый впоследствии патриархом московским и всея Руси Кириллом), после чего отправился с походом на всё тех же печенегов (дунайских скинхедов). Его наследники, не имевшие никаких талантов, кроме братоубийственных (чего стоит одно имя Святополк Окаянный!), долго состязались в масштабах взаимных претензий. Бесстрастные летописные своды сохранили память об их злодеяниях: молодые Борис и Глеб были зверски убиты, конь князя Олега раскопан и осквернён, а верные псы государевы Белка и Стрелка — вовсе отправлены в космос.

Один из князей, Ярослав Мудрый, уморил, наконец, и братьев, и скинхедов, в результате чего страна получила долгожданную передышку. В это время правитель посетил множество древнерусских городов с сольным хэви-металлическим турне «Русская правда» (хазарские агенты в ужасе рапортовали о сочувствии князя праворадикалам). Киев был украшен шедеврами архитектуры, образовавшими целые районы — Троещину, Оболонь и Дарницю. Кроме этого, Ярослав Мудрый попытался законодательно ввести «лествичный» принцип наследования хромосом, но не достиг успеха и умер (впоследствии этот принцип был украден бенедиктинскими монахами и не без успеха применён на Западе при беспроводном выращивании виртуального картофеля-фри).

Не позднее 1112 года киевское «Динамо» проиграло донецкому «Шахтёру» в Кубке УЕФА, что повлекло перевод Владимира Мономаха в Стереомахи. Основатель и председатель древнерусского союза писателей Нестор основал библиотеку Ивана Грозного. Дунайских скинхедов (печенегов) сменили степные панки (половцы). Крах субкультур вестготов и остготов привёл к нашествию диких племён эмо, (предположительно, аварского происхождения), которые свели в могилу последнего римского императора Ромула-Августа, а потом долго на ней рыдали, что привело к появлению Гран Опера, сносу центра Помпиду на Крещатике и переименования площади Звезды в улицу Саксаганского.

К 1152 году всемирным центром православия становится Киево-Печерский монастырь, основанный греческими монахами-спелеологами Кириллом и Мефодием, изобретшими азбуку Брайля для чтения в темноте (глаголицу). Азбука и монастырь были также освящены патриархом московским и всея Руси Кириллом; капаккуна и катакана, изобретённые монахами, не сохранились. Досуг монахи проводили в сочинении летописей, соревнуясь друг с другом в фантазии и детской непосредственности.

После смерти Ярослава земли Киевской Руси были разделены между его сыновьями, договорившимися на Любечском съезде Коммунистической партии Украины о ненападении и нестяжательстве. После этого Русь перестала существовать как единое государство, а Киев стал часто переходить из рук в руки (подчас за немалые деньги!); участились нападения степных панков. В 1240 году Киев был полностью разрушен второй волной таджикской миграции, получившей в историографии название Монгольское Нашествие.

Ну а тот Киев, который мы все знаем и любим — это, конечно, позднейший репринт, воссозданная по крупницам художественная реальность. Берегите её!

ПАРТИЯ БЕССМЫСЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ВСЕГО

11 декабря 2010 года участники журнала «Контрабанда» провели в Библиотеке им. Тургенева шокирующую массовую акцию — перформанс под названием «Партия бессмысленного уничтожения всего».

Первым делом усилиями контрабандистов было осуществлено массовое вступление в ряды партии посетителей библиотеки, каждый из которых получил в качестве партийного билета и депутатской неприкосновенности наш любимый журнал. По окончании списки принятых членов были законспирированы путём сожжения во дворе библиотеки.

Сам перформанс состоял из вольного чтения «Московских» и «Петербургских» городских новостей, рассказывающих народу правду о нашествии хомячков и морских свинок на психбольницы и морги города, под аккомпанемент популярных мелодий Кантри Джо Макдональда и Пола Маккартни (новости зачитывали Александр Холмогоров и Алина Халзагарова). Кроме того, Алексей Караковский спел три революционные песни — «Первую», «Вторую» и «Третью» (подлинные названия в целях конспирации не разглашаются).

Неделей позже акция была повторена в книжном магазине «Гиперион». На этот раз к перформансу был добавлен танец в наручниках и огромный флаг «Соединённых штатов Сибири», придуманный омским художником Дамиром Муратовым. Это легендарное полотнище состоит из белых и зелёных полос; в верхнем левом углу флага на голубом фоне изображено пятьдесят снежинок (у Дамира их, правда, их было больше).

Вот лозунги, под которыми выступили боевики:

ДОБРОЕ, РАЗУМНОЕ, ВЕЧНОЕ. Его необходимо уничтожить с особым цинизмом. После чего заменить на Злое, Глупое и Актуальное.

КАНАЛ «КУЛЬТУРА» ВЫРЫЛИ ЗЭКИ! Правда, сначала они вырыли небо и землю. А из глины и соломы сделали маленьких Солженицына, Ростроповича и Евтушенко.

ПУШКИНА УБИЛИ НЕДОСТАТОЧНО! Раскопать, вручить все стихи, написанные в его честь, и закопать обратно. Святогорский монастырь снести, а на его месте построить бассейн «Москва».

ПАМЯТНИКИ НЕ ПАЛЬЦЕМ ДЕЛАЮТ. Построй нерукотворный — вылетит не поймашь! Подрезали крылья — возьми прокладку! Летайте дирами «Аэрофлота»!

ПРИ СЛОВЕ «КУЛЬТУРА» НАДО ХВАТАТЬСЯ ЗА УСТАНОВКУ «ГРАД». Кстати, подходящий фаллический символ. Enjoy.

«ЖИ»-«ШИ» ПИШИ ПО-КИТАЙСКИ. «这»-«足» — 舂中这爸! 忘这个蠢, 语汉语. Что тут может быть непонятного?

АНАФЕМА — МАТЬ ПОРЯДКА. Массовые убийства — разве это не прекрасно? Отомсти бактериям, помой унитаз!

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО, КАК СЕБЯ САМОГО. Нежно и страстно. Точно так же, как ты это делаешь в ванной.

ПАРКУЙСЯ НА ГАЗОНАХ, ЕШЬ МАЙОНЕЗ. Делай это чаще, тогда умрёшь. Непременно. Когда-нибудь. Именно этого мы все здесь и добиваемся. Прячьтесь — господь любит нас.

БЕДА НИКОГДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА. ПРОКОРМИШЬ ЛИ ТЫ ИХ ВСЕХ?

Этот перформанс, как и многое другое, был придуман контрабандистами за чайником чая в уютной атмосфере книжного магазина «Гиперион». Предполагается, что эти, ставшие регулярными посиделки продолжатся и в 2011 году. Узнать о наших планах можно, запросто написав на емэйл главного редактора (см. обложку журнала) или в сообществе Живого Журнала ru_kontrabanda. Сайт Партии бессмысленного уничтожения всего — www.idi-v-zhopu.ru.

Эдуард АБРАМОВ

БИБЛИОТЕКА АТЛАНТИДЫ

Не все эти книги написаны, но каждую из них мы рекомендуем!

Диего де Ланда Кальдерон. Сообщение о делах в Юкатане
Мадрид, 1566

Предлагаемая Вашему вниманию книга — один из наиболее старинных трудов, посвящённых географии, экологии и экономике полуострова Юкатан. В книге приведена интереснейшая статистика по урожаям маиса в 1549–1566 гг, перечислены имена всех значительных исторических лиц, когда-либо посещавших полуостров. Интересны также замеры среднегодовой температуры воздуха, количества осадков, интенсивности приливов и отливов. Пылкие умы смогут по этим данным вычислить закономерности, благодаря которым естественная смертность среди коренного населения полуострова так долго превышала рождаемость.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Александр Иванович Герцен. «КТО ВИНОВАТ?», часть 3
Москва, «Политпросвещение», 2010

Мало кто знает, что роман Герцена «Кто виноват?» был написан, не в двух, а в трех частях. Третья часть содержала конкретные фамилии, сведения о коррупции и факты о злоупотреблениях служебными полномочиями. В книге фигурировало немало высокопоставленных чиновников и лиц близких к первому лицу государства. Не удивительно, что автор был арестован, а весь тираж изъят и уничтожен. Отдельные материалы были размещены на Kavkaz.org, что привело к серии скандалов и громких уходов.

Так в 1848 году с поста градоначальника был уволен Щербатов Алексей Григорьевич с весьма жесткой по тем временам формулировкой: «в связи с утратой доверия его Величества». Но в 1864 году последние кавказские племена заключили с Россией мир, Kavkaz.org был прикрыт, а материалы бесследно исчезли. И только недавно часть бумаг была обнаружена в парижских архивах Герцена. Другая часть всплыла в рассекреченных архивах КГБ.

Спешите читать и поражаться! Это бомба! Пушкин — это не наше все! Герцен проснулся сам, его никто не будил! Сколько нужно заплатить, чтобы стать царем?! Все это и многое, многое другое в третьей части мирового бестселлера «Кто виноват?»

Рустам КАРАПЕТЬЯН

Антон Жаров: пятнадцать суток в Шамбале
Москва, 2010.

Книга написана на основе полученного МИД России телепатического письма с просьбой о репатриации, и дневниковых записей, опубликованных его автором по возвращении. Прежде считалось, что попасть в легендарную Шамбалу можно лишь выполнив огромное число духовных практик. Но Антон Жарин оказался там, возвращаясь с новогоднего застолья и просто заплував.

Вернуться в Россию Жарину удалось, обменяв наручные часы на трансцендентный алкоголь и воспользовавшись «автопилотом».

Книга выпущена в переплете из заборной доски с оригинальными мантрами.

Дмитрий ВИСКОВ

Путеводитель по Москве для любителей экстремального секса
Санкт-Петербург, 2010.

В последнее время в моду вошло всё экстремальное и сексуальное. По поводу секса примеры не нужны, а вот экстрим, похоже, стал частью государственной политики, потому что бесцельный риск отвлекает молодёжь от осознанного риска, неизбежного при попытках свержения государственного строя. То, что делает с девочками и особенно мальчиками сублимация видно даже по статистике порносайтов: сначала все ломались на японские сайты, потом всех потянуло на малолеток. Скоро, глядишь, все, кого ни спроси, будут геи или лесбиянки, ну или в крайнем случае, би.

Это издание также предназначено для экстремалов — любителей уличного секса. Авторы книги раскроют тайны укромных уголков в парках, ресторанах, ночных клубах и станциях метро. Особый интерес представляет собой адресная карта московских помоек, на которые не ступала нога человека. Воспользовавшись нашей книгой как инструкцией, вы проведёте незабываемые минуты своей жизни и доставите море непередаваемых ощущений себе и своему сексуальному партнёру!

БАНТИКИ-В-СЛЕЗАХ

Гарри Поттер и вставная челюсть Кришны
Москва, 2022. Тираж 150 млн копий.

Это последняя, 18-я книга скандально известного правнука премьер-министра Великобритании Джоан Роулинг, известного в мире под псевдонимом Дмитрий Пипец.

Напомним, что сериал о приключениях хрюнделя на метле стал самым эффективным оружием массового поражения со времён открытий Бора и Резерфорда: в день выхода очередной книги планета вымирает на пять с половиной часов.

Тем, кто забыл, чем всё продолжалось, напомним краткое содержание предыдущих серий.

Уже в третьей книге Пипца читатель узнаёт, что Гарри Поттер и Волан Де Морт — четыре разных человека. В шестой книге Гарри Поттер умирает в пятый раз, а воскресает только к концу девятой. В одиннадцатой книге Гарри целует Гермиону взасос, а в тринадцатой отрешивается от своего дара змеелотства и улетает домой на планету Иудеев.

Два предыдущих романа Пипца были посвящены духовным мукам одряхлевшего старикашки Гарри. В книге «Гарри Поттер и уши Христа» главный герой попадает на остров Соловки и пытается убежать оттуда вплавь, а в трёхтомнике «Гарри Поттер и щиколотка Будды» Гарри трижды реинкарнирует в Гермиону, а затем обратно в Волан Де Морта.

И вот, наконец, сериал завершается. «Гарри Поттер и вставная челюсть Кришны» повествует о поползновениях героя внутри собственной палаты и его неравной борьбе со смиренной рубашкой. Время от времени он ест, предаваясь сладким воспоминаниям о том, что когда-то был флейтистом и коллекционировал пластинки «The Beatles». А по ночам Гарри страдает от кошмарных снов, где он превращается в Кришну, имеющего 18 тысяч жён, среди которых — вся семья Поттер — мама, бабушка, дедушка, братья, сёстры, чучело Дамблора, Алан Рикман и Гермиона.

Пресс-секретарь ООО «Коломенские пельмени», которому принадлежат все права на издание Поттерианы, заявил, что Пипец больше ничего не напишет, а все заработанные деньги отдаст на строительство линии метрополитена, соединяющей Хогвартс и Южное Бутово. Но мы

же с вами знаем, что это — очередной коммерческий трюк. К тому же, по непроверенным данным, Дмитрий Пипец уже десять лет живёт в Мозамбике, а книги за него пишут литературные белые.

Алексей САМОЙЛОВ

Антониу Суареш. Золотые сны маленькой чёрной девочки

Перевод с португальского. Радуга, 2010 г.

Маленькой Мтенде однажды приснилось, что боевики РЕНАМО превратились в больших синих птиц и улетели на восток, а Самора Машел воскрес в теле огромного бегемота и требует каждое утро на завтрак 19 мозамбиканских девственниц. Деревенский колдун, старый Чимаризен, услышав рассказ девочки, сразу же побежал за советом к своему старому другу, священнику местной церкви падре Франшику, вместе с которым они срочно отправляются в столицу, чтобы доложить о произошедшем в местное КГБ. Теперь за хрупкой Мтенде охотится в Мозамбике всякая божья тварь: ФРЕЛИМО, РЕНАМО, спецслужбы Мозамбика, ЮАР и СССР, а также католическая инквизиция и Независимый Альянс Африканских Колдунов «С нами сила!». Малышка скрывается в дикой саванне и начинает свою отчаянную герилью против всех сил земных и небесных. А по ночам ей всё так же снятся захватывающие сны обо всём на свете, в которых добро всегда побеждает зло, а красивый чёрный парень становится Самым Главным и наказывает всех её врагов. Сбудутся ли золотые сны маленькой чёрной девочки? Коснётся ли крыло голубя мира измученной земли Мозамбика? Прилетит ли из прекрасного будущего Барак Обама на голубом вертолёте, чтобы спасти малютку Мтенде? Читайте об этом в захватывающей дух истории о неугасающей надежде обрести свободу и право на достойную жизнь от лауреата литературной премии «Политический заказ-2008» журналиста-международника Антониу Суареша.

Александра МОРОЗОВА

Илья Снегофф. Медные яйца

Порнографический роман-фантазия на темы классической литературы. Первая часть романа (добрых две трети книги!) повествует об эротических сновидениях Веры Павловны — простой, одинокой жительницы современного Санкт-Петербурга. В заключительной, апокалиптической части, на глазах несчастной женщины происходит мистическое оживление фигуры Медного Всадника, после чего конь, на котором вместо царя теперь сидит испуганная Вера, несётся по улицам города, пытаясь на скаку вступить в половую связь со всеми встретившимися по дороге женщинами. Заканчивается роман символическим преобразованием и мистическим оплодотворением, что должно настраивать читателя на продолжение романа, которое выйдет, по словам Снегоффа, уже в следующем году и будет называться «Золотая баба».

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Симпли Майер. ГЕРОИН. Секреты правильного применения

Москва, издательство «Безопасность», 2010

Как известно, героин был запущен в массовое производство в 1898 году немецкой фармацевтической компанией Вауер АГ и применялся при кашле как успокаивающее средство с ярко выраженным обезболивающим эффектом. Однако, порочный мир загнивающего капитализма извратил представление о героине, как о лекарстве, цель которого —

спасти мир. Из глубин потного, порочного подсознания возникли шприцы, ломки, передозировки. Так идея героина была извращена и опорочена. Уже к 1971 году это лекарство полностью перестало продаваться даже на своей исторической родине — в Германии. Немецкий учёный-фармаколог Симпли Майер из Майнца в своей книге доказывает, что человечество до сих пор не изобрело лекарства от кашля, сравнимого по силе с героином. Поэтому продвинутым пациентам просто необходимо овладеть секретами правильного применения героина, чтобы он не только давал побочные эффекты, но и лечил от кашля, как изначально и предполагалось. К сожалению, книга не была одобрена Евросоюзом и распространяется только среди сотрудников служб наркоконтроля.

Эдуард АБРАМОВ

Вопросы цефализации лягушек

Кишенёв, 2788 г.

Несмотря на академичность названия, автор в живой и увлекательной форме рассказывает о том, как лягушки постепенно превращались в людей. В последние десятилетия вопрос стал особенно остро в связи с конкуренцией на рынке труда. Издревле, с середины двадцатого века до нас доходят легенды о маленьких зелёных человечках — в те времена мало кто предполагал, что это не домыслы, а прямые прогнозы. Приблизительно с середины XXI в. появляются описания цефализованных лягушек. Наши зелёные конкуренты, сперва неприметные, всё чаще становились собутыльниками своих двуногих собратьев, вступали с ними в половые связи, помогали им по хозяйству, учились у них воровать и мошенничать. К настоящему времени в ряде районов планеты лягушки почти полностью контролируют экономику и составляют большинство в местных парламентах. Автор призывает большого белого брата всерьёз задуматься о решении проблемы бело-зелёных полукровок, о внедрении новых методов мошенничества, недоступных цефализованным лягушкам, о ряде других актуальных межвидовых проблем современности. Книга написана на молдавском языке, который по неизвестным причинам лягушки освоить так и не смогли.

Сергей АЛХУТОВ

Кирилл Ушаков, Татьяна Уморская. СТРАНА КАРТОНИЯ

Занимательная азбука Брайля для детей с непрерывно ухудшающимся зрением

Название книги говорит само за себя — это увлекательная, развивающая книжка, в игровой форме обучающая с самого раннего возраста пользоваться азбукой Брайля, даже если зрение ребёнка соответствует норме. Авторы книжки настойчиво рекомендуют начинать обучение Брайлю ещё в детском саду, что соответствует наиболее благоприятному сензитивному периоду в жизни малыша. Азбука Брайля как ничто другое поможет формированию логического мышления, мелкой моторики, селективной кинестетики, познакомит ребёнка с увлекательным миром слепых — миром, с которым он, возможно, ещё не раз соприкоснётся во взрослой жизни, сутками работая в тёмном, прокуренном и грязном помещении у едва мерцающего монитора за нищенскую ставку сотрудника отдела технической поддержки.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ТАТЬЯНА БЕК: “Я БУДУ ЧЕСТНАЯ СТАРУХА”

7 февраля 2011 года исполнится шесть лет со дня смерти поэтессы и литературоведа, преподавательницы Литературном институте им. А. М. Горького Татьяны Бек.

Татьяна Александровна родилась 21 апреля 1949 года в Москве. Начала публиковаться с шестнадцати лет. В 1972 году окончила факультет журналистики МГУ. Выпустила семь сборников стихов и книгу эссе. Умерла от инфаркта; по другой версии, покончила с собой. Похоронена на Головинском кладбище в Москве. О Татьяне Бек вспоминает поэт Кирилл КОВАЛЬДЖИ.

Мне выпала горькая участь написать от имени Секретариата СП Москвы некролог.

Бесконечно горько, — случилось невероятное: 7 февраля ушла из жизни Татьяна Бек. Замечательный поэт в расцвете сил, совсем недавно вышли две ее наиболее весомые и сильные книги: однотомник эссе и томик избранных стихотворений «Сага с помарками». Яркая личность, Татьяна Бек была глубоким и проникновенным поэтом-лириком, взыскательным и доброжелательным, обладающим редкостной эрудицией критиком и литературоведом, прекрасным педагогом — она воспитала десятки и десятки юных дарований в Литературном институте им. Горького — Таню любили читатели и поэты, друзья и совсем незнакомые люди, сердце которых она согрела своим талантом, своей щедрой душой.

Татьяна Бек была не только отзывчивым другом для своих близких — она обладала горячим и честным общественным темпераментом, она, кроме всех своих «нагрузок», была еще действенным, действующим секретарем Союза писателей Москвы. Слово ее было нужным, авторитетным, справедливым. Во многих стихах Татьяны Бек мы видим не только признания в любви многим людям, но и портреты самих этих людей, разъединенных эмиграцией, временем, наконец, смертью...

«Сгинул Славка, умер Вовка, // Оступившись на ходу...». И вот скорбная, несчастная весть: сама Таня погибла... Это тяжелая для нас потеря, потеря для всей русской литературы — она могла принести еще много, создать, сотворить. О ней будет еще сказано и написано, сейчас главное — боль. Случилось непоправимое. Прощайте, Татьяна Александровна. Прощай, Таня!

Некролог был опубликован в «Культуре». Трагедия Тани связывается с дурацкой историей: письмом трех поэтов о готовности переводить Туркменбаши, историей, из-за которой произошел ее болезненный разрыв с друзьями. Бытует версия самоубийства, я же склонен думать, что — несчастный случай. Но то, что ее «достали», да и она себя довела до тяжелого состояния — тоже факт.

Выходят многочисленные воспоминания о ней. Добавлю несколько слов от себя.

Крепкая, крупная, но ранимая, хрупкая. Личная жизнь ее не складывалась, замужество было чуть ли не однодневным (одноночным?). Литературная жизнь, напротив, становилась все значительней, удачней. У меня с ней сложились сердечные дружеские отношения. Многолетние. Имело значение и то, что она была подругой женщины,

в которую я был влюблен. Таня тепло писала о моих стихах, с моей легкой руки она составила и выпустила в «Московском рабочем», где я служил, антологическую книгу «Акмеизм» (директор возражал — нельзя, мол, поручать такой труд неспециалисту!). Потом случилась размолвка в связи с тем, что молодой бизнесмен хотел основать издательство современной литературы и поставить меня во главу его. Я предложил редколлегия в составе Бек, Рейна и Чухонцева. Почему-то пребывал в уверенности, что они обрадуются. Вышло как раз наоборот. Бизнесмен смутился, а Таня, когда я удивленно обратился к ней, ответила холодной уклончивостью. Идея провалилась. И слава Богу. Все равно ничего не получилось бы. Преодолевая обиду, я через некоторое время попросил Таню прочитать рукопись моего нового сборника (будущий «Невидимый порог»). И она столь же искренно, как раньше хвалила мои стихи, отвергла их, как поэтику чуждую ей (ее письмо у меня сохранилось). И опять возникла пауза, и опять, через некоторое время, я отнес в «Вопросы литературы» главы из «Моей мозаики», рукопись попала к Тане, она охотно взялась вести мой материал и даже отрывки из него предложила в «Общую газету», где они и были опубликованы. Отношения снова наладились... Пишу об этом, чтобы подчеркнуть: Таня была всегда честна — и в порывистой справедливости, и в порывистой несправедливости. Я верил, что она доживет до старости: «я буду честная старуха»...

Умная, пронзительная, Таня однако слишком больно, с детской пристрастностью относилась к перипетиям нашей взрослой жестокой жизни. Думал — что ж, так и положено поэту, тем более — женщине. Никак не предполагал, что тут таится трагедия...

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

“ПРИГОТОВЬТЕ МНЕ КОСТЮМ ЛЕБЕДЯ...”

Композитору Камиллю Сен-Сансу перевалило уже за пятьдесят. Угнаться за балериной, крикнувшей «Догоняйте!», маэстро не смог. И отстав на пару минут, не без страха взирал на затеянную молодой женщиной на берегу пруда возню с белым лебедем. Могучая птица могла бы ударом клюва переломить человеческую ногу или размозжить голову. Но она была ручной и не сопротивлялась. Анна Павлова, с улыбкой взирая на композитора, перевела свою шею лебединой и нежно прижалась щекой к клюву. . .

После обеда Сен-Санс сел за рояль. Так родилась музыка, на которую специально для Анны Павловой Михаил Фокин поставил вскоре сольный номер «Умиравший лебедь».

«Служенье муз не терпит суеты...»

Великая русская балерина Анна Павловна Павлова (1881-1931) происходила из семьи тверских крестьян, переселившихся в пригород Санкт-Петербурга. Есть сведения, что она была незаконной дочерью тогдашнего олигарха-миллионера Лазаря Соломоновича Полякова, одного из трех братьев — банкиров и предпринимателей, ведавших почти всем железнодорожным строительством в России. Лазарь Поляков, как будто бы, всегда материально помогал дочери. . .

Мать, простая малограмотная прачка, обожала свою Нюбочку. И как-то повела девочку, которой не было еще и восьми лет, в Мариинский театр на спектакль «Спящая красавица». «С первых же нот оркестра, — вспоминала потом балерина, — я притихла и вся затрепетала, впервые почувствовав над собой дыхание красоты. А когда взвился занавес, открыв раззолоченную залу дворца, я тихонько вскрикнула от радости. И, помню, закрыла лицо, когда на сцену выехала злая волшебница в карете, запряженной крысами. . .». Во втором акте группа мальчиков и девочек танцевала на сцене чудесный вальс.

— Хотелось бы тебе танцевать с ними? — с улыбкой спросила мать.

— Я буду когда-нибудь танцевать, как Спящая красавица, — твердо ответила дочь. И помолчав, добавила: — В этом самом театре!

Мать засмеялась и, назвав дочку глупенькой, ласково погладила по головке. Она и не подозревала, что девочку осенила Судьба — через 10-12 лет ей будет заморожено рукоплескать весь мир.

В 1891 году десятилетняя Нюбочка без труда прошла приемные испытания в балетную школу, где сразу же стала лучшей ученицей и по танцу, и по общеобразовательным предметам. «Это была совсем тоненькая девушка, — вспоминал один из партнеров Анны по ученической сцене, — ростом немного выше среднего. У нее была чарующая улыбка и красивые чуть грустные глаза; длинные, стройные, очень красивые ноги, с необыкновенно высоким подъемом; фигура изящная, хрупкая и такая воздушная, что, казалось, она вот-вот оторвется от земли и улетит».

В Императорском театральном училище о ней говорили как об одаренном и очень воспитанном ребенке. А вот первое публичное выступление, состоявшееся в Мариинском театре на бенефисе молодого уже танцовщика и педагога Христиана Иогансона, не обошлось без конфуза — в сцене из балета «Дочь фараона» дебютантка с грохотом рухнула спиной к залу на суфлерскую будку. Хохот зрителей не смутил ее: она склонилась перед публикой в грациозном реверансе. И зал разразился аплодисментами. . .

В 1902 году Анна Павлова стала солисткой Русского императорского балета; с 1905 года числилась балериной, с 1907 года — прима-балериной. В 1908 году ей поручили желанную роль Одетты-Одиллии в «Лебедином озере» П. И. Чайковского.

«Она не танцует, а летает», — говорил об Анне Павловой знаменитый деятель русского балета Сергей Дягилев. «Ни одно движение балерины, ни один жест и взгляд не вступают в противоречие с музыкой», — дружно вторили ему музыкальные и театральные критики. Итальянский танцовщик и педагог Энрико Чекетти, у которого учились все тогдашние звезды — и Анна Павлова, и Вацлав Нижинский, и Тамара Карсавина, — заявил после одного из ее выступлений: «Я могу научить всему, что связано с искусством танца. Но у Павловой есть то, чему научить мог только Господь Бог».

Контакты-конфликты

За 14 лет работы в Мариинке Анна Павлова исполнила на сцене все ведущие балетные партии. Поразительна широта диапазона ее искусства — от крестьянской девушки в «Жизели» до радующейся жизни «Бабочки» и чувственной страсти в «Вакханалии».

Анна Павлова сотрудничала с Сергеем Дягилевым и Александром Бенуа. . . Сценическими партнерами балерины в разное время были прославленные танцовщики Михаил Фокин, Вацлав Нижинский, Михаил Мордкин, Лаврентий Новиков, Сергей Легат. . . Во многих спектаклях она танцевала на одной сцене с Матильдой Кшесинской и Тamarой Карсавиной. . .

И скачками своего темперамента, вспыльчивостью, капризностью не раз разжигала со многими из них серьезные скандалы. В 1911 году в припадке бешенства она влепила пощечину лучшему из своих партнеров Михаилу Мордкину. Он тут же уехал в Москву — в Большой театр. И отклонил все уговоры вернуться, хотя в конфликте с Павловой несомненна и его вина — он тоже был неуступчив и самолюбив. . .

Фокин как человек более отходчивый всегда мирился с легко остывавшей от гнева примадонной. Но следы их конфликтов можно обнаружить во многих изданиях того времени. В интервью журналу «Рампа и жизнь», например, он осудил попытку Павловой воспрепятствовать включению в ее бенефис кордебалета «Вакханалии» в его

постановке. «Балерине с таким громадным репертуаром, — заявил балетмейстер, — не следует мешать другим исполнять свои номера».

Не сработалась Анна Павлова и с Дягилевым — они полностью разошлись в оценке будущего балетного искусства. Ее бурный темперамент и яркая индивидуальность требовали центрального места в труппе, а Дягилев стремился к созданию сыгранного и послушного режиссерской воле ансамбля.

Несмотря на скандалы, в поведении Павловой на сцене и в жизни не было и намека на вульгарность. Публика ей поклонялась... За кулисами всегда стояли боготворившие ее люди с букетами цветов... Обожали Павлову и молодые танцовщицы, которые, приходя за советом, всегда получали и помощь, и поддержку...

«... То же, что музыка для танца»

Первым руки Анны Павловой стал добиваться молодой танцовщик Петербургской балетной труппы Сергей Уланов. Довольно быстро осознав бесперспективность своих ухаживаний за примой, он переключил внимание на чем-то похожую на нее танцовщицу кордебалета Марию Романову. («В танцах воспитанницы Романовой есть нечто, напоминающее танцы госпожи Павловой: блеск исполнения и стремительность», — так после выпускного спектакля утверждал ведущий балетный критик того времени Валериан Светлов). Дело кончилось свадьбой, и в начале 1910 года в семье Улановых родилась девочка, которую назвали Галиной...

Жизнь Анны Павловой была до краев наполнена беззаветной любовью к искусству, но это всеобщего интереса не возбуждает. Балерина совсем не давала пищи для газетных сенсаций — ее никогда не касались сплетни.

«Павлова, — утверждал английский балетный критик Артур Фрэнкс, — всю свою жизнь избегала предавать гласности личные дела». Даже артисты ее труппы в течение нескольких лет не были осведомлены о браке прима-балерины с антрепренером Виктором Эмильевичем Дандре. Один из влиятельнейших гласных стародумской партии, обер-прокурор в первом департаменте Правительствующего Сената, он был отмечен Анной Павловой среди ее многочисленных поклонников.

«Истинная артистка должна жертвовать собой своему искусству и отказаться от брака. Подобно монахине, она не вправе вести жизнь, желанную для большинства женщин, — всерьез утверждала Анна Павлова. — И все же из уважения к моим английским друзьям я должна была выйти за него замуж». Известно, правда, и такое высказывание балерины: «Подходящий муж для жены — это то же, что музыка для танца...»

Дандре был единственным в близком окружении Павловой, кто хладнокровно выдерживал бешенные скачки ее темперамента — жену он боготворил. Будучи на 11 лет старше, Виктор Дандре на столько же пережил Анну Павлову — он скончался в 1944 году в возрасте 73 лет...

В 1911 году вскоре после женитьбы Виктор Эмильевич был неожиданно арестован по делу о постройке в Петербурге Охтенского моста — одного из незадачливых детищ тамошней городской управы. Дандре, правда, почти сразу же выпустили под подписку о невыезде и залог в 35 тысяч рублей. Говорили, будто деньги внес его брат...

Денежные дела труппы своей жены Виктор Эмильевич вел очень аккуратно. Артисты, в которых антрепренер всегда стремился поддерживать чувство коллективизма, его уважали... Как-то одна из девушек повредила на репетиции ногу, и доктор запретил ей танцевать несколько недель. Навестив больную, Дандре от имени Анны Павловой официальным

тоном объявил, что — согласно контракту — артистка может сполна получить недельный заработок, но тогда должна будет сама расплатиться за лечение. Оплатить врачебные счета может и труппа, а остаток будет выдан балерине на руки. Девушка подумала и приняла второе решение... В день полочки Дандре вручил ей обычное жалование — без всяких вычетов, хотя она почти месяц не работала. Танцовщица честно напомнила Виктору Эмильевичу о том разговоре. И антрепренер с улыбкой ответил, что, благодаря проявленной ею солидарности, все уладил.

В 1913 году Анна Павлова отправилась в Россию без мужа — Дандре путь на родину был заказан. Репертуар гастролей составляли миниатюры: «Умиравший лебедь», «Вакханалия», «Новый гавот»... Она выступала в Народном доме в Петербурге, в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» в Москве, в Павловском вокзале под Петербургом... И это оказалась последняя поездка Анны Павловой на родину — в Европе разразилась Первая мировая война, и супруги вместе с балетной труппой переехали в США.

Русский балет за границей

Странствуя по миру, Анна Павлова стремилась сохранить академизм отечественной классической школы, созданной, как выражалась, «... нашими гениальными балетмейстерами и, прежде всего, — незабвенным Петипа».

Русской балерине горячо рукоплескала Индия, славящаяся собственным многовековым танцевальным искусством. Один из тончайших знатоков индийского танца Дшеван Чаманлал так говорил об Анне Павловой: «Когда она танцевала, вы не видели ни напряженной шеи, ни судорожных торопливых движений, не замечали ее боязни сбиться со счета и не попасть в такт музыки; общее впечатление от танца, его одухотворенность опьяняли вас, вызывали восторг. В западном балете я не знаю ничего подобного».

Анна Павлова создала три собственных балета на индийские мотивы — «Радха и Кришна», «Фрески Аджанты», «Индусская свадьба». Как отмечал знаменитый делийский танцовщик и балетмейстер Рам Гопал, они удивительно близки духу его родины.

Учениками Анны Павловой могут быть названы лучшие индийские танцовщицы середины XX века Удай Шанкар и Рукмини Дэви. Дорогу в балет она открыла и англичанину Фредерику Эштону, и американцам Энтони Тюдору и Руфи Пэдж, и австралийцу Роберту Хэлиманну... В Японии Павлова впервые вызвала интерес к европейскому балету. В Мексике помогла слить фольклорную пляску с формами классического танца.

Коснувшись далекой латиноамериканской страны, трудно не упомянуть о мексиканском открытом театре, администрация которого, согласно закону, обязана возвращать зрителям деньги, если непогода помешала представлению в первые 40 минут после начала представления. Выступления артистов поэтому продолжались в Мехико в любой дождь и грозу. Вот и Анне Павловой, промокнувшей до нитки, пришлось доводить до конца танец «Умиравший лебедь» на музыку Сен-Санса под сверкание молний...

Умерла великая балерина во время гастролей в Гааге 22 января 1931 года со словами «Приготовьте мне костюм Лебедя».

Как говорила одна из ее учениц американская балерина Мюриэль Стюарт, в 1927 году открывшая балетную школу в Сан-Франциско, «... замечательные балерины были и после Анны Павловой; некоторые из них, возможно, обладали более совершенной техникой; но Павлова была и осталась для всех великим символом духовной красоты».

Виктор КУЗНЕЦОВ

ГРЭЙЛ МАРКУС. ЛЕГЕНДЫ СВОБОДЫ

Продолжаем публикацию глав перевода книги Грейла Маркуса «Следы помиды: Тайная история XX века» (1989). Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика Александра Умняшова — gileec.livejournal.com.

Легенды свободы (начало)

В декабре 1957 года Ги-Эрнест Дебор, родившийся в Париже 28 декабря 1931 года, закончил книгу, которую назвал *Mémoires*. Он не писал ее. Он просто вырезал различные абзацы, изречения, фразы, а иногда и единичные слова из книг, газет и журналов; затем он рассеивал и лепил эти вырезки по нескольким десяткам страниц, которые его друг датский художник Асгер Йорн забрызгал и замазал кляксами, пятнами и подтеками. По всей книге были размещены фотографии, объявления, планы строений и городов, карикатуры, комиксы, списанные из библиотек или из газетных киосков репродукции гравюр и эстампов, каждая как молчание допрашиваемого, каждая — вызволенная из любого контекста, а все вместе — как глоссология, как призрачный текст.

Сперва могло показаться, что книга чересчур изысканна, а ее авторы тешат самолюбие. Но на самом деле, книга рассказывала вполне ясную историю и было очевидно, что история эта заслуживает самого пристального внимания. Книга была обернута в наждачную бумагу, так что, попав на полку, она могла испортить соседние тома.

Читателю приходилось самому соединять эту историю в единое целое, а затем — как следовало из замысла книги — расшифровывать откуда что и зачем. Сотворенная из обломков (а форма хаотично смешанных объектов представляет их, действительно, как обломки) книга являлась историей первого года Леттристского Интернационала, подвижной группы молодых людей: бывших студентов, бывших поэтов, бывших кинорежиссеров, а ныне лоллардов, дезертиров и пьяниц, живших в Париже в период с июня 1952 года по сентябрь 53-го и объединившихся под манифестами, вроде «Искусством будущего станет или ниспровержение ситуаций, или ничто», «Новое поколение не оставит ничего, за что можно было бы рискнуть», «Мы не выйдем отсюда живыми». Это была тайная история минувшего, история, «не оставляющая следа» — об этом говорила каждая страница книги.

Но *Mémoires* были сделаны еще и затем, чтобы зафиксировать зарождение Ситуационистского Интернационала, гораздо более заметной группы людей, которую Дебор, Йорн и другие европейские художники организовали в июле 1957 года. Их первое заявление начиналось словами «Прежде всего мы полагаем, что мир должен измениться»; будучи воспоминанием, книга Дебора была также и прочтением. Чтобы проникнуться этой историей, человеку нужно не только знать, о чем умалчал Дебор (который даже не употребил нигде словосочетание «L'Internationale lettriste»), но больше: необходима способность представить обновленный мир — не просто «временное микросообщество», как себя называли леттристы, но новую «ситуационистскую» цивилизацию, в которой будут задействованы миллионы людей по всему миру.

В этом новом мире бессвязные и кажущиеся бессмысленными слова и иллюстрации из *Mémoires* обретали смысл. Перво-наперво,

они служили тем шумом, какофонией, распарывающей синтаксис общественной жизни, синтаксис — как писал Дебор в «Обществе спектакля» — «непрерывного рассуждения, оды существующего порядка о самом себе» (параграф 24). И по мере нарастания этого шума, слова и иллюстрации из книги становились все более связными — как граффити на бесчисленных стенах, как крики из тысяч глоток, как знакомые улицы и здания, однажды увиденные с иной точки зрения — и когда старый синтаксис оказался стерт, все эти вещи обрели еще один смысл. Они смогли быть переживаемы не просто как вещи, но как возможности, как части того, что Дебор называл «конструированием ситуаций».

Это то, что может быть «непосредственно, сознательно и свободно создаваемыми мгновениями жизни», каждое из которых «создается из поступков, обрамленных временными декорациями», где поступки, являющиеся «взаимосвязью личности и декораций» становятся порождением «других декораций и других поступков». Всякая ситуация может быть «окружающей средой» для «игры событий», каждая может менять все вокруг и сама меняться посредством всего вокруг. Город перестает восприниматься как задник для товаров потребления и власти, он становится полем «психогеографии», где рождается теория познания повседневных времени и пространства, позволяющая понимать и изменять «специфическое воздействие географического окружения, сознательно или несознательно организованного, на эмоции и поведение личности».

Теперь город мог меняться подобно карте, которую рисовал ты сам; теперь ты сам мог начать жить так, словно писал книгу. Вызванная к жизни улицей или зданием совокупность поступков означала обнаружение новой улицы, означала реконструкцию здания, где ты совершаешь необычные поступки — любые, вплоть до построения нового города или уничтожения старого. «Как-то раз, в сгущающихся сумерках, — писал в «Революции повседневной жизни» Рауль Ванейгем —

мне и моим друзьям пришло в голову проникнуть во Дворец Правосудия в Брюсселе. Люди знают этого мастодонта, давящего своей громадностью бедные кварталы под собой, охраняющего богатую авеню Луизы, из которой мы когда-нибудь создадим опустошённую страстью землю. После долгого дрейфа (dérive) по лабиринту кулуаров, лестниц, анфилады комнат, мы рассчитали возможное обживание этого места, мы вернули себе на время захваченную врагом территорию, мы преобразовали, благодаря воображению, это вшивое место в поле фантастической ярмарки, во дворец удовольствий, в котором самые пикантные удовольствия согласились бы на привилегию быть реально прожитыми (цит. по Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений. — М: Гилея, 2005 / пер. с фр. Э. Самтарова. С. 276-277).

Это была мечта, что с готовностью признает Ванейгем, но «мечты ниспровергают мир». Когда эта свободная территория была обнаружена с помощью шума, распускающего синтаксис, когда падение словаря на землю вытряхнуло из него все слова на улицы, когда мужчины и женщины стали подбирать эти слова и делать из них картины, такие мечты можно признать действенными, способными стать проводником новых страстей, новых действий, новых событий — ситуаций, «созданных для жизни», абсолютно нового бытия в мире. Эти ситуации могут породить еще один, третий, смысл: они могут быть неповторимыми, не обремененными никаким прошлым, открытыми для новых ситуаций, что составят историю совсем другого рода. Это будет история не великих мужей и не великих памятников в их честь, но история мгновений — тех мгновений, что каждым человеком неосознанно переживаются, но которые теперь можно осознанно творить.

Подобно сказке Дебора в Mémoires, эта история тоже по-своему неповторима. Ее ранние варианты можно найти в его писаниях — от открытий сюрреалистами городских «магнитных полей» в 1920-е до прогулок Томаса де Квинси по Лондону в начале XIX века и дальше — к «Carte de Tendre» («Карте Чувств») жеманниц XVII века — только в общих очертаниях, как в «книге за семью печатями». Это то, каким прошлому следовало бы быть, а Mémoires говорят: каким оно могло бы быть, если бы неизвестные мужчины и женщины, оказавшиеся на страницах книги Дебора и разукрашенные Йорном яркими цветами, смогли бы однажды отменить убитое время. А может быть, у них это получилось? И здесь, как будто бы впервые, безымянная группа на протяжении двух лет обнаруживала, что мир бесконечной новизны возможен и искала возможностей его сотворить. Этим возможностям оказалось целых две — «dérive», дрейф по городским улицам в поисках очарования и отвращения, и «détournement», кража эстетических художественных средств из их контекста и искажение их в чуждом для них контексте. Mémoires с их бесцельными перечеркиваниями, краденными фразами и картинками воплотили обе эти возможности, оба эти средства искусства, которые, как верили в Леттристском Интернационале, можно изменить не к новому искусству, но к новому образу жизни.

Легенды свободы (продолжение)

Когда закончилась первая половина века маргинальные интеллектуалы из Леттристского Интернационала увидели в западной культуре и общественных отношениях то же, что увидели критики маргинальной Франкфуртской школы Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в окончании

Второй Мировой войны — удущье и власть, «однообразие в целом и в каждой части». Казавшийся благотворным по сравнению со сталинизмом, капитализм служил двойным отражением, когда все, что лежало вне его рамок представало взгляду ничтожным. В мире, управляемым тем, что Гарольд Розенберг назвал «экстазом власти», искусство оставалось последним оплотом творчества и критической мысли, а в высказываниях Розенберга можно было услышать отголоски Фермопильского сражения и Атаки Легкой Кавалерии: «что пятьдесят человек могут сделать против ста сорока миллионов?», задавался он вопросом в своей статье 1947 года о нью-йоркских абстракционистах.

По сегодняшним меркам звучит довольно истерично, да и по тем меркам тоже; население Соединенных Штатов вовсе не было настроено против тех гринберовских пятидесяти человек — оно их просто не замечало, и на то были свои причины. Члены Леттристского Интернационала имели свои причины. Их объединяло искусство, та любовь, которую оно обещало, та ненависть по отношению к тому, что служило препятствием для исполнения этих обещаний, ненависть к отчужденному и привилегированному обществу, пребывающему в красивых бесплодных мечтаниях. Но даже красота, по их мнению, давно — еще тридцать лет назад, еще до рождения любого из них — превратилась в ложь. Где-то между 1915 и 1925 гг. искусство сожгло себя дотла в борьбе против своих собственных границ, в попытке избежать оплотов, музеев, парков культуры и отдыха, зоопарков. С тех пор искусства больше не было, только «имитации руин» в «зловещем, но выгодном карнавале, где у любого клише есть свои последователи, у всякого упадка свои любители, на каждый ремейк найдется свой поклонник». Мечты леттристов об обновленном мире были порождены искусством, но они были убеждены, что заниматься искусством сегодня значит терять время. Наоборот, они стремились присвоить себе изображения и высказывания, заранее поставить штамп уникальности и вечности на стене истории и сохранить эту фальшивку навсегда. Это была претензия на миф о гении и божественном вдохновении, рука воришки в кармане системы индивидуализированной иерархии и социального контроля. В ситуации, когда Бог умер, а искусство заняло его место, это может оказаться религиозной иллюзией, правильно установленной ловушкой для самого мистического товара потребления. Это как заключить небеса в рамки вместо того, чтобы, подобно жрецу, поднять к небу руки — хотя где здесь разница? Творить искусство значит презреть общее, похоронить желания, об исполнении которых искусство когда-то заикалось, но есть две вещи, где желаниям нет предела. Détournement — написание новых реплик в газетных комиксах или переосмысление творений старых мастеров, содержащее в себе одновременно и девальвацию, и новый смысл в свете разговора об обществе; «коммуникация, где есть место самокритике», прием, который нельзя мистифицировать, потому что он сам является разоблачением мистификации. Dérive — исполнение обещаний города своими силами — двигаться по городу, рассматривать указатели с целью отклонения от них, переосмыслять эти указатели и следовать никогда ранее не существовавшим маршрутам. Это может стать началом настоящего современного искусства, состоящей из дороги, картинок, слов и погоды — такой образ жизни понятен и доступен любому.

«В основе их философии лежало смешение эксперимента и игры» — писал о леттристах Кристофер Грей в «Leaving the 20th Century» — именно что игрой с культурой вообще, полем для которой стал город. Почему бы и нет? «Помышляйте прежде всего о пище и одежде, тогда Царство Божие

● СЦЕНОГРАФИЯ

само упадет вам в руки», сказал Гегель; но то было время царств, прошедшее время. «Достаточно сказать, что, на наш взгляд, предпосылки революции, как в культурном, так и в политическом пространстве, не только созрели, но уже начинают подгнивать», писали в 1956 году Ги Дебор и Жиль Вольман. Для них голод — эта телесная необходимость, затмевающая волю человека к свободе, и уводящая любую революцию, обещающую Царство Божие, по пути провала и пародии, когда только и остается, что помышлять о пище и одежде — то, что Ханна Арендт называла социальным вопросом, было вопросом решенным. В то время когда леттристы разглядывали указатели послевоенных технологий и изобилия, которых только прибавлялось, опасностью становился не голод, но экстаз власти, экстаз, которого необходимо было избежать. Теперешняя нищета являлась нищетой страсти, коренившаяся в предсказуемости современного общества, где стало возможно управлять временем и пространством. Поэтому леттристы игнорировали капитализм как пустое настоящее, социализм как будущее, где будет возможность изменять лишь прошлое, брежнему взамен построению «дворцов приключений». Гуляя по улицам до тех пор, пока количество алкоголя в крови еще позволяло различать указатели, они пытались довести себя до умоиступления, чтобы затем возвращаться в обычное состояние с провокационным меседжем. Именно так в 1953 году девятнадцатилетний Иван Щеглов написал «Свод правил о новом урбанизме» и призвал своих товарищей построить их первый город, «интеллектуальную столицу мира», нечто вроде фурьеристского Лас-Вегаса, сюрреалистического Диснейленда, парка развлечений, где могли бы жить люди, а *ville de tendre* с районами и садами, которые были бы устроены на манер «всей гаммы чувств, возможной в повседневной жизни». Все это можно поделить на области романтики, бестолковщины, практичности, трагедии, истории, террора, счастья, смерти — получается город, где «основная деятельность жителей» превращается в «НЕПРЕКРАЩАЮЩИЙСЯ DÉRIVE», дрейф сквозь ландшафт «строений, заряженных властью чувств, символических зданий, выражающих эмоции, силы и события прошлого, настоящего и будущего. Рациональное расширение устаревших религиозных систем, сказок и, прежде всего, психоанализа в архитектуре становится все более назойливым, в то время, как импульсы страсти угасают», — говорит Щеглов, но в том городе, который он себе представляет — «каждый будет жить в своем собственном храме. В нем будут комнаты, мощнее способствующие видениям, чем любой наркотик, и помещения, где нельзя будет не влюбляться».

Обращаясь к своим соратникам по Леттристскому Интернационалу и подписываясь псевдонимом «Жиль Ивзйн», Щеглов делился с друзьями секретом; вместе с тем это являлось манифестом, призванным изменить мир. «Планета помешалась, и имя тому помешательству — банальность, — провозглашал он — такое положение дел, возникающее в борьбе с бедностью, переплунуло свою изначальную высшую цель — освобождение человека от материальных нужд и стало навязчивой идеей, нависающей над настоящим. Если предоставить современной молодежи выбрать между любовью и нововведением в области утилизации отходов жизнедеятельности человека, выбор молодежи всех стран остановится на последнем». Выбрать утилизацию значит выбрать реификацию — самому превратиться в утиль. Но выбрать любовь означает убежать из своей собственной тюрьмы отчуждения, так что щегловский воображаемый влюбленный, мечтающий о своем храме, мечтал не об изоляции — он не был уродливым горбуном, желающим укрыться в своем собственном Нотр-Даме — он был жителем нового мира, готовым высказаться. Он мог сказать то же,

● ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

что и любовник из повести Пола Остера «Запертая комната»: «Став частью жизни Софи, я почувствовал, что я стал частью жизни всех вокруг. Мое настоящее место в этом мире исчезло, переместилось куда-то вне меня, а если оно и осталось внутри меня, то скрылось из виду. Появилась маленькая трещина между мной и не-мной, и впервые в жизни я увидел это ничто как абсолютно явный центр мира». Это утопия, а утопия и означает «нигде», но среди леттристов любые абсурд и невозможность были в порядке вещей (а кто еще мог объявить такое: «выбирай между любовью и утилизацией отходов?»). Леттристский проект был тем самым рациональным расширением сказки. Той утопией, явным центром мира, где леттристы намеревались жить.

Легенды свободы (продолжение)

«В конечном счете, все это в корне имело одну простую вещь, — писал Кристофер Грей — желание, чтобы сбылись твои мечты. И враг был очевиден: с одной стороны — бесплодные фантазии, с другой — мир искусства». И однажды необходимо будет напасть на последнего врага, коим является сложившееся положение вещей; как писал в 1964 году в Лондоне Александр Трокки, вспоминая времена, когда он был в кругу леттристов, «в первой же схватке важно поймать врага в его основе — в самом себе». Поэтому эстеты леттристы отказались от того, чтобы заниматься искусством, более того — они отказались работать вообще. Будучи временным и условным микросообществом, они вознамерились жить так, как будто будущее уже наступило, как будто общество, управляемое рычагами власти, превратилось в передовое общество, где нет необходимости в работе, а досуг не имеет границ. Это было той самой основой их видения мира конструирования ситуаций; путешествуя по Парижу, они искали этого мира, не забывая заглянуть в следующий кабак.

Леттристы верили, что замена работы и развлечений посредством *dérive*, искусства с помощью *détournement*, полезной социальной роли, удерживающей современное общество в прошлом, «ролью чистого потребления» («времени», уточняли леттристы) может помочь заново воспринимать все вокруг, причем ежедневно. «Заново воспринять все вокруг или потерять все вокруг», как говорил Дебор в 1972 году (когда Леттристский Интернационал, в свое время известный лишь узким кругам, уже превратился в эксперимент, о котором можно было только вспоминать), «время пугает... оно состоит из мощных толчков, неотменяемых решений и необратимых случаев».

Такой была ноша тех, кто посвятил себя непрерывной новизне. Каждый день леттристы гуляли по улицам не как узники зарплат и цен, не как работники, покупатели или туристы, но как путешественники по лабиринту, вдруг обнаруженному по их велению. Каждый день они высматривали спектакли искусства и рекламы, новостей и истории, воровали всякую всячину и заставляли все это говорить новым языком, контр-языком, в котором каждое слово оставляло маленькую трещину в великом спектакле общественной жизни, по меньшей мере в той его части, что имела отношение к их времени и пространству. Играя в «игру свободы» — в непрерывное сомнение, как называл это Дебор, «всех видов развлечения и деятельности, принятых в обществе, в тотальную критику идеи счастья» — леттристы смогли стать «хозяевами и владельцами своей жизни».

В действительности же это было отчаянным поиском, утопией, содержащей в себе свое собственное опровержение, следствием желания, однажды вышедшего за пределы искусства, но вернувшегося обратно.

«Когда свобода реализуется в узком кругу, — писал Дебор в 1959 году, осматриваясь назад на историю Леттристского Интернационала в своем фильме “*Sur le passage de quelques personnes à travers une assez courte unite de temps*”, — она сморщивается до мечты, становится репрезентацией самой себя». «Что выглядит как свобода может оставаться не более, чем паролем, — с горечью писал Жиль Вольман остальным участникам группы в начале 1953 года после того, как они отвергли план Дебора о нападении на исправительное заведение для девушек, — и вы видите сны по ночам, если можете уснуть, но жизнь угрожает полицейскими на каждом углу, манящим светом закусок и девушками, напуганными своей юностью». Это был мучительный поиск: «то, что было утеряно, — писал Дебор — казалось пропавшим навсегда. Крайняя неуверенность в возможности жизни без работы вела к неизбежным склокам и окончательным разрывам». Один за другим, сторонники Дебора изгонялись или уходили сами. «Для многих выходом стало самоубийство, — говорил он в 1978 году в фильме “*In girum imus nocte et consumimur igni*”, а затем цитировал “*Mémoires*”, которые, в свою очередь, цитировали «Остров сокровищ», — «пей, и дьявол тебя доведет до конца». Но на протяжении пяти лет, с 52-го по 57-й годы, Интернационал леттристов был цельным, и все были на своем месте за круглым столом, объединенные идеей о том, что революция начинается с желания права, которое есть желание справедливости, которое есть желание гармонии, которое есть желание прекрасного. Мы не можем жить без красоты, но искусство больше не может служить ее проводником. Искусство это ложь о том, что мы уже мертвы, это трюк, фальшивое обещание красоты, подачка за уничтожение гармонии и права, за отчуждение от жизни. И как фокус искусство может быть разгадано, и как обещание оно может быть исполнено — вот где ключ к революции. Искусство должно быть разгадано и мы, кто разгадывает его в свое время и в своем кругу, можем помочь этому произойти. Новая красота может быть лишь красотой ситуаций, временной красотой и живой. . .

Легенды свободы (окончание)

Ситуационистский Интернационал был основан на убеждении, что из узкого круга необходимо выбираться, что этот новый мир, ранее скрытый и являвший собой собрание бессвязных пока теорий, должен быть исследован, обнаружен и объявлен существующим, — более того, этот мир должен выйти за свои границы. Выйти за свои границы и стереть чужие, как уточняли ситуационисты в своих ранних манифестах отказа и бунта, где они имели в виду абсолютно весь мир. Эти манифесты были полны неудовольствия уровнем жизни в современном обществе и разбрасывали комья отрицания в сторону идеи счастья. У них был разработан целый план: распространяя свои теории сначала в Европе, а затем и во всем мире, они могли бы одновременно достичь двух целей: «беспощадной критики всего существующего» (Маркс, 1843) и «высвобождения забытых желаний и обнаружения совершенно новых» (Щеглов, 1953) — а затем, как было объявлено в июне 58-го в первом выпуске *Internationale situanniste*, «мы разрушим этот мир». «Каждый человек должен найти, что он любит, к чему имеет склонность», писали они там же. Но на пути к тому, что ты любишь, ты можешь наткнуться на то, что ненавидишь, на препятствия. Двигаясь к намеченной цели, легко попасть в ситуацию, когда любое препятствие будет знаменовать собой тотальное опровержение существующего порядка вещей.

Эта прогулка начинается на поле сражения необъявленной войны, которая стала основной темой злобного ситуационистского памфлета «Упадок и разрушение потребительской экономики спектакля» о восстании в чернокожем гетто в Уоттсе, штат Калифорния, в августе 65-го, — водовороте, унесшем более тридцати жизней, что, по восторженному замечанию ситуационистов, поднявших проблему любви и утилизации отходов, стал «первым бунтом в истории, причиной которого стало отсутствие кондиционеров во время жары». Более того, когда гораздо более обделенные негры в Ньюарке и Гарлеме бездействовали, находящиеся в чуть менее ужасных условиях негры Лос-Анжелеса жгли и грабили с гордостью и удовольствием. Ситуационисты, ссылавшиеся на молодого социолога Бобби Холлон, пообещавшую «никогда не смыть с сандалий кровь того бунта», находили это восхитительным. «Комфорта никогда не будет достаточно для тех, кто ищет того, чего нет в магазине», писали они.

Ситуационисты были критиками; и они не извинялись, откидываясь на спинку стула в кафе, в то время как другие действовали. Как сказал годы спустя Дебор: «там, где был огонь, мы подбавляли горячее». Ситуационисты писали о событиях в Уоттсе так: «Критическая теория современного общества в ее самых смелых проявлениях соседствует с проявлениями протеста в том же обществе. Идущие бок о бок, они двигаются в одном направлении и говорят об одном и том же. Они объясняют друг друга и по отдельности непонятны. Наши теории о «выживании» и «спектакле» проявляются и подтверждаются теми событиями, которые сегодня кажутся необъяснимыми. . . но станет день и теория объяснит эти события».

«Упадок и разрушение потребительской экономики спектакля» подразумевался как часть события, которое этот памфлет анализировал. Он был написан в Париже, переведен на английский и сначала распространялся в Америке, и только позже — в Европе. Тон, с которым вопрошали ситуационисты, лишь немногим отличался от настроений в США в 65-м. Он был подобен основополагающему документу «Студентов за демократическое общество» — «Постановлению Порт-Гурона» от 1962 года: «Каким образом люди творят историю,

находясь в том положении, когда для самостоятельных решений у них нет никаких предпосылок?» Ответ ситуационистов вполне можно расценить как снизошедший на них с Марса: «Грабёж является естественной реакцией в обществе изобилия — не естественного изобилия, а изобилия товаров потребления... Мародерство в Уоттсе явилось следствием такой извращенной нормы... Когда естественные нужды не удовлетворены, наружу выходят истинные желания, находящие свое воплощение в фестивале разрушения... Впервые это была не нищета, но материальное изобилие, которое должно быть доступно всем». Это казалось безумием, но чарующим безумием. Чарующим, потому что высказанным. Вот где по мысли ситуационистов находилось поле сражения, и с июня 58-го по сентябрь 69-го страницы *Internationale situanniste* утвердились в своих границах.

Ситуационисты пытались сопоставить себя с бунтовщиками Уоттса, вступающими в противодействие «реальности капитализма и технологии, воспроизводящей индивидуальное бесправие, кроме тех случаев, когда человек или вор, или террорист» (эти слова написаны в 1987 году известным профессором истории Стэнли Хоффманом, но в 65-м такое невозможно было услышать за пределами узкого круга фанатиков). Таким образом они применяли интеллектуальный терроризм, что неизбежно влекло за собой кражу интеллектуальной собственности. Служа путеводителем по полю сражения, их журнал являлся также лабораторией, полигоном для экспериментов с конгрязыком, с *détournement* — где ситуационисты намеревались пойти дальше комментариев к комиксам, по направлению к той магической критике, что повернет вспять слова врагов и наделит новым смыслом речь охранителей хорошего и правильного. Подобно *dérive*, это было эстетической оккупацией вражеской территории, набегом с целью захвата знакомого и превращения его нечто новое, войной, ведущейся на поле безграничных возможностей, войной без правил. Когда в 1962 году ситуационисты узнали, что немецкий актер Вольфганг Нойс «совершил наиболее непристойный акт саботажа... опубликовав в газете *Der Abend* заметку, где заранее объявил имя убийцы в сериале, державшем зрителей в напряжении в течение многих недель», они радостно отметили этот маленький скандал, как будто бы это было целое восстание в Уоттсе. Плодить значения — или бессмыслицу — это идти рука об руку с сотворением истории. *Détournement* это махинация нарушенной цитации, срывание голосовых связей любого уполномоченного лица, социальные символы, отражающиеся в кривом зеркале, украденные слова и знакомые изображения с незнакомым смыслом. «Абсолютно все — писали Дебор и Вольман в 56-м — любой знак», каждая улица, реклама, картина, текст, всякая репрезентация идеи общества о счастье «несет в себе зачатки превращения во что-то иное, даже в свою противоположность».

А что, если действительно все так? Спектакль сам по себе являлся искусством, экономикой неудовлетворенных нужд, вознесенных до живописной картины оледеневших желаний, и истинных желаний, опущенных до карикатуры рефлексов. Распространяя фальшивку *détournement'a*, пока это не стало повсеместным, ситуационисты обесценивали сущность спектакля, что могло бы послужить его полнейшему разоблачению. Одна монетка может оказаться удачливой. Удачный, своевременный и уместный *détournement* мог заискриться кардинальным изменением перспективы. Односторонняя коммуникация спектакля, низводящая любое высказывание до брехни, теперь могла быть обращена в свою же сторону: вдруг оказывалось очевидным, что брехня — это только брехня. Двусторонний связующий фактор мог быть стиснут, перевязан бечевкой, завер-

тятся столы, «да» станет «нет», каждая правда подвергнется сомнению, все вокруг изменится. И тогда ситуационисты, объявившие себя «тайным сообществом беспредельных требований», «генералами без солдат», смогли бы воплотить мечту о Новом Иерусалиме, где «свобода говорить все, что угодно» проистекала бы из «свободы делать, что угодно». «Мы лишь подготавливаем взрыв», обещали они в 1963 году. «И этот взрыв может навсегда стереть с лица земли и нас, и любой контроль вообще». И тогда *Mémoires* могут быть окончательно позабыты, как будто их никогда не было. Как воспоминание они были также и пророчеством, книгой, что могла бы оказаться предварением, свидетельством, однажды опубликованным, и которое может оказаться забытым или доказать свое предсказание: стать тайной историей грядущего.

Это оказалось

Это оказалось, это обернулось чем-то вроде карты местности, уже исчезнувшей с других карт, описанием событий, которые там происходили. «В то время на левом берегу реки — а нельзя войти в одну реку дважды или со временем обнаружить скоропортящуюся вещь в том же состоянии — был район, где царило отрицание». Так рассказывал Дебор в фильме 1978 года, когда грядущее уже прошло. «Тогда — писал он год спустя — в 1952 году четверо или пятеро отбросов общества решили найти замену существующему искусству». Он не объяснял, что это значит, скорее, намекал цитатой из *Mémoires*: «замена искусства это Северо-Западный проход в географии реальной жизни, на открытие которого порой необходимо не одно столетие и чей поиск начинается с саморазлагающейся современной поэзии».

Спустя четверть века после того, как те четверо или пятеро отбросов начали свой поиск неведомого, Дебор говорил не о поэзии, как можно было подумать, но о «социальной революции», о полном преобразении жизни людей в ее повседневности. Он говорил о том, что промелькнуло в мятеже Мая 68-го — случайность, которую он теперь оспаривал, месяц шума, чей прообраз можно увидеть в обрывистых фразах и искромсанных картинках в *Mémoires*, превратившихся в часть затерянной повседневной жизни четверых или пятерых отбросов, составивших временное микросообщество. Они восстановили язык той саморазлагающейся современной поэзии, но не чтобы писать на нем, а оживотворить его и выпустить в мир — вот чем, по словам Дебора, являлся Леттриский Интернационал. «Покончить с искусством, объявить в самом сердце собора, что Бог умер, замыслить взрыв Эйфелевой башни — такими были скандалы, в которые ввязывались те, чьим образом жизни являлся настоящий скандал». «Территория, которую мы хотим восстановить в ее правах и заселить — это поэзия», говорили ситуационисты в 1958 году; революция, к которой они стремились, должна была «осуществить» поэзию, а «осуществлять поэзию значит непрестанно и совместно творить общее дело, дать начало новым языкам». Это было будущее, но также и прошлое, весь мир: «мгновение настоящей поэзии превращает все невыплаченные долги истории в игру».

«Ситуационисты хотят позабыть о прошлом», говорили они в начале своего пути, но это у них не получилось; прошлое было сундуком с сокровищами, замком к сундуку, самими сокровищами. Мишель Бернштейн, бывшая членом и Леттриского, и Ситуационистского Интернационалов почти с самого начала и почти до самого конца, в 1983 году сидела в ее пустой гостиной в Англии и объясняла: «каждый является сыном многих отцов. Был отец, которого мы ненавидели — сюрреализм. И был отец,

которого мы любили — дада. Мы были детьми обоих». Они были “*enfant perdu*”, как часто повторял Дебор, потерянными детьми, поэтому они называли отцами всех, на кого хоть сколько-нибудь походили: сюрреалистов, дадаистов, неудавшихся революционеров первой трети XX века, Коммунаров, молодого Карла Маркса, Сен-Жюста, средневековых еретиков — все они, как говорили Дебор и другие, были отжившими свой век, забытыми, воспоминаниями и слухами, *maiqué* (неудачниками), *maudit* (проклятыми). Все они были легендами — для леттристов и ситуационистов — частью легенды о свободе.

На протяжении 50-х и 60-х годов группы Дебора меняли названия и формы, но это была легенда, слишком старая, чтобы так просто ее понять, не говоря уж о том, чтобы объяснить: как сокрушенно и патетически объяснял Дебор в 79-м, «легендой об Афинах, о Флоренции, стирающихся во все концы света, из которых никто не будет изгнан» — легендой о новых городах. Назад, назад, в новые Афины, в новую Флоренцию, и там, как пророчествовал в Берлине в 1920 году Рихард Хюльзенбек, каждая перепалка будет собирать толпу, на каждой улице будут твориться драмы, и мы перенесемся во времена Гомера. И там, как пророчествовал в 1922 году Эдмунд Уилсон, мы обнаружим, что время и место действия драмы — это декорация. Поэзия будет осуществлена — будет осуществлен призыв Лотреамона из 1870 года о поэзии «творимой всеми». Мы почувствуем желание говорить, обнаружим, что это — именно то, что мы хотели сказать, станем говорить об этом и будем поняты, мы получим ответ. У нас появится много общих дел, мы дадим начало новым языкам и будем все время ощущать себя находящимися в раю. «Мы должны приумножить поэтические объекты и субъекты — писал Дебор в 1957 году в журнале ситуационистов — и нам следует изобрести игры, в которые будут играть такие субъекты среди таких объектов. В этом вся наша программа, которая всецело мимолетна. Наши ситуации будут недолговечными, без будущего — проходами».

Сами по себе эти слова уже легенда о свободе: обещание того, что слова и поступки будут свободными. Эти слова уже сами по себе поэзия; они могут остаться в своих пределах, в идеальном равновесии, или могут вести куда угодно, оставаясь неподвижной идеей. Оставаясь таковыми — настолько абстрактной идеей преобразования, которая в состоянии не изменяться до тех пор, пока мир не будет готов к переменам — Леттристский и Ситуационистский Интернационалы пытались претворить в жизнь легенду о свободе всеми силами. Всегда, какой бы острой не была их беспощадная критика всего существующего, в ней оставался элемент абстракции — элемент, придававший этой критике (будь это заявление ЛИ к Гватемале в 54-м, или СИ к Уоттсу в 65-м, или к Маю 68-го) очарования, силы отрицания, некий намек на грядущие события и грядущие языки, которые сегодня сохраняют историю групп, свидетельствующую об их существовании. И когда я рассказываю эту историю, она вновь происходит, о ней снова можно судить, судить о том, что случилось однажды в ночном клубе и дало толчок другим событиям — творившееся там должно быть осмыслено в своем продолжении: в том, как это вышло за пределы ночных клубов, оказалось написанным на стенах, оказалось выкрикнуто, сыграно в зданиях и на улицах, увиденных с новой точки зрения. С одной перспективы легко прочертить такую строчку — например, леттристское граффити 1953 года «НИКОГДА НЕ РАБОТАЙТЕ», которое затем стало граффити Мая 68-го, оказалось переписанным в 77-м для песни Sex Pistols “Seventeen”: “We don’t work / I just feed / That’s all I need”. Но такая связь — однострочный леттристский манифест, опубликованный одномоментным ситуационистом Кри-

стофером Греем в его антологии *Leaving the 20th Century: The Incomplete Work of the Situationist International*, что была передана Джонни Роттену друзьями Грея Малькольмом Маклареном и Джимми Рейдом — арифметически выверенная традиция. Но, чтобы найти эту историю, надо одновременно прервать и нить явной традиции, и непоследовательность туманной, скрытой традиции. Для примера: если в поисках выражения отрицания идеи общества о счастье Sex Pistols раз за разом оказывались на краю дадаистской глоссологии, на территории саморазлагающейся поэзии, то *Mémoires* оказывались там осознанно. Схожесть не была случайной, но было ли это именно продолжением традиции? Здесь уместно вспомнить слова Анри Лефевра: «В известной степени у той новизны был свой смысл, и он таков, что с самого начала нес в себе радикальное отрицание — Дада, случившийся в цюрихском кафе». Для Лефевра это аргумент, он не задает загадку; это отрицание, говорит он, существовало не как художественная традиция, направленная в неминуемое будущее, но как невыплаченный долг истории, стирающийся на неоформившееся прошлое. И не важно, что Лефевр говорил это в 1975 году, когда сформировались Sex Pistols, не важно, что они знать не знали друг о друге, в то время как Лефевр и Дебор сошлись однажды именно на том, чтобы внести революцию в повседневную жизнь: выход Sex Pistols на сцену являлся бессознательным культурологическим импульсом, корни свои питавшим в *Mémoires*, но уже само их там нахождение задавало новое культурологическое положение, обращавшее их долг в игру. Но, обратив его в игру, они только увеличили его — тем самым, по мере их исчезновения из истории, такой долг превращал и их тоже в легенду о свободе.

Фальшивка есть единственная действительность в этой сказке: потерянные дети ищут своих отцов, отцы ищут своих потерянных детей, но на самом деле, никто ни на кого не похож. Все вглядываются в лица и проходят мимо: таков дрейф тайной истории, остающейся тайной даже для тех, кто ее творит — особенно для них. Пример Sex Pistols и пример тех, кто появился после них, демонстрирует, как они брели наощупь в сторону новой истории, движимые бессознательным дадаистским подозрением, что обычным языком такое не выразить. Несмотря на то, что книга Дебора не содержала ничего случайного, она вся была как движение наощупь, и любая страница могла производить эффект отчаянной музыкальной паузы. И не случайно Дебор использовал дадаистский язык, чтобы поведать историю, в которой язык был практически сведен на нет: эта история и ее язык содержали в себе наиболее абстрактную и мимолетную легенду о свободе, известную автору.

Это была легенда, мог думать Дебор в 1957 году, пока он клеил и резал, легенда, бывшая частью прошлого и частью того будущего, которое он помогал творить. Он жил этим и чем бы не являлся когда-то дада, теперь, от страницы к странице в *Mémoires*, это оказывалось чем-то иным. Однажды, гласит легенда, это был эксперимент в саморазлагающейся современной поэзии. Теперь же это превратилось в борьбу маленькой группы, стоявшей на том, что язык саморазлагающейся современной поэзии был ключом к социальной революции, возводящей обрывки событий («Настал вечер, Барбара», «пьяная болтовня», «свет, тени, фигуры» — с этого начинаются *Mémoires*) до строчек в книге. «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов», цитировал Дебор письмо Маркса к его другу Арнольду Руге от 1843 года, в то время как Маркс цитировал Матфея, который цитировал Иисуса. А затем Маркс написал то, что Дебор сделал своим: «мы первыми проторим путь к новой жизни».

Перевёл Александр УМНЯШОВ.
Продолжение в следующем номере

ДЖОН ЛЕННОН: «GIMME SOME TRUTH» («ХВАТИТ МНЕ ЛГАТЬ»)

Песня «Gimme some truth» впервые возникает в природе в 1969 году — на студийных сессиях «The Beatles». Эта дата говорит о многом: на фоне лживой никсоновской политики «почётного мира» в Южном Вьетнаме антивоенный пафос был вполне уместен. Резкий тон песни ничем не напоминает «пробный» захват Вьетконгом провинции Фуоклонг (как тамотреагируют США?). Это были именно боевые действия с американской администрацией, и реакция правительства не замедлила ждать (эта часть биографии Леннона, впрочем, общеизвестна). В песне прямо-таки раскиданы ситуационистские фишки из «Общества спектакля» — правда, эти сверх-радикальные лозунги сильно смягчены не столько идеологическими компромиссами, сколько свойственной Леннону апатичной созерцательностью и меланхоличностью.

В 1971 году Леннон записывает песню для альбома «Imagine». К этому времени разложение американского контингента во Вьетнаме достигает своего пика; война катится к своему концу. Джон живёт в Нью-Йорке, его хватают ещё на два года политической и правозащитной деятельности, окончившейся предписанием покинуть США. Ярких протестных текстов в этот период было много, а вот яркой протестной музыки — по-моему, гораздо меньше (в «Gimme some truth» на гитаре играет Джордж Харрисон, благодаря которому песня приобретает узнаваемые «битловские» черты). Карьера Леннона быстро идёт на спад...

И тут «Gimme some truth» берут на вооружение лондонские панки из «Generation X» (1979), придавая ей новую актуальность. Правда, Билли Айдол очень скоро станет коммерчески успешным певцом, а панк превратится в выгодный товар. Версия австралийской трибьют-группы «The Beatels» (2009) — «что было бы, если бы Битлз не распались» — соединение «Gimme Some truth», «Revolution» и «How do you sleep?» — по-моему, не очень умная идея.

Но в 2003 году песню «обновляют» уже другие альтернативщики — «Pearl Jam», затем — «Purple Tree» (их версия почти не отличается от оригинала). Это даёт основания полагать, что великолепная мелодия и политические лозунги (классическое сочетание для Леннона) обладают большим запасом прочности и будут вспоминаться ещё не раз.

Gimme some truth

I'm sick and tired of hearing things
From uptight, short-sighted, narrow-minded hypocritics
All I want is the truth
Just gimme some truth
I've had enough of reading things
By neurotic, psychotic, pig-headed politicians
All I want is the truth
Just gimme some truth

No short-haired, yellow-bellied, son of tricky dicky
Is gonna mother hubbard soft soap me
With just a pocketful of hope
Money for dope
Money for rope

John Lennon Gimme Some Truth

I'm sick to death of seeing things
From tight-lipped, condescending, mama's little chauvinists
All I want is the truth
Just gimme some truth now
I've had enough of watching scenes
Of schizophrenic, ego-centric, paranoiac, prima-donnas
All I want is the truth now
Just gimme some truth

Хватит мне лгать!

Я болен и устал внимать
Испуганным, недальновидным недоумкам-лицемерам —
Хватит мне лгать, просто хватит мне лгать!
Мне надоело читать слова
невротиков, маньяков, несговорчивых политиков —
Хватит мне лгать, просто хватит мне лгать!

Нет стриженным, трусливым никсоновским сынкам
Мама Хаббард льёт сироп, полны карманы надежд,
Денег на дурь, денег на смерть!

Меня до смерти тошнит смотреть
На молчаливых, снисходительных, домашних шовинистов
Хватит мне лгать, просто хватит мне лгать!
Меня достало наблюдать,
Кто в кадре — шизофреник, эгоцентрик, может, примадонна,
Хватит мне лгать, просто хватит мне лгать!

Комментарий и перевод
Алексея КАРАКОВСКОГО

СОВЕТСКИЕ ПЕСНИ: ТОРЖЕСТВО МАТРИФОКАЛЬНОГО ЭПОСА

Песенная поэзия более, чем любая другая рассчитана на массовое исполнение и массовое восприятие. Притом, музыка усиливает эмоциональное воздействие на слушателей, а слуховое восприятие текста, в отличие от зрительного, снижает критичность. Не случайно, именно на песни разных жанров возлагаются идеологические, мобилизационные и прочие социальные задачи прикладного характера. Поэтому символические ряды в них, как правило, проще, ясней, если не сказать — примитивней, нежели в «классической» лирике. Разумеется, мы не говорим здесь об авторской — в сакральном смысле этого слова — песне, или случаях, когда на музыку кладётся большая поэзия.

Вглядимся внимательнее в тексты песен, знакомых с детства, многоразды слышанных, сопровождавших историю нашей страны. Они хорошо иллюстрируют «соцзаказ» на ментальность вполне определённого типа.

Интернационал

«Интернационал» (музыка П. Дегейтера, слова Эжена Потье, русский перевод А. Я. Коца) с 1917 по 22.12.1943г. исполнял роль российского и советского гимна. После принятия нового гимна «Союз нерушимый» (музыка А.В.Александрова, слова С.Михалкова и Г.Эль-Регистана) остался гимном коммунистической партии. Сам Интернационал, как международная организация, нацеленная на совершение мировой революции в том же 1943г. был распущен, причём, под предлогом того, что, организация достигла своих целей. Неофициально — ликвидация его была одним из условий открытия союзниками «второго фронта».

Вставай, проклятем заклеименный весь мир голодных и рабов
Кипит наш разум возмущённый и в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разруем до основанья, а затем
Мы наш мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем!

Это есть наш последний и решительный бой.
С Интернационалом воспрянет род людской.

Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и не герой
Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой, отвоевать свое добро —
Вздувайте горн и куйте смело, пока железо горячо!

Довольно кровь сосать, вампиры, тюрьмой, налогом, нищетой!
У вас — вся власть, все блага мира, а наше право — звук пустой!
Мы жизнь построим по иному — и вот наш лозунг боевой:
ВСЯ ВЛАСТЬ НАРОДУ ТРУДОВОМУ! А дармоедов всех долой!

Презренны вы в своём богатстве, угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунейдцы, на наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты — все нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата того, что взято грабёжем.

Довольно, королям в угоду, дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам! Мир Народу! Бастуйте, армии сыны!
Когда ж тираны нас заставят в бою геройски пасть за них —
Убийцы, в вас тогда направим мы жерла пушек боевых!

Лишь мы, работники всемирной великой армии труда
Владеть землёй имеем право, но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет сиять огнем своих лучей.

Текст песни глубоко архаичен. Его задача очевидна: вызвать агрессию к общности, подлежащей уничтожению, на которую параноидным образом спроецировано всё зло — к эксплуататорам, сплотить поющих гимн общностью аффективных переживаний, достоинствами и заманчивыми перспективами «нового мира», и подготовить к самопожертвованию.

Для всего этого следует вспянуть разум. Возможно, берсерки, жующие перед битвой мухоморы, бормотали нечто подобное. Ту же параноидную накачку найдём в «Варшавянке»: «Вихри враждебные веют над нами... на бой кровавый, святой и правый... нам ненавистны тиранов короны, цепи народа-страдальца мы чтим. Смерть беспощадная всем супостатам! Имена павших станут священны», и так далее, калька очевидна. Кстати, Варшава в русском переводе никак не упоминается, но в польском подлиннике это обращение именно к варшавянам. Тут даже не по классовому принципу размежевание.

Апофеозом экстатической жертвенности можно считать фразу другой известной песни: И как один умрём в борьбе за ЭТО. ЭТО составляет тайну Мальчиша-Кибальчиша, с ЭТОГО начинается Родина — С ТОГО, что в любых испытаниях у нас никому не отнять. Но об ЭТОМ — позже.

Наивность строк «Интернационала» уже давала поводы для анекдотических интерпретаций: «Вставай, проклятем заклеименный». — понуждает большевик свой непослушный пенис. «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой» — из той же мастурбационной серии. Эти интерпретации не так уж абсурдны. Ведь речь идёт о людях, которые решили присвоить себе творящую отцовскую силу, направить на эксплуататоров «жерла пушек боевых», не будучи к этому готовы.

Певцы «Интернационала» сознают, что они «заклеимены проклятьем», то есть, на них выжжено клеймо, да ещё с проклятием — а это должно настораживать, (Хам был проклят по делу). Они ощущают, что являются «никем», что их право — «звук пустой.» Тем не менее, они всерьёз собираются стать ВСЕМ. Не кем-то конкретным. А ВСЕМ (Очевидно, для этого им необходимо обрести ЭТО).

В последних строках своего гимна они монополизируют само солнце,— этот классический отцовский символ. Но их солнце ущербное, светит только частью, — эксплуататорам остаётся тьма и скрежет зубовый.

Всё произведённое физическими усилиями в психоаналитическом смысле — анальная продукция. Так уж сложилось, что именно с какашки начинается самостоятельная продуктивная деятельность человека. А родители, приучающие ребёнка к туалетной культуре, кажутся тому грабителями, псами и палачами — ведь они отнимают последнюю ценность. Поэтому, требование возврата произведённых ценностей на деле означает требование возможности гадить бесконтрольно. Чем советская власть впоследствии пользовалась беспредельно широко.

Фраза «Кто был ничем, тот станет всем» очень хорошо иллюстрирует известное явление, описанное в психологии толпы: «омассовление» индивида в толпе, деградация его до нижайшего уровня, уподобление наиболее примитивным участникам. Но сама толпа испытывает прилив грандиозности, подвигающей её на вседозволенность.

Священная война

Резонно сравнить данный текст с песней «Священная война» на музыку А.Александрова (1941) и текстом Александра Адольфовича де Бодэ (1916г.). искажённым и присвоенным в 1941 г. В. Лебедевым-Кумачом. Текст последнего делает песню вполне советской. Наиболее корявые строки принадлежат именно ему.

Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой.

Пусть ярость благородная вскипает, как волна, —
Идёт война народная, Священная война!

Как два различных полюса, во всём враждебны мы.
За свет и мир мы боремся, они — за царство тьмы.

Дадим отпор душителям всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям, мучителям людей!

Не смеют крылья чёрные над Родиной летать,
Поля её просторные не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти загоним пулю в лоб,
Отребью человечества сколотим крепкий гроб!

Пойдём ломить всей силою, всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую, за наш Союз большой!

Встаёт страна огромная, встаёт на смертный бой
С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой!

Легко различить ту же логику архаичных заклинаний. В текстах одинаковые призывы: «Вставай, проклятьем заклеименный весь мир голодных и рабов» и «Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой!».

Явственная попытка активизировать некое огромное, могучее, но пассивно-страдательное существо, над которым совершается насилие: в Интернационале это трудящиеся, которых эксплуатируют вампиры, тунеядцы, тираны, паразиты, псы и палачи. В Священной войне это — Страна, над которой летают чёрные крылья, и чьи поля топчет враг. Гнилая фашистская нечисть, отребью человечества. (В первоначальном тексте фигурировала гнилая тевтонская нечисть).

В обоих случаях заклинаемому объекту предписывается испытать аффект — кипение чувств возмущения и ярости. Разум там для красного словца.

Если в Интернационале звучит призыв к матери уничтожить владеющего ей коллективного Отца, что и было сделано, то в Священной войне — призыв к матери не допустить вторжения враждебного Отчима. Эта задача была так же выполнена. То есть, эффективность этих песен-заклинаний была весьма высокой, хоть результат и обеспечивался огромным жертвенным ресурсом.

Итак, плохие отцы сброшены, злобные отчимы изгнаны. Уцелевшие дети остаются с матерью, счастье на пороге!

Союз нерушимый

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Мы армию нашу растили в сраженьях.
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Уже с первых строк обнаруживаются некоторые смысловые неувязки — между свободой республик и сплочением навеки. Сплотить ведь это — связать, сколотить. И никто не скажет, что брёвна плота — свободны. Далее в припеве прямо указывается «Дружбы народов надёжный оплот!» И снова свобода: «Отечество наше свободное». И следующий куплет начинается с упоминания свободы: «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы». Не слишком ли много свободы для сталинского гимна? Очевидным образом выпирает компенсаторная природа этих строк.

Далее солнце свободы упоминается в комплекте с ещё одним светилом: «И Ленин великий нам путь озарил». Солнце сияет, Ленин озаряет. . . славно-то как! Они явно персонифицируют друг друга, получается анекдотический Вовочка — Красно Солнышко.

Однако, здесь логика не анекдота, но мифа: Отец для советского человека может быть только мёртвым героем. Солнцеподобным. Живой отец — это предатель, которого нужно разоблачить во имя матери (или мачехи), чтобы искупить вину своего предательства. Для всех мегама-теринских структур связь ребёнка с реальным отцом — преступление. Измена матери. Отец был нужен только для зачатия этого ребёнка, а потом он допустим в качестве, повторимся, мёртвого героя.

Между строк находит подтверждение то, что Сталин являлся не отцом, но ложной матерью — мачехой, проще говоря, Ленин — папа — умер. . . Правда, в более поздних песнях выяснится, что он остался живым покойником. Вечно живым покойником. Он обрел способность вселяться в каждого гражданина: «Ленин всегда живой, Ленин — всегда с тобой.» «Ленин — в тебе и во мне». Супервампир. но это уж потом.

Значит, папа умер, а «нас» растил Сталин — мачеха. Что интересно, вырастил «на верность народу». Но, позвольте, поёт-то этот гимн кто, не народ что ли? Элита? ЦК ВКПб? Согласитесь, гимн не может быть народным, если народ в нем упоминается как отдельная сущность (по поводу «народа» как пустого понятия, не наполненного никакой реальностью — стоит сказать более подробно и отдельно).

Но цель рашения певцов гимна указана прямо: на труд и на подвиги. То есть, для эксплуатации и для жертвы.

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

Припев обязательно с прославлением самих себя. Если в дореволюционном гимне подданные просили царя, чтобы он царствовал на славу им, то совки просто славят себя сами.

Мы армию нашу растили в сраженьях.
захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Ну, похвастаться армией — обязательно! Не культурой, не благосостоянием, на худой конец, а силовым агрегатом. Нас растил Сталин, а мы растили армию. Но и тут неувязки: захватчики — это те, которые захватили Отечество. Захватчики должны быть уже внутри, а не стоять на дороге. А тут гимнопевцы собираются сметать кого — то с дороги. Кого и за что?

Дорога, как явствует из следующих строк, — к славе. То есть, певцы славы ради, собираются уничтожать всякого, не присоединяющегося к славословию. Причём, они сначала клянутся вести Отчизну к славе, но уже через пару строк сваливают это дело на Знамя: «Знамя советское, знамя народное пусть от победы к победе ведёт!». Пусть оно ведёт от победы к победе. Цели нет, есть бесконечная цепь побед. Поющие гимн, мобилизованы на веки вечные. Знамя — в психоисторической традиции — символ Питающей Плаценты. Ты нас корми, просят поющие, а мы будем за это драться и умирать.

В следующем варианте гимна (1977г) первый куплет остался без изменений, но Знамя в припеве заменилось на партию: «Партия Ленина — сила народная // Нас к торжеству коммунизма ведёт!». Счастье народов и слава народов ограничилась дружбой, и, конечно, из следующего куплета выпал Джугашвили. Всё уже доделывал Ленин один, без ансамбля, самбля. Единбля. Рифмы всё те же: свободы — народы, свободное — народное, озарил-вдохновил, сметёт — поведёт. Все варианты гимна удивительно напоминают детский конструктор.

Цель «правого пути» или «великого дела» обозначена чуть более конкретно: уже не цепь побед, а торжество коммунизма. В то время он многим казался достижимой целью. И наступление этого «общественного строя» было мечтой не столько трудящихся — чтобы каждому по потребностям, а партийно-хозяйственной элиты — чтоб «труд стал естественной потребностью трудящихся». Короче, чтоб это быдло само в ярмо лезло.

Осознание утопичности этого пути пришло позже. Но дальше идёт интересная уточняющая формула: «В победе бессмертных идей коммунизма // Мы видим грядущее нашей страны». Не в торжестве коммунизма, как нового строя, а в победе его идей! Воистину, шила в мешке не утаишь, и неистребимая материнская процессность снова выглядывает из прорехи. А тут и знамя вернулось: «И Красному знамени славной Отчизны // Мы будем всегда беззаветно верны!». Куда же от Питающей Плаценты денешься?

В современном варианте гимна (2000г) перемены существенные:

Россия — священная наша держава,
Россия — любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава —
Твое достоянье на все времена!

Впервые обозначена священность страны и отчётливо заявлен женский род: держава, страна. Но достояние её — уже не армия, а могучая воля. Что это означает в реальности? Чья именно могучая воля

имеется в виду? Очевидно, — это эвфемизм своеволия правителей. Речь идёт о том самом различии между Законом и капризом. А священность — традиционное и очень удобное обоснование любого своеволия и самодурства.

Ну, дальше по тексту Отечество славит себя, как принято. Но партию Ленина — силу народную уже заменила «предками данная мудрость народная!». Партия Ленина отошла в предки. Ленин и партия, как утверждал В.Маяковский, — близнецы-братья. Теперь они из глубины веков транслируют нам мудрость, причём, народную.

Но, обратите внимание — появилась тематика Рода. Вместе со «священностью» она указывает на явный архаический заказ. Только выполнен он коряво. «Дружба народов» заменилась союзом братских народов. Друзья ушли, остались братья. Обстановка стала более интимной.

От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая —
Хранимая Богом родная земля!

Тут у нас и «Широка страна моя родная» и «от тайги до британских морей» — в общем, чисто географические характеристики необъятного материнского тела. Но дальше — жуткий аутический провал: «Одна ты на свете!». Вот это тезис! Какой же глубины регрессия наступает, если автор гимна скатывается в состояние младенца, убеждённого в том, что его мать — это и есть весь мир. Далее следует оговорка: Одна ты ТАКАЯ. Это понятно, он другой ТАКОЙ страны не знает, где ТАК. Но тут уже не вольно дышит человек, тут претензия на богоизбранность. Остальные страны, надо понимать, Богом покинуты или прокляты?

И ещё ряд докучных вопросов: почему, например, простор для жизни открывают только грядущие года?

Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам силу дает наша верность Отчизне.
Так было, так есть и так будет всегда!

Ведь необъятность родной земли особо подчёркивается, почему же просторно жить в ней можно будет только в будущем? Тут чистая правда написана: при всём просторе, человеку в ней места мало.

Конечно, агрессивные и жертвенные формулировки в последнем варианте гимна сильно смягчены, но общая бесчеловечная тенденция сохранилась. И напоследок — чёткое предупреждение: не будешь верным, потеряешь силу. Изменишь — станешь импотентом. А измена — это не шпионаж какой-нибудь. Это — любая попытка стать автономной личностью, это желание самому стать Отцом. Не «Отцом Народов», который суть мачеха, а обычным Отцом, без чьего авторитета не вырастут нормальные дети.

«Так было, так есть и так будет всегда!» То есть, никаких изменений ждать не следует. Только продолжения.

Марш Будённого

Завершая тему военной мобилизации-героизации, приведём Марш Будённого, или марш Первой конной на слова А. Д. Актиля (А.А.Френкеля) и музыку Д. Я. Покрасса. Есть свидетельства, что по-

● ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

следний музыку не писал, а использовал старую хасидскую мелодию. Очевидно, что жанр уже на излёте: мобилизация только обозначается, зато в избытке похвальба и лизоблюдство.

Мы — красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные
Мы гордо, мы смело в бой идем

Веди, Буденный нас смелее в бой!
Пусть гром гремит, пускай пожар кругом:
Мы — беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!

Буденный — наш братишка, с нами весь народ.
Приказ: «Голов не вешать и глядеть вперед!»
Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер,
Сумеет кровь пролить за СССР.

Высоко в небе ясном вьется алый стяг.
Мы мчимся на конях туда, где виден враг.
И в битве упоительной лавиною стремительной:
Даешь Варшаву! Дай Берлин! Уж врзались мы в Крым!

Безудержное самовосхваление автор ненавязчиво поручает каким-то речистым былинникам. А уж их устами легко назвать себя беззаветными героями, гордыми, смелыми. Но во главу, разумеется, ставится братишка Буденный. Да ещё упоминается Ворошилов (несомненно, поздняя вставка, поскольку СССР образован в 1924 году, а песня датирована 1920г.). Итак, былинники воспевают красных кавалеристов, которые, в свою очередь, воспевают красных командиров. Цель этой песни — откровенное ублажение начальства. Данное начальство, очевидно, не было способно оценить поэтическую убогость славословия.

Наш паровоз

Вторая песня, могущая служить «переходным мостом» от боевой к трудовой теме — «Наш паровоз» Авторство достоверно неизвестно. Киев.1922г.

Мы дети тех, кто выступал на бой с Центральной Радой,
Кто паровозы оставлял и шел на баррикады.
Наш паровоз, вперед лети! В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка.
Пойдем на бой мы, сыновья, в рядах с отцами вместе,
Мы бьем врага — одна семья, горя единой мезью.
Мы в недрах наших мастерских куем, строгаем, рубим
Не покладая рук своих, мы труд фабричный любим.
Наш паровоз мы пушим в ход, такой, какой нам нужно.
Когда прикажет нам народ, пойдем врага бить дружно.

Позже, ввиду утраты злободневности, Центральная Рада была заменена на абстрактные белые отряды.

Текст вполне органично соединяет войну и труд, но тема семейственности звучит ещё настоятельней. Коммуна, куда певцы собира-

ются въехать на паровозе — это ведь не коммунизм, это локальная коллективная форма быта — то есть, новая форма семьи. Дань романтике двадцатых, вскоре полностью исчезнувшей. И здесь неожиданное звучание обретает тема Рода. Парадокс в том, что если дать ей развиться, возобладает аристократическая идея. Она существовала в советской идеологии — высокое пролетарское происхождение, трудовые династии, народ — хозяин, и тому подобные концепты.

Широка страна моя родная

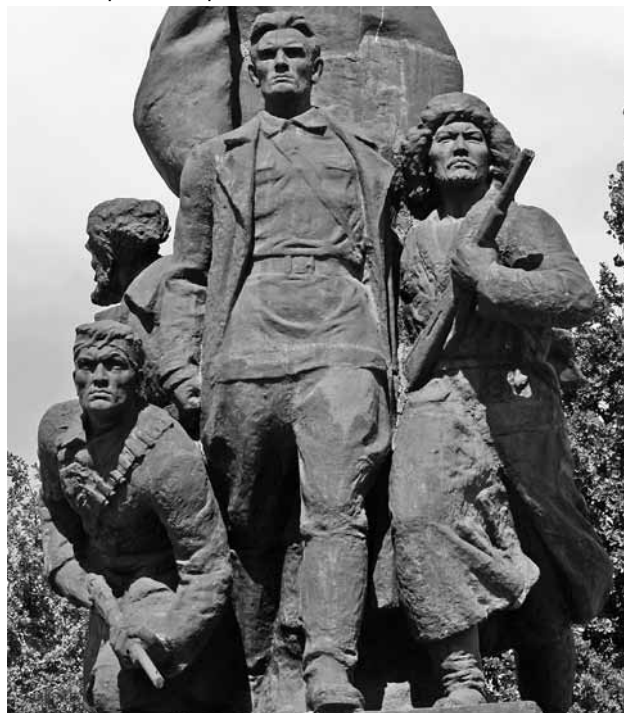
Исчерпывающей иллюстрацией является песня «Широка страна моя родная» или «Марш о Родине». Музыка И. Дунаевского, слова .В. Лебедева-Кумача.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

Всюду жить привольно и широко,
Точно Волга полная течет.
Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет.

Широка страна моя родная.
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов,
Наше слово гордое “товарищ”
Нам дороже всех красивых слов.

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский Закон.

Этих слов величие и славу
Никакие годы не сотрут:
Человек всегда имеет право
На учење, отдых и на труд.

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет,
Лучше нас смеяться и любить...

Но сурово брови мы насулим,
Если враг захочет нас сломать.
Как невесту Родину мы любим
Бережем, как ласковую мать.

Эгалитарность на марше. Все равны, хоть некоторые равнее. За столом никто у нас не лишний! Дом — страна, население — семья, Родина — мать. Вначале даже высказывает невеста, но, понятно, что до брака — ни-ни! Это примерно как церковь — христова невеста. Инцестуозность тут под полным контролем. У Родины уже объявился настоящий хозяин, и все об этом помнили.

В песне использован удачный психотехнический приём. До возникновения НЛП ещё полвека, но посмотрите, как просто автор связывает пространственные и временные перспективы (молодым — дорога, старикам — почёт) с вольным дыханием. В тексте легко обнаруживаются «якорьки», императивно изменяющие физическое состояние тех, кто слушает песню, тем более тех, кто её поёт. Подобный «желтый» — экстравертированный, эксцентрический импульс вызывает ощущения слияния с миром, с космосом. Отдельные находки случались в этой суррогатной поэзии. Хотя, такие детали, как сурово насуленные брови, или похвальба насчёт лучшего в мире смеха создают неожиданный комический эффект.

В реальности же, новой аристократией страны становилось партийно-хозяйственное чиновничество. А пролетариат, прельщённый идеей своего аристократизма, уже не рвался к тяжёлому грязному труду. Поэтому, подлинным хозяевам требовалось сосредоточить массы на трудовой отдаче. А подыграть им хозяева готовы, могут даже назваться слугами народа, и самый главный хозяин — всего лишь секретарь.

Нас утро встречает прохладой...

Теме трудовой мобилизации посвящен следующий слой советских песен. Вот одна из них (Д.Д.Шостакович Б.П.Корнилов «Песня о встречном»).

Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада весёлому пенью гудка?
Не спи, вставай, кудрявая! В цехах звеня,
Страна встаёт со славою на встречу дня.

Бросается в глаза изобилие субъектов: утро встречает, река встречает, тут же обращение к кудрявой. Кто она такая: Возможно, любовница лирического героя? Он уже встал и, похоже, вышел из дому, а она всё не встаёт и даже не радуется. Но есть основания полагать, что кудрявая — не совсем та, кем прикидывается. Об этом чуть позже. Страна, похоже, заночевала в цехах и до того металлизировалась, что звенит при каждом движении. Так она будет встречать день. (напрашивается парафраз: В ЦЕПЯХ, звеня, страна встаёт со славою на встречу дня).

И радость поёт, не скончая, и песня навстречу идёт,
И люди смеются, встречая, и встречное солнце встаёт.
Горячее и бравое, бодрит меня.
Страна встаёт со славою на встречу дня.

Хаос субъектов усугубляется: радость поёт, а песня навстречу идёт. Не удивительно, что люди смеются, встречая. Вот только, кого — радость или песню? А тут ещё солнце встаёт, почему-то встречное. Хорошо, что не поперечное. Да ещё бравое(?) Оно бодрит героя, который, на самом деле заспанный. Эмоциональная накачка призвана украсить обыденную унылую картину подтягивания утренней смены к проходной (той самой, что в люди вывела его) родного завода. Сами заводчане бормотали про себя несколько иные тексты: «Гудит как улей // Родной завод // А мне-то х..ли // Е...он в рот».

Множественность субъектов, которыми насыщен мир советских песен, наводит на мысль об анимизме — наивном проторелигиозном восприятии мира, в котором каждому предмету приписывался свой дух. Скучать в таком мире действительно было некогда — забудешь кого-нибудь умиловать — потом боком выйдет. Общество тотального атеизма от монотеистических конфессий просто регрессировало к практическому первобытному анимизму. Поэтому столь легко и часто одушевляются и природа, и страна и даже абстрактные понятия. Вставание страны рассматривалось в предыдущей части, и здесь специально останавливаться не будем.

Бригада нас встретит работой, и ты улыбнёшься друзьям,
С которыми труд и забота, и встречный, и жизнь — пополам.
За нарвскую заставою в громах, в огнях,
Страна встаёт со славою на встречу дня.

Бригада встретит работой — можно понять двояко: бригада погружена в работу и не обращает внимания на твоё появление. Или, как только ты пришёл, бригада тут же подвалила работы. Второе правдоподобнее. Улыбка понятна. Можно поменять индивидуальный невроз на коллективный и, конечно же, полегчает.

Вот только какого встречного они с бригадой пользуют совместно? Возможно, в кинофильме это и объясняется, но корявость строки не отменяет. А дальше — очаровательная оговорка — двусмысленность: «и жизнь — пополам». Буквально читается — жизнь сломалась, не склеить. С такими друзьями жизнь будет поломатой. Следующий куплет, впрочем, кое-что проясняет.

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

И с ней до победного края ты, молодость наша, пройдёшь,
Покуда не выйдет вторая навстречу тебе молодёжь.
И в жизнь вбежит оравую, отцов смена.
Страна встаёт со славою на встречу дня.

Герой обращается к молодости. Причём не своей индивидуальной. А коллективной, поколенческой. Но не совсем понятно, с кем «с ней» молодость будет идти: с бригадой, со страной, со славою, или с нарвской заставой. Но это не принципиально. Тут все члены взаимозаменяемы. А вот крайне важные строки — про победный край. Что это за край? Почему он победный? Почему следующая молодёжь — вторая, и откуда именно она выйдет навстречу? Похоже, молодость сопровождает героя со товарищи до рокового края, а победа тут будет не за ними. Если не считать за победу, например, утрату с возрастом, репродуктивных функций. Внимательно проверим топику: молодость идет с поколением героя (бригадой, страной, нарвской заставой) до некоего края, а навстречу выходит вторая молодёжь. Догадываетесь, что это за край? Это край вагины Великой и Ужасной коллективной матери. Оттуда выходят поколения, и туда же уходят. Понятней становится, почему в тексте упоминается кудрявая. Трудно вообразить Великую и Ужасную мать за эпиляцией «зоны бикини».

Отметим, что новая молодёжь вбежит оравую, отцов смена. (На слух воспринимается: отцов смена, страна встаёт со славою...) Это абсолютно логично ложится на тезис, приведённый ещё в первой части статьи: в советском материнском обществе отцы должны регулярно уничтожаться. Допустима только память об отцах — героях. (Поэтому рубеж заклания называется победным(!) В реальности — это жертвенный рубеж) За край уходят те, кто наработался досыта, разочаровался, и уже не так легко поддаётся манипуляциям, те, которых просто необходимо списать. А им на смену выпустить тех, кем рулить легко. А дальше в песне вообще чёрт-те что!

И радость никак не запрятать, когда барабанщики бьют:
За нами идут октябрята, картавые песни поют.
Отважные, картавые, идут, звеня.
Страна встаёт со славою на встречу дня.

Какую там радость прячут под барабанный бой? Прячут смертный ужас, пытаюсь выдать его за радость. Маниакальная защита — называется. Ещё бы: за ними пришли октябрята! Павлики Морозовы. Дополнительную кошмаринку придаёт то, что дети-убийцы поют картавые(!) песни. «На горе Арарат растёт крупный виноград!» Поэт, очевидно, имел в виду, что детки сами картавят, но, что правда, то правда: из советской песни картавость не выкинешь. А зачем картавят дети? Каждый, кто был октябрёнком, знает: они так воплощаются в дедушку Ленина. В семь — восемь лет картавить, конечно, уже неприлично, как и писаться в штаны. Но в данном случае это — священная картавость. Интересно, чем именно они звенят, шагая. Очевидно, тем же, чем и страна: кудрями.

Такою прекрасною речью о правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу, навстречу труду и любви!
Любить грешно ль, кудрявая, когда, звеня,
Страна встаёт со славою на встречу дня.

Труд, любовь и сама жизнь отдельны от поющего субъекта. Они для него — отчуждённые сущности. Поэтому встреча возможна только на противоходе. Показательно, сколь робко герой вопрошает у кудрявой дозволения любви. Грешность этого дела изначально звучит в вопросе.

Только работая над статьёй, я первый раз целиком прочёл этот текст неплохого, в общем-то, поэта Б.П.Корнилова, и был охвачен тоской и ужасом. А потом взглянул на дату создания сего шедевра. И многое стало ясно: 1931 год. Кудрявая тень уже наполнила на страну. Скоро все ею накроются.

Подобные «трудовые» песни общеизвестны: «Заводская проходная», «Спят курганы тёмные», «Мы с железным конём» Никаких новых идей, относительно рассмотренных, там не содержится, поэтому нет нужды обращаться к каждой. Отметим только заклинание, которое будет в том или ином виде повторяться во многих других песнях: «Я не хочу судьбу иную, и ни на что б не променял ту заводскую проходную, что в люди вывела меня». Заводская проходная здесь — стандартный образ Великой вагины, которая ежедневно вбирает в себя и выдавливает обратно массы людей, которая рождает самого героя. Но не в ней суть завершающих строк, а в том, чтобы не хотеть судьбы иной. Песенная лирика тех лет очень активно работает на создание ИДЕНТИЧНОСТИ советского человека. Она (лирика) привязывает человека к конкретной судьбе — тяжёлой, жертвенной, и не оставляет ему вариантов.

Не нужен нам берег турецкий...

После Великой отечественной войны, в ходе которой солдаты-победители повидали иные страны и начали делать кое-какие выводы, актуальной становится тема фиксации на Родине. Вот один из многочисленных примеров (М.Исаковский. М.Блантер):

Летят перелетные птицы в осенней дали голубой
Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой
А я остаюсь с тобою родная навеки страна
Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна

Немало я стран перевидел, шагая с винтовкой в руке
Но не было большей печали, чем жить от тебя вдалеке
Немало я дум передумал с друзьями в далеком краю
Но не было большего долга, чем выполнить волю твою

Пускай утопал я в болотах, пускай замерзал я на льду
Но если ты скажешь мне слово, я снова все это пройду
Надежды свои и желанья связал я навеки с тобой
С твоею суровой и ясной, с твоею завидной судьбой

Летят перелетные птицы ушедшее лето искать
Летят они в жаркие страны, а я не хочу улетать
А я остаюсь с тобою родная моя сторона
Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна.

Сегодня эту безыскусную песню поют те, кто для отдыха предпочитает Таиланд или Багамы.

Интерпретировать текст подробно незачем — это гомогенное влияние сепарационной тревоги. Есть только одно «углублённое» место — «Надежды свои и желанья связал я навеки с тобой» — такой эф-

фект привязки надежд и желаний к одному объекту достигается в том случае, если мать воспитывает ребёнка с позиции «Я лучше знаю, чего ты хочешь, я лучше представляю, чего тебе надо». Собственные индивидуальные желания и устремления личности оказываются изолированы. Вместо «я хочу» остаётся дырка, в которую вкладываются любые суррогаты. Да, с глубинным ущербом было воспитано целое поколение. Но гордиться таким ребёнком — всё равно, что гордиться уродом, выращенным на потеху в китайском сосуде.

Впрочем, наш герой готов покинуть родину, но только по приказу самой родины. Зачем нам, поручик, чужая земля?

Символика птицы в глубинной психологии тесно связана с травмой рождения. Советские поэты-песенники этого, разумеется, не знали, но архетипическая символика на то и существует, чтобы посещать каждого.

Но где-то там, вдали, курлычат журавли

А вот «Журавлёнок» (Музыка: Э. Колмановский Слова: И. Шаферан).

Ушло тепло с полей, и стаю журавлей
Ведет вожак в заморский край зеленый.
Летит печально клин, и весел лишь один,
Один какой-то журавленок несмышленный.

Он рвется в облака, торопит вожака,
Но говорит ему вожак сурово:
«Пусть та земля теплой, а родина милей,
Милей — запомни, журавленок, это слово.

Запомни шум берез и тот крутой откос,
Где мать тебя увидела летящим,
Запомни навсегда, иначе никогда,
Дружок, не станешь журавлем ты настоящим».

У нас лежат снега, у нас гудит пурга,
И голосов совсем не слышно птичьих,
Но где-то там, вдали, курлычат журавли,
Они о родине заснеженной курлычат.

Ещё хороший проникновенный пример, в котором у певцов и слушателей песни намеренно актуализируется сепарационная тревога, под которую потом подставляется вместо реальной матери абстрактный объект — родина. Сегодня эти журавли незаметно мутировали в глистов из анекдота, твёрдо знающих, где их родина.

Впрочем, есть и другие журавли, в песне о которых нет этой сладости и выпренности, а есть горечь и ясность. Кто-то пытается найти в ней буддистскую идею о переселении душ, хотя там очевидна классическая героика с посмертным перевоплощением. Мутабор.

Я люблю тебя, жизнь

Песни, содержащие обращения и призывы к массе, к большим общностям, таким как страна, класс, народ, или хотя бы — трудовой коллектив, эффективно выполняли свои задачи.

Но приходит время, появляются песни, ориентированные на индивидуума. В некоторых даже звучит экзистенциальная проблематика. Вот

например, образцовый советский человек обращается к Жизни, то есть, к фантазийной Великой матери (К.Ваншенкин, Э. Колмановский):

Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова.
Вот уж окна зажглись, я шагаю с работы устало,
Я люблю тебя, жизнь, и хочу чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано — ширь земли и равнина морская,
Мне известна давно бескорыстная дружба мужская.
В звоне каждого дня, как я счастлив, что нет мне покоя,
Есть любовь у меня, жизнь, ты знаешь, что это такое,

Как поют соловьи, полумрак, поцелуй на рассвете,
И вершина любви — это чудо великое — дети.
Вновь мы с ними пройдем детство, юность, вокзалы, причалы,
Будут внуки потом, всё опять повторится сначала.

Ах, как годы летят, мы грустим, седину замечая,
Жизнь, ты помнишь солдат, что погибли тебя защищая?
Так ликуй и вершишь в трубных звуках весеннего гимна,
Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно.

Очевидно, что герой диссоциирован, разъединён с собственной жизнью. Она предстаёт перед ним как отдельный внешний объект, якобы сконцентрировавший в себе «общие» закономерности всех иных жизней.

Герой «любит её снова и снова», то есть, занимается любовью с собственной жизнью. Поистине неиссякаемый аутоэротический источник. По логике изложения получается, что работа героя, с которой он шагает устало, и заключается в том, чтобы «любить жизнь, чтобы лучше она стала». Любовь у него тоже есть. Он не любит, он имеет любовь.

У этой любви есть «вершина» — дети, упоминаются в перспективе и внуки, но жены, хотя бы «гражданской» — реальной женщины — матери этих детей нет. Дети берутся непосредственно от жизни: «Есть любовь у меня, жизнь, ты знаешь, что это такое». Стыдливо-интригующее признание с фигурой умолчания и инфантильно — сумеречными намёками . . .

«У моей девочки есть одна маленькая штучка». Инцестуозный эротизм песни рвётся наружу, приближается оргазм. Он будет, только нужно немного дежурно взгрустнуть насчёт годов, седины и павших солдат, но обратный переход до неприличия резок: «Жизнь, ты помнишь солдат, что погибли, тебя защищая? Так ликуй!». Почему, вспомнив о павших солдатах, надо ликовать?

Заметьте, в этой песне тоже ширь, и тоже звон, каждого дня, причём, и тема мужской дружбы. И птицы, как без них, без соловушек? И весна на месте. Но что понимается под «вершиением жизни в трубных звуках весеннего гимна»? Более всего это похоже на маралью свадьбу. Очень сексуальная песня.

Последняя строка несколько портит картину: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!». Приехали: он не уверен, что жизнь (его жизнь) его любит. Он только надеется на это. Откуда бы такая неуверенность? А просто он не забывает, кто на самом деле управляет той жизнью, которую он любит снова и снова, и хочет, чтоб лучше она стала. То есть, не так уж она хороша, как это декларируется. Что-то вроде стокгольмского синдрома случилось с песенным героем.

Не созданы мы для легких путей

Вот ещё песня не о массовой ярости или «гордости», а об индивидуальных переживаниях: «Годы летят» (Музыка: М. Фрадкин Слова: Е. Долматовский).

Вот так и живем не ждем тишины
 Мы юности нашей как прежде верны
 А сердце как прежде горит от того
 Горит от того что дружба превыше всего
 А годы летят наши годы как птицы летят
 И некогда нам оглянуться назад
 И радости встреч и горечь разлук
 Мы все испытали товарищ и друг
 А там где когда-то влюбленными шли
 Влюбленными шли деревья теперь подросли
 Не созданы мы для легких путей
 И эта повадка у наших детей
 Мы с ними выходим навстречу ветрам
 Навстречу ветрам вовек не состариться нам
 А годы летят наши годы как птицы летят
 И некогда нам оглянуться назад

Юность, дружба, птицы, влюблённость, дети с патологической повадкой, категорическое отрицание рефлексии — некогда им оглянуться назад. Некогда — в данном случае, следует читать, — страшно. Взросление понимается как измена юности. Родина тут напрямую не упоминается, но она ощутимо присутствует. Она уже высосала почти все силы из этих героев и принялась за их детей. А эти старпёры лгут себе в каждой строчке. Если ты не старишься, так зачем акцентировано упоминать лёта лет? А если бег времени неудержим, стоит ли хвастаться своей неуязвимостью? Юность давно превратилась в фетиш, которому герои песни поклоняются в надежде, что она защитит их от старости. Это тоже вариант маниакальной защиты. Она сильна, но имеет свои пределы, а когда иссякнет — неминуема трагедия. Можно вспомнить «комсомольцев-добровольцев» и ещё массу подобных песен, в которых постаревшие герои панически, маниакально не желают признавать реальность.

Стой песни, что пела нам Мать

«С чего начинается Родина?» (музыка В. Баснера слова М. Матусовского).

С чего начинается родина? С картинки в твоём букваре.
 С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе.
 А может, она начинается с той песни, что пела нам мать,
 С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять.

С чего начинается родина? С заветной скамьи у ворот,
 Стой самой берёзки, что во поле, под ветром склоняясь, растёт.
 А может, она начинается с весенней запевки скворца.
 И с этой дороги просёлочной, которой не видно конца.

Этот памятник киевляне называют «Баба с градусником». Если присмотреться к чертам лица Родины-Матери, их можно понять.

С чего начинается родина? С окошек, горящих вдали.
 Со старой отцовской будёновки, что где-то в шкафу мы нашли.
 А может, она начинается со стука вагонных колёс.
 И с клятвы, которую в юности ты ей в своём сердце принёс.

Родина — это и есть образ матери. Но если их отождествить буквально, то начало родины следует отнести ко времени внедрения отцовского сперматозоида в материнскую яйцеклетку и образованию зиготы. То есть, к событиям, очевидно находящимся вне осознания субъекта. Речь может идти, как минимум, о сроке проявления самосознания — около трех лет. Но и тут об отдельном объекте — Родине говорить не приходится — мать пока представляет практически весь мир, во всяком случае, большую и важнейшую его часть. Ребёнку предстоит пройти (или не пройти) триангуляцию — включить в дуальные отношения с матерью третьего участника (отца), а с ним множество других отдельных лиц.

Собственно образ Родины появляется только после завершения эдипова конфликта и наступления латентной фазы психосексуального развития, в которой ребёнок ощущает себя изгнанным из родительских объятий. Именно тогда он открывает для себя большой мир, и обнаруживает готовность его постигать. Это младший школьный возраст, обобщённо — 7 лет. Поэтому совсем не случайно в начале песни «картинка в твоём букваре». Другой вопрос: что это за картинка? Мама мыла Раму (Кришну) или кто-то из вождей? Первый же образ родины обозначается, но остаётся закрытым. Хорошие и верные товарищи становятся актуальны чуть раньше школьного возраста, но, в грубом приближении, можно указать тот же постэдипов возраст. Правда, товарищи нужны для формирования образа, во-первых, самого себя, а вовсе не родины. «С той песни, что пела нам мать — это какая именно песня имеет вид? «Придёт sereneкий волчок и ухватит за бочок» — один вариант, «Ле-е-его пришло, и жить стало легче» — совсем другой. Текст песни изобилует лакунами, предполагающими использование индивидуального опыта каждого слушателя. Да, создатели этой песни уже исходили из понимания того, что индивидуальный опыт возможен, пусть и в рамках советской стандартизации. Далее следует совсем загадочный образ: «С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять». Что бы это могло быть? Что невозможно отнять? Душу, как было предположено? Увы, утрата души — не столь уж редкое явление. Очевидно, отнять нельзя только то, что при изъятии настолько изменит субъекта, что он перестанет быть собой. Тогда изменённый субъект не сможет почувствовать себя ущемлённым, обобраным. Что делает субъекта самим собой? Что даёт ощущение несомненного соответствия себе? Вспомним ещё раз пресловутую борьбу за «Это». Речь, конечно же, идёт об идентичности, точнее, о задаваемых государственных и квазиэтнических (советский народ — новая историческая общность) параметрах идентичности. При дефиците или инфляции личных смыслов государственная и национальная идентичность смещает акценты на историю, на славное прошлое и на территорию. То есть, регрессирует в архаику. Так происходит не только в России, но именно в советский период нашей родины эти тенденции проявились наиболее ярко.

Далее следует тоже вполне загадочный образ: «заветная скамья у ворот». Почему заветная? Скамьи бывают школьные, студенческие, подсудимых, штрафная и скамья запасных в спорте. На скамье у ворот (в песне подаётся деревенская натура) могут сидеть старушки и судачить о своём и чужом. Но ни одна из названных не годится на означенную роль. Ещё на скамьях пороли. Так может именно этим объясняется её заветность?

«Той самой» берёзке, что во поле... — сколько уже сотен лет? Она, если не упала, давно превратилась в здоровенную сухару. К тому же, «заламывание берёзки», которой посвящена известная народная песня — традиционный символ потери девственности. Шире — преодоление начальной девической фалличности. Возможно, для кого-то родина начинается именно с этого.

Запевка скворца — лаконичное соединение весенней и птичьей тем, обязательных для советской песни. Они безотказно актуализируют инфантильный оптимизм. Далее — дорога просёлочная, которой не видно конца. Вспомним: «Нет у революции конца». Эта бесконечность должна намекать на бескрайность русской души. На деле она означает навязчивую процессность — движение ради движения, действие ради действия, и панический страх результата. Закономерно ведь, что мощная советская экономика производила электроэнергию, добывала уголь, выплавляла сталь не для людей, а для того, чтобы наделать машин и станков, чтобы больше добывать

энергии, угля, плавить стали, чтобы больше построить заводов, на которых будут создаваться приспособления для ещё большей добычи ископаемых.

Впрочем, скоро станет понятно, что ведёт дорога к железнодорожной станции. Окошки, горящие вдаль, лишь дублируют ложную перспективу. Очень важный момент: отца нет — но есть будёновка. Старая, лежащая где-то в глубине шкафа (её надо было искать). Она, конечно, не милитаристический символ, а героический — «старый доспех». Для массовой идентичности важна историческая перспектива. В то же время, это хорошая иллюстрация ранее высказанной мысли о том, что в материнском обществе достойный отец может быть только умершим (погибшим) героем. Головной убор в психоаналитической традиции — фаллический символ. Шляпа, шлем, каска, папаха, — все эти уборы держат форму, а тут будёновка — плоская, сплюснутая под кипой других вещей: вигоневых панталон, сатиновых лифчиков, кальсон «унисекс». Зримый образ смятой и засунутой в шкаф отцовской фалличности.

Стук вагонных колёс, конечно, — российский саунд-трек. Он воспроизводит и сердечный ритм, и коитальный ритм. Это музыка сепарации и, одновременно, бездомности и потерянности на гигантских просторах. Для многих слушателей песни это — атрибут романтики, встреч, путешествий и, действительно, зримого образа огромной родины. Можно ещё вспомнить, что «столыпин» — второе имя России.

В завершающих строках обнаруживаем «клятву, которую в юности ты ей в своём сердце принёс». Опять вопрос — что за клятва? «К борьбе за дело коммунистической партии» быть готовым — уже поздно, «пусть меня постигнет суровая кара советского закона и всеобщая ненависть и презрение трудящихся товарищей советского народа» — вроде, ещё рано. Тут в песне фальшь. Каковы могут быть обстоятельства, в которых юный человек клянётся в своём сердце? Пепел Клааса должен стучать в него. Клятва приносит для усиления волевого импульса, когда клянувшийся не уверен в своих силах и ищет дополнительные резервы. Проще говоря, готовится выйти за пределы человеческих возможностей. Думается, что поэт в данном случае и сам не представлял, что это за таинственная клятва, а вставил её для красного словца. Рассудите логически: может ли родина начинаться с клятвы, принесённой этой самой родине? Прежде чем клясться ей, родина уже должна быть. Думается, что под этой «клятвой» понимается созданная у юного существа готовность умереть, принести себя в жертву «высшим интересам».

Множеством открытых вопросов песня обозначает ещё одну важную тему — тему размытой инициации в отсутствии отцовской фигуры. И связанную с ней размытость идентичности (Ущербная идентичность — одна из болевых точек современности. Парадоксальным образом в данной песне искренние эмоциональные строки перемежаются искусственными манипулятивными. Поэтому и впечатление на современных слушателей производит неоднозначное — от привычно-сентиментального, до острого неприятия.

Все предлагаемые советскими песнями формы идентичности современным россиянам уже не подходят. Мало кто желает ощущать себя «пущечным мясом», «тягловым скотом», жертвенным резервом, кадавром без индивидуальных желаний, затычкой для всякой дыры, холопом, наслаждающимся своим холопством. Ещё встречаются, конечно, кое-где у нас, порой, и такие персонажи, но, хочется верить, их век прошёл и никогда не вернётся. А хозяевам своей судьбы требуется идентичность другого рода.

Сергей ЗУБАРЕВ

ЦВЕТЫ НА МОГИЛЕ ПУГАЧЁВОЙ

...Лет тридцать назад я влюбился в Аллу Пугачёву.

Мы все тогда её очень любили. Нежная, изящная, невозможно-искренняя и предельно глубокая, она не пела, а играла на самых потаённых струнах наших душ. Окружающее её общество было искорёжено господствующей тогда у нас насквозь фальшивой идеологией, а ОНА — не фальшивила, ОНА — жила с нами и в нас, и творила нас заново — лучшими, чем мы были до знакомства с нею... Многие из тогдашних властимущих недолюбливали Пугачёву, чуя в ней *чужое*, чинили препятствия её творчеству, пытались её как-то приглушить... Но разве можно остановить ту, которую любит весь народ?! Её слава лишь росла и крепла, и в каждом из нас звучало горькое: «Эх, как бы она смогла развернуться, получи полную творческую свободу!..».

...Прошли годы. У нас поменялось всё, кроме одного: народ по прежнему любит Аллу Борисовну. Но Господи, как же она изменилась!.. Обрюзгшее лицо, тумбообразная фигура, идущие ей как кенгуру смокинг балахонистые наряды — это в тех случаях, когда Примадонна считает нужным явить себя публике той, которой она в действительности и есть — раздавшейся вширь от обилия калорийной жратвы уродливой старушенцией, а не молодой девочкой с томными глазками и аппетитными ножками, коей она с той же регулярностью тоже мелькает на эстраде. Хотя бы для самой себя определила собственный имидж: старуха или всё-таки нимфа?.. Но нет, нравится ей показывать себя и такой, и этакой... Дескать, «я такая разносторонняя!..».

Теперь о творчестве. Голоса нет давно. Какие-то прокурено-испытые руины былого завораживающе-бархатистого великолепия, доведённые до приемлимых кондиций благодаря современным возможностям звукозаписывающей техники. Особенно хорошо это заметно, когда одну и ту же её песню слушаешь вначале в записи 80-х годов, а затем тут же — в современной записи... Мягко говоря — совсем не то!..

Её нынешние песни — разные. В числе прочих есть и хорошие, но ОЧЕНЬ хороших песен у Пугачёвой нынче нет и в принципе быть не может, ведь у неё сегодня — совсем иной слушатель. Не тот, душой которого следовало бережно овладеть, а другой, живо интересующийся, с кем и какими именно способами Примадонна совокупляется, сколько бабла у неё на банковских счетах и когда же наконец она расстанется с матюкливым «гомиком-Филей»... Сегодняшние песни Пугачёвой — всего лишь совсем необязательная иллюстрация к грандиозным скандалам, слухам и сплетням вокруг её загульно — шикар-ной «купеческой» жизни. Вполне логичны случаи, когда песни сами становятся скандалом, вроде той, лично меня просто потрясшей, где Алла, обращаясь с эстрады к Максиму Галкину, под музыку публично предполагает, что он-де будет пихать в неё снизу из унитаза букет роз. Общеизвестный «миллион, миллион, миллион алых роз», ставший тампоном для интимных дырочек Примадонны — это круто!..

Так что же получается?.. Весь смысл борьбы за свободу творчества для нашей великой певицы заключался в том, чтобы она наконец-то получила бесценное право спеть про оригинальные затычки и засевшего в унитазе Галкина?! Вот чему, оказывается, мешала все предыдущие десятилетия тоталитарная идеология так мешавшей нашей интеллигенции КПСС-злодейки... Вот на что подло посягали окровавленные руки идеологических палачей, коммунак-изуверов!..

Почему Пугачёва нынче — ТАКАЯ?.. Да потому только, что ныне мы — ТАКИЕ. И нам ТАКОЕ — нужно, за ТАКОЕ массовый слушатель готова заплатить. Вчерашняя Алла ТАКОЙ аудитории не нужна и успехом в ней не пользовалась бы. Где нет успеха — там нет славы, нет там и денег, а деньги Пугачёвой нужны, потому как она уже привыкла жить на широкую ногу и отвыкать явно не хочет... Вот почему она и стала сегодняшней Пугачёвой!.. Наверно, вначале ей самой было противно (она ведь и вправду — умница, великой души человек), но потом ничего, втянулась... Настоящий талант ведь никуда не спрячешь во всём — даже и в бл...дстве!.. Но как же страшно должно быть настоящему таланту понимать, во что же он себя превратил и что из себя сделал... Как иногда остро начинает болеть в душе!..

...В период перестройки Мастера культуры замозолили себе языки, объясняя нам, как же все годы Советской власти мешала им жить и работать КПСС-мерзавка!.. Мало того, что уничтожили генофонд нации — десятки миллионов самых лучших, самых честных, самых талантливых! — так ещё и этим, уцелевшим, менее хорошим, настырно суют палки в колёса!.. «Можете представить, как бы мы развернулись во всю ширь и глубь, не мешай нам коммунистическая диктатура!.. — восклицали они. — Сколько замечательных фильмов, книг, пьес, песен мы бы создали!..». В такое — верилось. Сгинула Советская власть, прошло долгих 14 лет существования не-тоталитарного общества, Мастера культуры резвились на просторах бывшего СССР как хотели и как могли... И какой результат?.. А — никакого результата... Что-то делается, есть образцы творчества, за которые как минимум будет не стыдно перед потомками, но — ничего, хотя бы отдалённо приближающегося к ранее достигнутому в нашей культуре уровню *лучшего*... Ни новых Шолоховых, ни новых Шостаковичей, ни новых Гайдаев вы вокруг себя не увидите. Новых гениев — нет, а старые — поблекли. Раньше, скажем, каждый фильм Эльдара Рязанова был событием, которым интересовалась и жила вся страна. Режиссёр купался в океанах народной любви и втихомолку рассказывал каждому встречному, как же ему мешают препоны офюзной цензуры: «а не будь её — вот я б развернулся!..». Теперь цензуры нет, снимает Эльдар что хочет и как хочет, смотришь по телику его очередной «шедевр» и думаешь: «Уж лучше бы ты умер в девяностом...» (говорю это без обид — сто лет жизни великому киноклассику!..). Или вот Михаил Жванецкий. Гений юмора!.. Всеми слушаемый и читаемый, всеми обожаемый и любимый — раньше. Его и сейчас обожают и любят — по привычке. По старой памяти. По воспоминаниям о том, что мы слышали в 70-80-е годы и раздёргали по цитатам до кондиций народного фольклора. Но спроси любого, что ж такого — эдакого общенародно — значимого сотворил корифей за пост-советский период?.. Голову на отрез даю: ничего великого, сопоставимого с прежними эпохалками никто не вспомнит... Нечего вспоминать!..

Самое стыдное заключается в том, что резко снизив уровень творчества, ококультурные Мастера вовсе не стали жить хуже, совсем наоборот!.. Если раньше общество усредняло всех и поддерживало слабых за счёт сильных, то сейчас — время активных и способных. Если ты умён и энергичен, то большие деньги сами потекут в твой карман, а на них сегодня можно развернуться так, как и не снилось во времена номенклатурных продпайков и скромно-обшарпанных госдач... Пару лет назад прогремела история о похищенном у того же Жванецкого иномарки стоимостью чуть ли не в сто тысяч долларов. Вначале я засочувствовал ему было, но потом задумался: а откуда —

таким доходам?! Книгами Жванецкого прилавки нынче вроде бы не забыты, о снятых по его сценариям блокбастерах ничего не слышать, по стране с концертами наподобие трудяги Задорнова особо вроде не раскатывает — так откуда лавэ?! Впрочем, даже и не это главное, другое: зачем обязательно покупать себе машину за сто тысяч долларов, если вполне нормально можно ездить и на авто впятеро дешевле?.. В те времена, когда мы все обожали Жванецкого, он был таким же нищим, как и мы. Он был — *наш*. А сейчас массовый читатель и поклонник Жванецкого обнищал ещё больше и наглядней — зачем так явно показывать ему, насколько же ты нынче зажрался и завельможился?.. И что может сытый рассказать о жизни голодному?.. И ещё... Помнится, в эпоху перестройки весь смысл происходящего Мастерами культуры объяснялся так: это делается для того, чтобы всем стало жить лучше!.. Теперь же складывается впечатление, что жить лучше стало чуть ли не только им самим. Как — то неприлично всё это — даже с учётом того, что воспитанные люди денег в чужих карманах не считают. . . Но ведь в том-то и суть, что сегодня жируют за счёт того, что вынута из карманов *наших*. . . Понимает это Жванецкий? Прекрасно понимает, он же умница. Всё он великолепно понимает, но ездить на иномарке стоимостью в сто тысяч долларов куда лучше, чем на ржавых «Жигулях», он на ей и ездит. . . Чего вы к человеку цепляетесь?!

. . . Почему тоталитаризм, истреблявший таланты и немилосердно угнетавший уцелевших, имел великую культуру (имея в виду именно лучшие её образцы, а не соцширпотреб), а нынешний демократический строй, вроде бы именно для возрождения культуры и созданный, ничего подобного не имеет?.. На то лично я вижу две причины.

Первая из них — то, что тоталитарный строй, создающий огромные препятствия для культурного развития страны, рождает в обществе и огромную энергию по преодолению этих препятствий. Природа не терпит пустоты, есть определённый баланс плохого и хорошего в любую эпоху у любого народа, прибывание потенциала на одном полюсе немедленно приводит к возрастанию потенциала другого полюса, общее же равновесие — неизменно. Скажем, в лишённом свободы слова обществе сразу же наступает гулкая интеллектуальная тишина, и в этой тишине особенно громко звучат одинокие голоса осмеливающихся говорить правду даже и ценой собственной жизни, и именно в этой тиши к подобным словам относятся наиболее чутко, именно тут их слышат всем сердцем и душою, только тут они и звучат во всю свою силу!.. И напротив, демократическая свобода слова приводит к тому, что все говорят всё, в результате никто никого не слушает, кроме самих себя — слово полностью обесценивается!..

Тоталитаризм угнетал культуру и одновременно как внутренне слабый строй нуждался в ней — одним из важных рычагов управления обществом. Культура (пусть и деформированная) целенаправленно развивалась, на неё тратились громадные средства, она была занятием почётным, престижным и в масштабах всеобщей уравниловки — прибыльным. Всячески губя таланты, власть в то же время нуждалась в них, чтобы быть эффективнее и привлекательнее. Естественно — над талантами был жёсткий контроль. А любому творческому человеку контроль — как нож по горлу, власть уже и новые, воспитанные ею взамен погубленных таланты автоматически делала своими врагами, заставляла как — то изощряться, обходя препятствия, тем самым развивая мастерство и укрепляя характер. Тот строй если не гнул и не ломал — то делал титанами!

Иное дело — демократия, строй внутренне сильный, основанный не на насильственно навязываемых обществу искусственных идеологических схемах, а на здравом смысле и человеческой выгоде. При любом строе государство манипулирует людьми, но при демократии делать это легче, более удобней применительно к людской природе, тут ни культура, ни идеология как костыли государству уже не нужны — оно и так крепко стоит на ногах. В демократическом государстве есть тенденция сделать культуру частным делом занимающихся ею граждан, причём она должна быть полностью самокупаемой, то есть так же приносить прибыль, как, скажем, и продажа пирожков. Что охотней покупается, то и в первую очередь выставляется на продажу — закон рынка. При такой постановке вопроса качество культуры в конечном счёте диктуется только качеством человеческих душ. И вот тут-то начинает проявляться вторая глубинная причина нынешнего кризиса культуры. Её можно сформулировать так: ЧЕМ ЛУЧШЕ СТРОЙ. ТЕМ ХУЖЕ ЛЮДИ.

Тоталитаризм с его жёстким государственным диктатом над личностью каждого и регламентацией всех сфер жизни понуждает миллионы «маленьких людей» незримо сплотиться в бесконечном противоборстве с государством. Жестокость времён одних — огрубляет, зlobит, развращает, зато многих других — делает душевной, справедливой, человечней. . . «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке!..» — некогда сформулировал эту мысль Окуджава. Люди коллективно страдали от плохого в жизни и тянулись к хорошему, и искали в произведениях культуры это самое хорошее как свою опору в немилосердной схватке с окружающими их кошмарами. . .

Иное дело — теперь. Времена по-прежнему тяжёлые, но — не для всех из нас, а лишь для тех, кто внутренне им не соответствует и оказывается не в состоянии воспользоваться предоставленными нам всем возможностями. Выстоять сегодня проще всего именно в одиночку, рассчитывая только на себя и своих близких, на свои ум, энергию, хватку, талант и удачу. . . Никто уже (кроме оппозиционных политиков) не борется с государством, все борются со всеми за свое место под Солнцем, эта яростная конкуренция всех со всеми стремительно двигает вперёд прогресс, но осушает души, обмельчает личности, опошляет чувства. . . Не у всех, разумеется, далеко не у всех, но в первую очередь — у тех, кто в *этой* жизни смог преуспеть, причём преуспели они исключительно потому, что стали — *такими*. . . Только у успешных людей нынче есть так необходимые самокупаемой культуре деньги, потому именно на их вкусы и пристрастия она ныне и ориентируется. «Рыночная» культура стаёт такой, какой её хотят видеть и готовы оплатить «рыночные» люди — примитивной, далёкой от «заумности», полу-дикарской. . . Новых Шукшиных, Шнитке, Довженко нет вовсе не потому, что они не рождаются, а потому, что сегодня они обществу не нужны — исчез массовый потребитель их продукции. Наш народ нынче в гениях не нуждается — в обескровленные и ограбленные бытиём души великая культура просто не влезает!..

. . . Иногда даже начинаешь задумываться: а имеет ли вообще хоть какой-либо смысл общественный прогресс, если из всех наших попыток улучшить жизнь получается лишь бесконечный перелив плохого из одних проявлений в другие?.. Но это уже — тема совсем для другого разговора. . .

Владимир КУЗЕМКО

ПРЕДЕЛЫ И ПРОСТОРЫ УКРАИНСКОЙ МУЗЫКИ

В то время, как российская музыка до сих пор во многом ассоциируется с советскими рок-группами «Машина Времени», «Аквариум», «ДДТ», «Чай-Ф», украинская музыкальная сцена не стоит на месте, и теперь даже всемирно известные «Вопли Видоплясова» вкuple с «Океаном Эльзы» в какой-то степени ушли в область ретро.

Украинскую музыку, надо сказать, многие не воспринимают всерьез. Считают ее чем-то вроде рыбы второй свежести. Доморощенным сыром с плесенью. Диктофонной записью. И правильно делают: в большинстве своем украинские группы ценны не более, чем большинство российских или, например, немецких групп. И так же как в России или в Германии, в Украине есть хорошая музыка, и есть плохая. О плохой говорить бессмысленно, а о хорошей говорить трудно. Потому что музыка — такая субстанция, которую невозможно описать так, как хочется: получается или шаблонами, или наивными сравнениями, или кое-как. Поскольку шаблонами описывать скучно, а наивными сравнениями глупо, то попробую описать кое-как: все-таки иногда кое-как получается лучше, чем кое-как.

Украина богата народниками и электронщиками — на них, в общем-то, и стоит большинство исполнителей нынешней Малороссии. Народников много, потому что их взращивают в государственных теплицах, а электронщиков много, потому что модно. Кроме того, здесь еще живы апологеты рок-н-ролла, не желающие верить в то, что рок, каким он был десять-двадцать лет назад, никому уже не нужен, хотя многие из них и сознают, что он действительно никому не нужен. Есть в Украине и представители нью-вейв, перенявшие западные музыкальные тенденции — они играют на фортепиано, немножко миксуют с электроникой и голосом и успешно выступают в клубах. Есть и неонигилисты, отрицающие в музыке всяческие традиции.

Наиболее яркие (пока что) представители последней «категории» малороссийских творцов — харьковская группа Alarm Pressure. Начинал этот коллектив с того, что нынешний вокалист, по профессии журналист, Ден Митчелл (Den Mitchell) пришел к своему другу Нику Акорну (Nick Acorne) настраивать Интернет. Слово за слово друзья включили ритм-секцию на компьютере, подключили бас-гитару и стали играть что ни попадя. Гитара разрывалась от напряжения, ритм-секция не успевала за бешеной энергетикой, смех опережал удивление. Записали. Послушали. И решили, что получилось круто. Так и образовалась группа, название которой в переводе с английского означает «предельно допустимое давление». Таким образом, давая на инструменты, друзья записали несколько треков, которые спустя два года итальянский лейбл выпустил отдельным альбомом. Постепенно к мелодичному трешу подключился вокал, затем электроорган заменили на фортепиано, а бас — на акустическую гитару, а не так давно к непрерывно меняющемуся набору инструментов подключилась барабанная установка вместе с новым участником группы — Ваней Новиковым (Duke Kettle). Теперь творчество Alarm Pressure скорее напоминает неотесанный гранж и джазовый авангард (когда к составу подключается саксофонист, по профессии скульптор, Иван Светличный), при этом каждый концерт не похож на предыдущий, по-

скольку одну и ту же песню ребята могут исполнить в разных стилях. Солист коллектива Митчелл говорит, что только ради этого — ради импровизации и постоянных изменений в стилистике — ему хочется творить дальше. Так же говорит и Ник, который, несмотря на то, что окончил музыкальную консерваторию — и вообще во всех смыслах подкован в качественной музыке, — очень свободно относится к инструкциям по использованию инструментов. Участникам «Предельно допустимого давления» всегда интересно узнать, что же будет с ними дальше. И публике вместе с ними интересно тоже.

Непредсказуемость, пожалуй, одна из главных черт молодых украинских музыкантов. Когда я впервые услышала песни коренной одесситки Анны Брыжатовой, она же Anniebri, то восхитилась проникновенности и искренности песен, спетых под ладные фортепианные проигрыши звонким, немного с хрипотцой, голосом — это был как раз тот западный нью-вейв, который сейчас столь ценен. Волшебная чувственная девушка пела так, что хотелось слушать ее вечно. При первой же личной встрече Аня разбила на мелкие кусочки зеркало моего восприятия, сказав, что теперь она собирается писать музыку в стиле хаус и вообще уйти в электронику. На вопрос: как так, ведь публика любит именно эти живые песни под фортепиано — она развела руками и сказала: «но я устала так петь, я хочу делать другую музыку». Дело в том, что Anniebri часто сравнивают с двумя популярными персонажами — Алиной Орловой и Региной Спектор. Слишком часто, чтобы с легкостью продолжать петь рулады под клавиши. Тем не менее, именно благодаря этому она встала на путь профессионального музыканта: два года назад ее заметил представитель лейбла

«Кувшинка» Константин Смирнов и практически сразу же стал ее мейнстримом. Начались клубные концерты, студийные записи (первый диск *Anniebri Love I Feeling* продается в большинстве музыкальных магазинов Украины), выступления на масштабных общественных мероприятиях. А сейчас юная Анна (девушке 21 год) встала на путь поиска, что вполне логично. В любом случае, что-то мне подсказывает, ее творчество будет развиваться только в лучшую сторону.

Известную многим группу «И друг мой грузовик» («дочерняя» группа — «Негрузовики») трудно назвать украинской, поскольку коллектив этот давно уже вышел за рамки Украины: «Грузовики» чаще бывают с концертами в России, чем на родине. Но впервые они собрались вместе в 1997 году в Днепропетровске, и цель у них была, в общем-то, одна — выступить на местном рок-фестивале. По ходу дела выяснилось, что неплохо бы выступить где-нибудь еще. И они выступили еще, а потом еще, и стали выступать все чаще и лучше, мимолетно завоевывая любовь публики и принимая приглашения знаменитых шоуменов на телепередачи и радиозэферы. Солист «Грузовиков» Антон Слепаков благодаря своей способности располагать к себе людей стал лучшим другом для огромной аудитории на всем постсоветском пространстве, и остается им до сих пор. Что удивительно, в создании песен «Грузовики» используют лишь бас-гитару, ударные и голос, но все это производит впечатление сильнее, чем если бы музыканты располагали целым оркестром. Как им это удается?

— Мы просто играем, и все, — объяснил Антон в нашем с ним интервью. — Волею судеб так получилось. Каков состав был, таков и прижился. Были бы другие музыканты в наличии — и звук был бы, наверное, совсем иной.

Но дело, конечно, не только в музыке: многие критики и просто равнодушные называют Слепакова одним из лучших современных поэтов, и если отбросить лишнюю патетику, то это так. Главный «грузовик» ставит перед слушателем непростые вопросы, которые рано или поздно возникают в голове любого сознательного человека, и как бы мягко, ненавязчиво предлагает ответы. И слушатель ему верит.

Своеобразный антипод «Грузовиков» — гурт «ДахаБраха», появившийся на украинском пространстве семь лет назад в рамках театрального клуба «ДАХ». Этот коллектив сочетает фольклорную аутентичность с современным музыкальным «новоязом» — драмн-бейсом, электроникой и трансом, и именно поэтому он некогда стал популярным. «ДахаБраха» — это десятки самых экзотических западных и восточных музыкальных инструментов, удачные ритмы и забористые народные голоса. Это гораздо лучше, чем «Воровай-

ки», «Золотое кольцо» и Надежда Кадышева вместе взятые, потому что «ДахаБраха» не отплясывает «яблочко», не хвастает здоровым румянцем и не навязывается псевдонародным китчем с «играй гармонью». Это такая музыка, которую приятно слушать даже тем, кого фольклор в принципе никогда не интересовал.

Особый стиль «ДахаБрахи» сложился благодаря телевидению.

— В новозеландском представительстве телеканала National Geographic существует проект, посвященный современной музыке разных стран мира, — рассказал мне солист группы Марко Галаневич. — Съемочная группа объездила весь мир, и вот добралась до Украины. Именно нас они выбрали главным коллективом, представляющим страну. Одним из условий участия в передаче было создание кавер-версии на какую-то композицию новозеландских музыкантов. Нам предложили *Concord down*, и мы не стали отказываться.

Возможно, из-за такого удачного сочетания украинских народных традиций с современностью группу, в переводе со старого диалекта означающую «дать-братъ», полюбили не только на родине, но и в Европе. Тем не менее, как и любому перспективному коллективу, «ДахаБрахе» тесно в рамках Украины, но покидать родную страну они не собираются.

— В последнее время, ощущая большой интерес к нашему творчеству в Западе, мы понимаем, что там нам было бы проще реализоваться, — считает Марко. — Но мы не ищем легких путей. Это наша земля, именно здесь жили наши предки, она дает нам силы на творчество, и пока нам дают возможность здесь творить, мы будем здесь.

Alarm Pressure, *Anniebri*, «Грузовики» и «ДахаБраха» — лишь малая часть той хорошей музыки, которая в Украине все-таки есть. К слову, очень приятно слушать и милых светлоголосых женщин из *Pur:Pur* и «45EH», и молодых экспрессивных *Brunnetes Shoot Blondes* и *DOK*, и электронный трип-хоп *Aesthete iz Dead* и много чего еще. Да что скрывать — Украине повезло, что она еще не заколостенела, не застационарировалась, не зашаблонилась, что у нее целое море молодых сил и целый поезд светлых перспективных голов. В общем, если вы после прочтения этого текста захотите ознакомиться с творчеством хотя бы одного из описанных коллективов, значит, у меня получилось рассказать о хорошей украинской музыке чуть лучше, чем кое-как. А это, знаете, дорогого стоит. Как и хорошая украинская музыка.

Екатерина СЕРГАЦКОВА

УКРАИНСКОЕ ЧТИВО: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕЛЕНИЙ ПЕС»

Делом профессиональной чести я считаю покупку всех новинок художественных серий своего украинского издательства (к слову, их выходит сравнительно немного, так что разрушительного воздействия на кошелек — и пагубно-разлагающего на мозги — я почти не ощущаю).

В настоящий момент у издательства есть две, полноценно функционирующие и периодически обновляемые серии, обе исключительно женского наполнения — «сучасна сага» и «багаж забіяки». Первая, это то, что типа посерьезнее, а второе, это, типа, все что остальное. Или не так — первая, это где показан тяжелый путь Женщины с лирическими уточнениями, как именно первая буква применимого к ней существительного сделалась заглавной, анализ ее лишенных стрельбы и приключений будней, часто в разрезе нескольких лет, полных серой рутины с деликатными вкраплениями тонких душевных переживаний, горький вздох в конце, непременно осенний запах, знаете, как в фильмах соответствующих — и взгляд главной героини, как у Катрин Денёв средних лет — полный горькой радости, как солнце в ноябре.

Вторая серия это такое избавленное от меланхолической жвачки «гоп-гоп-гоп» и «цоп-цоп-цоп» (я сужу вообще по тому, что удалось прочесть, а улов составил всего одну книгу, так как две других, несмотря на всепрощающие чувства сыновней любви к своему первому издательству, как говорят, были ниасилины).

Итак, несмотря на мой снисходительно-насмешливый тон в начале рецензии, я вообще-то хочу сказать, что две книги из «Сучасної Саги» оставили довольно глубокий след в моей душе, заставили задуматься, прокатились строчками по всем гаммам душевных струн, и выполнили, собственно, свою книжную миссию на пятерку с плюсом, оставив букет читательской благодарности и зудящего сожаления, что были поставлены в один ряд с весьма посредственными вещами, под бестолковые обложки, и вычленив их из прочего мусора удалось лишь благодаря моей лично читательской методичности.

С лучших и начнем.

Настоящим откровением был роман «**Жіночий бокс**», авторства **Анны Ручай** — в 2008 году автор был среди финалистов «Коронации слова».

Роман этот, как настоящая женская песня, или как образ женщины, под такую песню — рисуемый в талантливом европейском кино, например, где женщина — она и воздушная, она и баба, и мокрые волосы облепившие покрывшую испариной бесстыдно обнажившую грудь в порванной рубашке, и грудной голос, и хриплые рыдания и соль на теле, и такая вот вся жизнь, оргазмы и аборт, в золотистой ряби солнечных зайчиков, с закушенными пальцами во время стоны. (господи, что я несу, книжка вообще совсем такие картины не рисует — это просто мой читательский отклик).

Но самое главное в этом романе — искренность. Видно, что эта книга писалась много лет, рождалась не как прихоть (хочу быть писательницей и вот написала роман), а как своеобразный душевный вопль, что для меня очень важно.

Еще одна книга, бьющая наотмашь, это «**Drifters**» **Екатерины Хинкуловой**. Книга написанная умной женщиной, которая рассказывает тот же вопль, на самом деле, только используя совсем иные средства, что местами просто душа взрывается, что бросаешься туда как в во-

рох душистых шелковых тряпочек, и зарывшись носом, слышишь над ухом насмешливый голос автора, которая заигрывает с читателем. Вот так вот пишет свою книжку и кончиком носка, с элегантно спадающей туфлей, подначивает тебя, причем ты, читатель, будь хоть четырежды матерью — в тот момент превращаешься в готового к флирту мужика.

Ну а дальше по порядку.

«**Мужской Роман**» **Ирины Потаниной** поверг в недоумение. Есть книги, которые пишутся на вдохновении и очень быстро (хочу быть писательницей), и читаются они в принципе тоже так — тяжело отлипнув взглядом где-то между станциями в подземке, иногда задаешься мыслью, типа «господи, на что я трачу время» одновременно отмечая, что «на книжку» и что в данном произведении есть все необходимое, чтобы считаться читабельным романом, т.е. книжкой.

Раздражает вообще все — имя главного героя, не несущая никакой информативности раздутость диалогами, словом, пусто, пусто, пустая книжка. Типа она приходит работать к нему на фирму, и там у нее какие-то темные дела, кучи бабок и то ли муж какой-то стремный, или то и не муж вовсе, а Она Ему так нравится, что ужас просто, причем вот тот вот вождельный «ужас просто» никак автором не развивается, мне это напоминает детское творчество, где как-то спокойно, по ходу, оговариваются правила игры «а она ему понравилась с первого взгляда», легко упуская все сопутствующие детали — бац вот просто и он уже без нее жить не может (та блин, научите же меня КАК!?) . Ну и там она после секса его потом отталкивает и все такое, а он страдает, причем почему отталкивает тоже не рассказывается — так надо, короче. И конец, естественно счастливый, а что бы вы думали?! Справедливости ради стоит заметить, что книгу «Неразгаданная» той же Ирины Потаниной (изданную в России) я читала, испытывая совсем другие чувства. Надо будет написать о ней, книжка может и не шедевр из тех, что я тут восхваляю, но очень цепляющая такая... вот ее бы в эту «Сучасну Сагу» поставить бы...

«**Сьогодні Сонячно**» **Ирины Кимличенко** это что-то такое... ну очень трудное и авангардное, такое вот из черной кофейной гущи и легкого наркотика женственно и неторопливо курящегося из тонкого мундштука, читать, короче, не получилось — все плыло, наполненное яркими цветами, сферическими формами с размытыми контурами, отражалось из зеркал на потолке атласными и бархатными текстурами, а еще там кажется есть про гомиков.

«**Півень у Фрістайлі**» **Галины Невенчанной** должен был полететь на полку неликвидов следом за «Мужским Романом», но был спасен чудесным стихом, чье авторство остается для меня спорным:

легли погоны мне на плечи
Ты ж соизволила родиться
И знал ли кто, что будет встреча
И суждено нам в сексе слиться

— цитата из дневника старого ловеласа, который описывал все свои похождения и был, тем самым, обличен своей женой, явившейся с материальным доказательством, на работу к сопернице.

• БЕСЕДЫ С АННОЙ НИКОЛЬСКОЙ-ЭКСЕЛИ

Это, по всей видимости, первая литературная проба решившего стать писательницей автора, потому что в истории прослеживается институтская такая, конспективная последовательность, усердие, события описываются, потому что надо же как-то написать про этот период в жизни героини, и вообще, закончить роман, вот.

Роман про будни девушки, ставшей со временем женщиной, матерью, матерью-одиночкой, сводящей с ума мужиков роковой красавицей, веселой любовницей и т.д. Своего рода эпическая сага, написанная скудно и без души.

Основная проблема авторов подобного рода, пишущих о житейских приключениях одной героини — ограниченность и ленца в выборе ее образа. То есть — Павлина (так зовут героиню) — яркая, веселая, хорошая, вот. И о чем бы там не писалось, какие бы сложно-подчиненные предложения не использовались, какие боли и лишения не испытывала бы она, а чувствуется, что ну не спали автор и героиня в одной кровати, не нюхали они друг друга так, что из сотен других запахов, с завязанными глазами узнали бы, что не знают они своих слабых и больных мест, и не хотят знать, и не надо оно им нафиг это, и меня они с моими идиотскими претензиями не поймут никогда в жизни, потому что сюжет — есть, жизнь героини, весьма правдоподобно описанная — есть, и забавные кавалеры-ухажеры, жалкие, смешные, сексуальные, такие разнообразные, принятые и отвергнутые — есть, так что же еще? Души нету, вот что.

А нафиг та душа, где она — когда есть яркие персонажи, увлекательные события? А хрен ее знает, отвечу я, забраковывая книжку.

Кстати после прочтения, я озвучила мужу гениальную мысль про пошлость. Удивительно, как богато цитируемая в вышеупомянутом произведении шансонная лирика может натолкнуть на почти полчасовой монолог (надо будет записать!). Суть сводится к тому, что когда нет возможности выразить мысль с талантом и искренностью, рождается пошлость: «ты так близка и так далека, ты дикий мед и все такое траляляля». Понимаете, не ставшее искренностью, становится пошлостью!

Кстати в порнухе зачастую совсем нет пошлости. Потому что есть искренность. Ладно, о высоких материях, например, о порнухе, поговорим в следующий раз.

Книга Людмилы Липовской «Витамин от одиночества» — типа дневник одной такой журналистки, которая умеет конечно подкупить женский читательский ум, написав несколько раз что-то там про свой вес, про лень на работе, про поспать и пожрать, так что тут же думаешь «хорошая девочка, про нее интересно читать, потому что она такая, как я на самом деле». Хорошее про эту книжку можно сказать следующее: она не раздражает. Журналистки все-таки умеют писать так, чтобы не раздражало. Но после прочтения ощущаешь какую-то грустную опустошенность, как после обеда в фаст-фуде, как после десяти номеров «Космополитан», «Единственной», «Натали» и так дальше. Унифицированные темы про психологию отношений, что такое интимная депиляция, письма читателей тут персонализированы под дневниковые записи главной героини, где сюжетная доля информации превращается в легкоусваиваемый и совершенно бесполезный фаст-фудовский крохмал.

Хрипло похихикивая, подвигаю к себе стопку из трех книжек серии «багаж забияки». Я вообще такое не читаю, но две из трех книжек

• ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

в этой серии написали мои знакомые и близкие подруги, потому покупая изначально только те две книжки, я все же поддалась на провокацию продавщицы, авторитетно заявившей, что третья книжка, написанная неизвестным мне автором «самая лучшая из всех».

Короче, когда-то я дала себе слово не препарировать творчество своих знакомых, но вот не могу сдержаться.

«Без обличья» Наталии Коробко это чудесная книжка! Да, предположим, там нет соленого бабского валяния на полу, как я люблю, с наматыванием мокрых от слез волос на побелевшие костяшки пальцев, ну так зато это просто качественный продукт (в своем жанре) и, скажу еще кое-чего. Я испытывала местами ТААААААКОЕ возбуждение, мамочки аяяяя! Такое, как в далекой юности, нарыв книжку «Конфетка» (Candy) где было это самое про то, что дядя делает с женскими писями иногда, и так дальше, в ненавязчивой литературной форме без маньячной детальности и не менее маньячной закамуфлированности длинными и ненужными метафорами. «Без лица», несмотря на идиотское название (у автора было другое — это идея издательства) это очень качественный продукт, а там где этой вот солено-мускусной искренности в принципе быть не может (жанр другой), то наиболее ценится качество. Вот как в голливудском кино — супер-профессиональная работа. Эта книга такая — чтобы взять, прочесть залпом, провалится, не отвлекаясь ни на какие анализы, мысли и т.д. и просто отдохнуть мозгами (и возбудится). Ложкой дегтя будет определенная досада от смазанного конца, какая-то там поспешность чувствуется, несостыковка — но то все мелочи, господа — да любой авиаперелет, посещение больницы, день на пляже — будет бесподобным и захватывающим в компании такой книжки, когда, может, ну не хочется читать про чужие высокохудожественные душевные гнойники и струпя.

«Тусовка» авторства Нины Дьяченко и Ларисы Ротных это легенда на самом деле. Знаете, что они делали? Им было по 16 лет и они решили писать роман — один день одна девочка напишет главу, потом вторая, и каждый раз написанное подругой оказывалось для другой подруги сплошнейшим сюрпризом и никто не знал толком чем оно все кончится. И они написали этот роман. И назвали его «Роковая Любовь», и вот этот роман напечатали спустя десять лет и назвали «Тусовка».

Когда-то я читала его по-русски, причем заходами по два раза и даже прониклась настолько, насколько писатель-аматор может проникнуться творчеством других писателей-аматоров, к тому же это как с фотографией, знаете, файл на компьютере зачастую выглядит куда аппетитней чем то, что напечатано в высоком разрешении и в выставочном формате. Короче, о чем книжка... там эти, подростки. И если бедную Павлинку из «Пивня» или грустную Потанинскую героиню «Мужского Романа» я там обвиняла в пустотелости — то эта компашка, из «тусовки» это даже... ну это даже не «Элен и ребята» (куда там!) это какие-то бумажные фигурки, блин, вырезанные на тяп-ляп из тетрадного листочка. В клеточку. Во время пары по РПС (розміщення продуктивних сил України). Кроме легендарного романа, там в книжке есть еще новеллы. Это такой гнилостный бред, который, хмммм... однако, мог бы быть каким-то таким гротескным черным действием в стиле комедии-буфф, так как детективный сюжет с тремя однойцевыми сестрами-близнецами спокойно реагирующими как кого-то там из них периодически закалывают ножом в спину, заставляя вывернутые рвотной гримасой мозги принять настороженно

прислушивающуюся позицию. Но осилить «Интимное дело» так и не удалось, потому что читиво, откровенно говоря — просто противное. Новелла Ларисы Ротных про Силиконового Монстра полна черного гротеска, и, вообще-то, по словам автора, опубликована быть не должна. Да и монстра там никакого нет (вот блин...), просто фамилия анти-героини Силикончева. Но там все тоже очень запутано, бесит портрет главной героини из серии «все мудаки — а я блочка» (или как там говорит не менее страшный в литературном плане человек по имени Ирэна Карпа?) и вызывает тот же стойкий рвотный рефлекс: «...Завдяки гарненькій зовнішності та життєрадісній вдачі, Світлану вважали школяркою, хоча вона вже вчилася на п'ятому курсі. Дівчина нагадувала сонечко, яке зігріває всіх своїм теплим проміннячком...» («... Благодаря красивой внешности и жизнерадостной натуре, Светлану считали школьницей, хотя она уже училась на пятом курсе. Девушка напоминала солнышко, которое согревает всех своим теплым лучиком...») — это не стеб кстати.

Возможно, на объективную оценку «Тусовки» повлияло мое знакомство с остальными произведениями тех же авторов, куда более толковых и тд.

Словом, если после этой рецензии меня офрендят минимум два человека — такова моя кара за длинный язык. Но мы ж о работе, о книжках говорим, девчонки! Вот про меня тоже гадости можете написать!

Ну и, наконец, «Горошко и Я» Галины Павловой, о которых я вообще-то не могу ничего писать, так как разве можно писать что-то о непрочитанных книгах? Пишу что думаю после осиленных 30 страниц и опираясь на собственный читательский опыт. Есть такие паршивые книжки, все будто написанные одним человеком, где главная героиня попадает во всякие передраги и такая спокойная все время, что триндец, только иногда написано «по моему бледному лицу текли слезы». А... та чтоб тебя... Там еще очень слабо развита тема межполовых отношений, но в конце иногда под вой милицейских сирен снисходительно принимается предложение ошивавшегося все время рядом субтильного молодого человека, выйти за него замуж. Передраги, осиленные мной: сперва она вылезла из окна на втором этаже, спасаясь от «мужчины своей мечты», который принял ее за девушку по вызову и повалил на кровать (я внимательно киваю, как жюри какого-нибудь танцевального шоу), но когда буквально странице на 20-й главная героиня снова падает, в этот раз в канаву (так и слышу дурное хихиканье) и прямо на труп своей подруги, чьими поисками занимается с начала книжки, понимаешь, что вот есть авторы, придумавшие что-то вроде «Братьев Кармазовых» (или «Казуса Кукоцкого» если оставить в покое несопоставимую со всем описанным выше классику), а есть те, кто пишет про те самые «ого, труп!» или «а там был труп!» или «... оказалось моей подругой, причем совершенно мертвой!».

Словом, тут, как говорится, каждому свое, и для перегруженных бухгалтерских, например, мозгов подsunуть какую-то серьезную книжку — просто преступление, а вот задорно всплывающие трупы то тут то там, наверное, для некоторых неглупых, но очень устающих морально людей — самое оно.

Ада САМАРКА

ФИЛИПП ЛОПЭЙТ: “ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭЛИОТА”

Филипп Лопэйт (родился в 1943 г.) известен больше как эссеист, чем как поэт. Он часто даёт интервью. В одном из них он говорит о влиянии на него Уитмена, Маяковского, Пастернака, Неруды, Фрэнка О'Хара; в другом утверждает, что начал писать стихи случайно в пору увлечения решением кроссвордов: однажды ему показалось, что стихи устроены подобным же образом — необходимо поставить нужные слова на нужное место.

Одно он знал, что это будут «антистихи», написанные прямым, доступным языком, подальше от Элиота... Результат — два тонких сборника в 1972 и 1976 гг. Написанные с интеллектуальной беспощадностью, скреплённой чёрным юмором, они явились прелюдией к его поэтическим эссе. Стихи оказались живучими и востребованными, и год назад он собрал всё своё поэтическое творчество в единую книгу.

Мы...

Мы,
будучи твоими ближайшими друзьями,
чувствуем — настало время
сообщить тебе,
что каждый четверг
мы собираемся группой для того,
чтобы изыскать пути
удержания тебя
в состоянии перманентной
неопределённости,
неудовлетворённости,
мучения и расстройства,
не возлюбив тебя так крепко,
как бы ты хотела,
но и не оставляя тебя на произвол судьбы.
Твой психотерапевт —
в нашей группе,
плюс твой любовник
и твой бывший муж,
и мы обязались
разочаровывать тебя столько,
сколько ты будешь нуждаться в нас.
Провозглашая наше соучастие,
мы сознаём, что, возможно,
предоставляем тебе противоядие
от неопределённости
и, в конечном счёте, от нас самих.
Но с тех пор, как наши четверги
привели нас к общности с единой целью,
редкой самой по себе,
с тобой, естественно,
в центре внимания;
мы полны надежды,
что ты продолжишь выдвигать
необоснованные требования о любви

не столько из-за своего бедственного характера,
сколько ради благополучия коллектива.

Женщина, которая плакала просто так

Он представил её на улице друзьям так:
«Это женщина, которая плачет просто так...»,
Потому что после того, как она прилетела к нему в Сан-Паулу,
И в первый день он был счастлив;
И на второй день он был житейски озабочен;
И на третий день он беспокоился о друге, который лёг в больницу;
И на четвёртый день он обнял её при всех и сказал:
«Как так, что мы всё ещё не вместе?..»;
И на пятый день он не позвонил вовсе;
И на шестой он внимал музыке глубоко, как африканец;
И на седьмой он предложил ей провести с ним ночь в отеле;
И на восьмой он не смог отговорить её от покупки билета на автобус;
И в последний день, когда он встретил её на улице, сияющий и энергичный,
И предложил нести её чемоданы,
Она расплакалась;
И он спросил: «Отчего ты плачешь?»
И она ответила: «Просто так...»

Двигаясь вспять

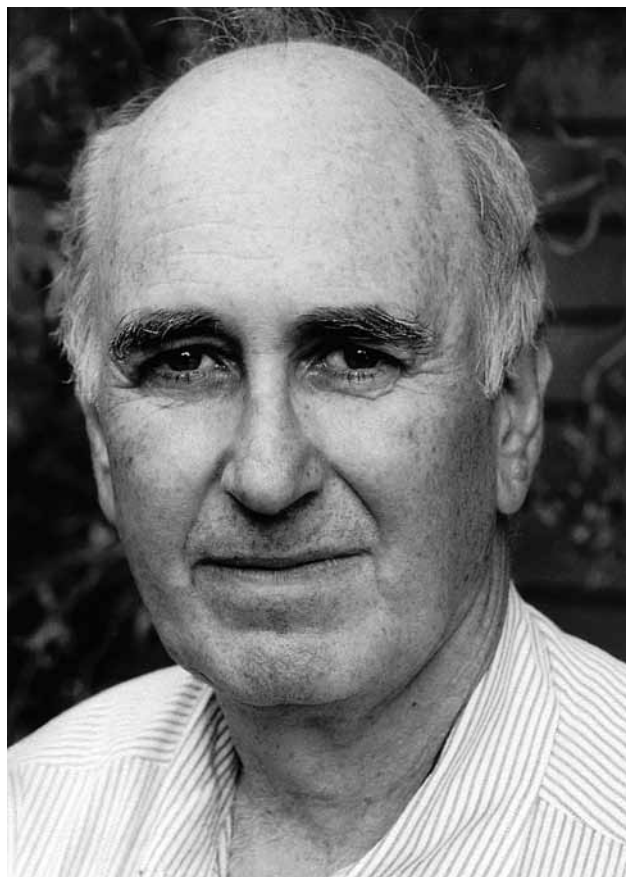
Дзиге Вертову

Если бы время двигалось вспять,
хлеба вернулись бы в пекарни,
газеты — в недра печатных машинок,
бумага, туго сворачиваясь и стелая, — в дерево,
кленовый сироп проделал бы путь обратно,
под корку клёна.

Матери узнали бы снова своих детей:
король рокн-ролла возвратился бы
со смущённым поцелуем в дверях,
разложил бы вещи, вошёл бы в старую комнату
с зелёной лампой, школьными тетрадями
и детекторным приёмником,
чтобы уставиться в потолок,
затем попытаться поймать Токио.

Белоглазый охранник,
галлюцинировавший в банке,
возвратился бы к месту,
где глаза его вылезли из орбит
и разбежались, как студенты колледжа после
выпуска.

Скучающая секретарша притворилась бы вновь занятой,
как прошлой ночью в кровати
со своим безработным другом;
любовники возвращались бы от климакса к любовной игре,
от влажности к неопределённости и намёкам.

Растерявшийся парашютист вытягивал бы шею,
как черепаха, гадая, где верх-где низ...

Люди, которых, казалось, мы больше не увидим,
ударялись бы о нас, как бумеранги:
девушки, ступающие прочь от миксеров,
дантисты с их грязными шутками,
негры в зелёных спецовках,
сметающие со стоек в кафетериях.
Лица спешащих на работу возникали бы вторично,
как будто мы пожелали увидеть их снова
ради забавы —

я не говорю, что это было бы просто,
я даже не утверждаю, что это имело бы смысл,
я знаю только, что животные
получили бы обратно свои внутренности,
а я — тебя,
и моя рука покоилась бы снова
на изгибе твоего бедра;

и мы увидели бы снег,
возвращающийся в пустые облака,
будто виновная жена, покрывающая мужа
мелкими лихорадочными поцелуями,
чтобы он забыл...

Перевод с английского и комментарий
Семёна БЕНЬЯМИНОВА

ВЛАДИМИР ПИВЕНЬ: «ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЛЕТАЮТ — ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ»

Владимир Пивень — известный украинский художник, родом из Полтавы. **Владимир Дручин** — молодой художник-одедсит, ведущий авторский блог в Интернете (именно его акварельный рисунок помещён на обложку этого номера «Контрабанды»). Кто лучше поймёт друг друга, чем художник художника?

В. Дручин: Что тебя вдохновляет? Что толкает каждый раз рисовать? Именно такие работы, яркие работы.

В. Пивень: У каждого по-разному. В моём случае иногда музыка, иногда фильм, абсолютно всегда по-разному. Но вдохновение оно наверное не приходит, оно есть, оно сидит в тебе постоянно. Если человек творческий, оно и не уйдёт никогда. Как только ты садишься за мольберт — оно появляется. Сложно объяснить это словами и описать с научной точки зрения. Вдохновение как любовь. Как можно сказать что такое любовь? Любовь и вдохновение — это два очень похожих чувства. Любовь может быть и есть вдохновение...

В. Дручин: Есть моменты, иногда вдохновение накатывает сильнее. Садись и делаешь работу на одном дыхании...

В. Пивень: Бывают такие дни, когда думаешь что сяду и напишу шедевр. А в итоге переписываешь работу снова и снова. Но слава богу такое происходит не часто.

В. Дручин: Многие говорят что творчество — это труд? Лично для меня — это отдых. Творчество позволяет расслабиться...

В. Пивень: Следует поделить творчество на несколько этапов. Когда ты рисуешь натюрморты, постановки, живую натуру — это конечно же труд. Нужно научиться, почувствовать свет-тень, конструкцию.

Потом когда начинаешь заниматься творчеством, начинаешь находить какие-то свои идеи — это уже наполовину труд. Ведь когда ты выплёскиваешь свои эмоции — это не может быть трудом. Но пытаешься, что бы это было убедительно, решаешь задачи рисунка, цвета. Это второй этап.

Третий этап — когда находишь свой стиль, в котором чувствую себя легко и свободно. Когда не думаешь, как изобразить что-то, вопрос рисунка уже решён, он уже сидит в голове. Это не вызывает никакого труда. Ты уже начинаешь выплёскивать какие-то энергетические вещи. Искать эмоции, цвета, больше идёт игра... Для меня труд — это мыть кисти и чистить палитру :)

В. Дручин: Хотел спросить, почему именно масло? Сам пробовал рисовать разными материалами, но пока больше привлекает акварель. А масло такое глобальное, требует подготовки к работе. Почему ты выбрал живопись маслом?

В. Пивень: Да, есть минусы у масла. Когда садишься, нельзя пропустить и сразу через десять минут писать маслом. Потому что нужно выдавить краски, сделать различные замесы, налить масло в маслёнку, натянуть и поставить холст, кисти должны быть вымыты, тряпочки сложены — это целая процедура. Но это конечно входит уже в некий такой ритуал, на который уже стараешься не обращать внимание с годами. Иногда даже во время этого процесса приходят какие-то интересные идеи. Но, почему маслом, потому что это такая краска, которой можно делать всё что угодно. Можно делать вещи акварельные, можно графические, можно делать пастозные, можно делать яркие, можно делать приглушённые. Маслом можно делать всё!

Акварель не терпит ошибок, потечёт, и через пять минут уже ничего не сделаешь. А в масле нравится то, что можно исправлять,

подтирать, можно потратить на это время и добавить ещё более интересные вещи в работу.

Когда привыкаешь к маслу, то его не сравнить ни с каким акрилом или гуашью. К тому же, масло проверено годами!

В. Дручин: Работу маслом можно писать длительное время. Масло, наверное, позволяет посмотреть на работу по-новому через время и ещё что-то поправить...

В. Пивень: Да много работ, которые могут стоять и год. Ну не удалась вещь. Конечно можно выкинуть, но можно отставить и через время, когда ты созрел, посмотрел на неё другими глазами, достаточно каких-то несколько движений и работа уже ожила и засияла по-новому. И в итоге работа продаётся, потому что если человек может позволить себе купить её, значит, она удалась. И человека она в итоге радует — большей убедительности и не нужно.

Вообще у нас художников уникальная профессия. Человек делает, получает удовольствие, получает за это деньги и работа ещё и приносит удовольствие другому.

В. Дручин: Как долго ты обычно работаешь над картиной? Есть какая-то статистика? Или это всегда по-разному?

В. Пивень: Абсолютно по-разному, бывает и за день вылетает классная вещь, а бывает, в течении месяца возюкаешь и ничего хорошего там не видишь. До сих пор не могу ответить себе, сколько я пишу работу. Бывает, небольшие вещи делаются за пол часа, потёками, брызгами, полу-абстрактно. И всем нравится, потом клиенты приходят болдеют и в итоге покупают. А бывает делаешь работу подходами, неделю и вроде нарисовано правильно и никаких ошибок и не придерешься, но сухо и не цепляет человека. Энергетика должна быть в работе, она очень важна когда есть в работе.

В. Дручин: Да когда она есть в тебе — она есть в работе.

В. Пивень: Сто процентов. :)

В. Дручин: Хотелось ли когда-то бросить рисовать? И когда началось увлечение рисунком, когда ты понял что хочешь рисовать? Когда ты понял что это действительно твоё?

В. Пивень: Начиная лет с 20-24 я понял, что другим не буду заниматься — это точно. Я понял, что я буду только рисовать и этим жить. А до этого, когда было 17-19 лет, заканчиваешь учёбу, в голове творится чёрти что. То есть у меня лично творилось. Я не мог понять, как можно этим жить.

• БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

После учёбы был промежуток времени, когда я работал на заводе художником-оформителем. Художник оформитель на заводе — это покрасить киоск, нарисовать табличку «М» или «Ж» для туалета, подкрасить номер машины, если стёрся. Зато была стабильная зарплата, еда в столовой и так далее. Но это было уже лет пятнадцать назад, и вспоминаешь это уже с юмором.

Но когда ты учишься, находишься в мире творчества, видишь, что у тебя есть творческая жилка, но тебе ещё 16-17 лет ты этого ещё не ценишь до конца, не понимаешь что тебе судьбой выдано быть художником, ты можешь что-то творить и людям это нравится. Но когда ты года два три поваришься в другом мире, так начинаешь ценить искусство и с большим рвением что-то делать. Когда позанимаешься чем-то другим, ощущаешь абсолютно по-другому как нужно делать и что нужно делать.

А потом, когда ты начинаешь что-то делать, и работы продаются, тебе рассказывают, что твои работы поднимают настроение. Тебе столько позитива идёт со стороны, ты можешь зарабатывать этим на жизнь, то видишь вокруг одни положительные стороны. И понимаешь, каким был дураком, что два года потратил на завод. Но с другой стороны, если бы этого завода не было, я может быть до сих пор сомневался бы тем или ни тем я занимаюсь.

В. Дручин: Владимир, есть ли у тебя работы, с которыми ты не расстанешься, не продашь? Может есть какие-то родные работы, с которыми что-то связано?

В. Пивень: У меня есть портрет жены, который я делал ещё лет десять назад, понятно, что я его никогда не продам, потому что он мне дорог, как семейная реликвия. А вообще по поводу продажи не продажи работ, последнюю работу, которую я делаю — это новая идея, сделанная на эмоциях, работа удалась, ты думаешь, эту никому не продам. Это моя работа, она лежит или на выставки попадает, но проходит время и получается что-то новое и более интересное. Ты переключился,

• ФАНТОМ

и смотришь — хорошая работа. Можно продавать уже, только дорого. И выходит, сначала не хотел продавать, через месяц ты уже не против, а через два ты уже рад, что она кому-то ещё приносит удовольствие. Со временем просто у тебя уже новые идеи и работы становятся лучше.

В. Дручин: Мне всегда было не до конца понятно современное искусство. Есть множество деструктивных форм в современном искусстве, непонятных. Как ты это видишь?

В. Пивень: Как сказал Сальвадор Дали: «Научитесь писать как старые мастера, а потом делайте что хотите и это будет выглядеть убедительно». Вообще может быть известные художники делают какие-то инсталляции, для того что бы сделать некий эпатаж среди людей, привлечь внимание. А в обычное время художник пишет красивые домики, пейзажи.

В. Дручин: Многие жалуются на качество знаний, которые даёт институт. Много ли дал институт тебе?

В. Пивень: Мне дал очень много. Мне повезло, я учился в Харьковском художественном училище, которое было при союзе и считалось лучшим. Были преподаватели, которые были хорошими художниками и по традициям этим ещё жили. Они имели возможность отдавать и отдавали. От преподавателя много зависит. Важно когда преподаватель говорит студенту то, что ему нужно говорить, то что ему нужно услышать. Тогда человек раскрывает себя как художник, а не просто как студент.

В. Дручин: Есть ещё какое-то увлечение кроме живописи?

В. Пивень: Есть некое такое хобби — авиация.

В. Дручин: С парашютом прыгать пробовал?

В. Пивень: Как раз этого меньше всего хочется, хочется сесть на самолёт и полетать. Я уже это делал и есть много знакомых лётчиков. А в дальнейшем есть желание получить лицензию. Хотелось бы в дальнейшем приобрести небольшой самолётик и подниматься в небо. Само ощущение полёта, и то что ты летаешь и управляешь этим полётом захватывает. Была бы вторая жизнь я наверное был бы лётчиком.

Я считаю что творчество и полёт связаны по своим эмоциям, ощущениям, переживаниям. Они где-то рядом. Я считаю что люди, которые летают, тоже творческие люди. Пусть они и другие вещи делают по жизни. Они поднимаются в облака, видят солнце, видят красивые вещи. . .

Владимир ДРУЧИН, vlad-arts.com

ЕВА ШАТЕЛЕЙ: “МЕНЯ РАДУЕТ УДИВИТЕЛЬНОЕ”

Принцесса в кедах

Я увидел впервые Еву Шателей летом 2002 года в Киеве. Нам было по 23 года, мы почти год переписывались в Интернете. Её простые, романтические, на первый взгляд, стихи казались мне удивительными, не похожими ни на что шаманскими заклинаниями. Я публиковал их во всех литературных изданиях, где работал.

Ева ходила по старому городу в кедах, размахивая большим зонтиком и рассказывая о том, каким она воспринимает своё самое любимое место в мире («Не берусь всё объяснить, но только этот город завораживает», — писала она в анкете сайта Lito.Ru). Ева вряд ли была хиппи и анархистской, но производила именно такое впечатление. Я бы не удивился, увидев её на баррикадах — и она, действительно, там побывала. Ещё она рассказывала о любимых книгах и читала стихи — украинские и русские. Украинских стихов до знакомства с Шателей я ни разу не слышал.

На фотографии, присланной для сайта, Ева стояла одетой в строгое чёрное платье в оконном проёме какой-то башни («Жила, писала стихи, мечтала покончить с собой», — сразу вспоминались её слова). Аристократизм её взгляда, позы настолько возвышал над киевским босоногим бродяжничеством, что идея служения таланту этой безумной, счастливой и талантливой девушки казалась естественной и единственно возможной. Думая о Еве, я до сих пор поражаюсь этому сочетанию — отстранённости от окружающего мира, и, в то же время, чувству собственного достоинства. И в стихах, и в жизни Ева была прекрасной и абсолютно недоступной принцессой, в которую влюблялись скопом и мужчины, и женщины.

На самом деле, Еву Шателей звали, конечно же, совсем не Евой, но литературный псевдоним оказался таким удачным, что настоящее имя, Елена, иногда казалось мне лишь официальным вариантом обращения. Сама Ева, конечно, считала иначе. Имя Елена помогало ей, осознавшей свою национальную идентичность в подростковом возрасте, воспринимать себя как украинку.

Второе имя, Ева, напоминало о том, что почти все её стихи посвящены так или иначе рождению женщины в женщине не только на уровне личных ощущений, но и в глобальном смысле слова — демиургическом, мифологическом. При знакомстве Ева рассказала, что придумала себе псевдоним, увидев в библиотеке плакат, на котором было написано что-то для «читателей и слуШАТЕЛЕЙ». Память услужливо подсовывала мне ассоциацию — что «château» («шато») в переводе с французского значит «замок». И я интуитивно понимал, что странство поэзии — это её, Евин, родовой майорат.

С того раза мы виделись всего несколько раз, но когда я читаю стихи Евы Шателей, мне кажется, что ничего не изменилось. Ну, может, кроме того, что теперь у неё вышла небольшая книжка под названием «Людное место», куда они как раз почти все поместились. Я очень многое оттуда помню наизусть. И когда меня спрашивают о моих любимых поэтах, я всегда начинаю перечислять с Евы Шателей. И, в большинстве случаев, ей же и заканчиваю, потому что, когда у человека есть вера, то в ней только один Господь, только один Адам и только одна Ева.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Перед нами беседа двух хорошо знакомых друг с другом поэтов — Евы Шателей и Александры Морозовой. Этот разговор вёлся в Интернете в течение довольно долгого времени, прерывался, снова возобновлялся. Иногда Саша и Ева начинали спорить друг с другом, опровергая тем самым тезис о том, что интервью — устоявшийся жанр.

А. Морозова: Итак, Ева. Или все-таки Елена? Начнём потихоньку наше виртуальное интервью... Я знаю тебя как мифологическое существо, поэтессу, пламенную революционерку, борца за трезвость и просто очень хорошего человека. А какая роль тебе ближе по жизни?

Е. Шателей: Можно Елена, можно Елена — у меня так в паспорте. Ева — это уже в прошлом, когда-то мне нужен был псевдоним, и мы с другом соорудили его на скорую руку — теперь надобность в нем фактически отпала. По жизни я предпочитаю не играть ролей и не навешивать ярлыков.

А. Морозова: Но недавно вышедшую книжку стихов ты все-таки подписала старым псевдонимом — Ева Шателей. Или же это что-то вроде раскрученного бренда, от которого не хочется отказываться?

Е. Шателей: А как же — он самый, раскрученный бренд. Елен и Олен Михайленко — много (в том числе, среди них немало и публичных людей), а Ева Шателей одна — не перепутаешь.

А. Морозова: Стал ли выход книги важной вехой в жизни? И сколько их вообще было — этих вех?

Е. Шателей: Слово-то какое! Как-то не считала вехи. Книжка почти ничего в жизни не изменила, разве что чаще приходится читать где-нибудь стихи. Ну, если в порядке вольной ассоциации...

Книга вехой не стала. А чем стала? Чем-то вроде визитки — настоящей визитки у меня так и не было никогда, собранием «канонических текстов», попыткой остановиться, перестать бесконечно переписывать старые стихи, отделаться от них, наконец. Посмотрим, что будет дальше.

А. Морозова: Мне кажется, что еще немного — и мы будем опять среди ночи спорить о семантике слов... Даже несколько лет иняза уже как-то меняют сознание. Или же это не иняз, а врожденная гениальность, как ты думаешь?

Е. Шателей: Саш, ну прости, я так не мыслю. Вехами. И гениальность тут вообще ни при чем. Не было у меня никаких вех. Я даже в словарь заглянула — на всякий случай. Да, в инязе все было по-новому, иногда интересно, чаще трудно и страшно, но чтобы это как-то изменило мой характер или поведение, или я почувствовала — вот он, переломный момент... Не знаю.

Да, про мои жизненные «роли» могу сказать вот ещё что: ты тут меня окрестила поэтессой. Я против такого определения. И не потому, что у меня проблемы с собственной гендерной принадлежностью — я не против слова «поэтесса», как и не против слов «учительница», «художница», «певица». Но, так как я не занимаюсь литературой, мои стихи — всего лишь арт-терапия для меня лично, то хотелось бы воздержаться от громких слов. Вообще — очень трудно уместить себя в какое-то определение, возможно — стороннему наблюдателю это сделать легче. Но я бы не могла сказать, что я (только) поэтесса или автостопщица, или толкиенистка, психолог, украинка, женщина и т.д. Единственное слово, которое приходит на ум и которое бы, возможно, описало меня полностью — человек.

А. Морозова: Я думаю, что разница между Подлинным Искусством и арт-терапией все-таки сильно преувеличена, если в искусстве нет настоящей боли или хотя бы просто чего-то настоящего — то оно перестает быть подлинным.

Возможно, для меня грань проходит немного в другом месте. Стихи состоят из слов, а слова эволюция нам подарила для общения, так что для меня поэзия — это, прежде всего, общение, не служение какому-то абстрактному божеству, музе etc. Фразы «искусство для искусства» и «стихи ради стихов» для меня имеют мало смысла, я вообще в этом нахожу некий намек на графоманию. Или представляются абсурдные картинки вроде: скульптуры Донателло внимательно рассматривают полотна Репина — искусство для искусства.

А. Морозова: Но в этом споре обычно важен еще и другой аспект: ведь если слова в поэзии — это те же слова для общения, то и приходиться они должны спонтанно, сами собой, как бы из ниоткуда. А адепты отточенной формы и «высокого искусства» ратуют за творческие муки, разгрызание гранитов и алмазов во время стихотворного процесса... Как это происходит в твоей голове?

Е. Шателей: Что до творческих мук — то да, это настоящая борьба. С одной стороны — желание как можно быстрее избавиться от слов, навязчиво вертящихся в голове. А с другой стороны, совесть, которая не позволяет пойти на поводу у рифм и отправиться вслед за ними в славную страну графоманию. Совесть, которая заставляет написать так, как это на самом деле было — это настоящие страдания для меня. Несколько лет может пройти, пока я избавлюсь от лишних красивых слов в том или ином стихотворении — они пролезают туда, как тараканы. Так что единственный критерий для меня — это достоверность. В красотах и технических премудростях поэзии я не разбираюсь — четыре года иняза благополучно забыты, все книги на эту тему, прочитанные позже — забыты сразу после прочтения последней страницы. Увы. Мне бы хотелось, конечно, постичь механизмы и ваять гениальные стихи, используя их как средство влияния на умы — сеять доброе, мудрое, светлое — или как там. Но, похоже, не дано. Так что стихи — это всего лишь личная арт-терапия для меня, такой себе рифмованный ЖЖ.

А. Морозова: Ролей ты не играешь, вехами не мыслишь, гениальность отрицаешь. Можно ли сказать, что твоя душа — практически по Юнгу — стремится не к совершенству, но к целостности?

Е. Шателей: Красиво звучит, мне нравится. Только Юнга практически не помню, и с душой пока не разобралась, как и с любовью.

А. Морозова: Да, я помню. «Хожу — ищу любовь, дышу — ищу любовь, говорю — ищу любовь, смотрю — ищу любовь, пишу...»

Е. Шателей: Гениальности, кстати, я не отрицаю — есть такие люди, сама видела лично.

А. Морозова: Ок. Это был, скорее, провокативный вопрос — про гениальность. Вдруг бы ты сказала, что да, гениальна — разговор бы принял совсем другой оборот.

Е. Шателей: Нет, не наблюдаю я особой гениальности, но не совсем глупа, да.

А. Морозова: А что касается «вех», то для меня это понятие было почему-то совершенно естественным, интуитивно что ли понятным: вот в 8 лет я попала под машину и пережила клиническую смерть. Это стало переломным моментом в моей жизни. А в 15 у меня появилась первая настоящая близкая подруга — веха? Веха. Почему-то — с моей колокольни — это кажется просто удобной «канвой» для рассказа о собственной жизни.

Е. Шателей: Клинической смерти у меня не было, даже переломов не было (как это ни странно:) — до 25 лет. Кстати, эту травму я тоже вехой не назвала бы. В иняз меня решили поступать родители, там у меня появился предмет «психология». Я поняла, что мне это нравится — и поступила в Киеве на психологию в Драгоманова. Потом я решила, что социальная работа мне интересней и поступила в Могилянку. Точка отсчета у меня если не с рождения, то лет с 4-5 — с того момента, как себя помню. И мне кажется — я не так уж и изменилась, какая-то база образовалась изначально, и потом все только логически развивалось. Ну, вот например — в школе мне больше всего нравилась биология и литература — из этого логически вытекает психология, разве нет? В общем, я себя чувствую такой же, как и 25 лет назад, но не знаю, стоит ли это писать в интервью. И думаю, что даже если бы моя жизнь была наполнена какими-то другими событиями — я все равно была бы такой же.

А. Морозова: Я, кстати, поняла, откуда у меня вопрос про вехи незрел — это в биографии на «Точке Зрения» практически рефреном. «Жизнь круто изменилась... Жизнь изменилась еще круче». Задам, пожалуй, вопрос по-другому. Какие люди и книги больше всего меняли твою жизнь?

Е. Шателей: Охохо. Книги-люди. Книги, в принципе, меня и сформировали. Основные импринты и гештальты из доброй авторской сказки (народные злобные сказки по прочтении тут же вычищались из памяти и из шкафа). Туве Янссон и Астрид Линдгрэн в первом классе — не знаю, насколько они меня «изменили». На «первом» первом курсе (их было несколько — первых:) — Фромм, Сартр, Франкл, Леви. Опять же — не знаю, изменили ли они меня. У меня было такое впечатление, что в этих книгах — мои мысли, это мне близко, что я не что-то новое узнаю, а перечитываю давно известное. Сейчас люблю читать Улицкую, Толстую Татьяну, Марину Москвину, Петрушевскую. Какие процессы происходят во мне от этих книг? Бог весть. Если вспоминать дальше, про влияния... «Педагогическая поэма» Макаренко и «СаммерХилл» Александр Нила — согрели душу и подтвердили мои мысли о школе. Возможно, такие персонажи как Шерлок Холмс, Остап Бендер и Ходжа Насреддин немного повлияли на мой образ идеального мужчины — очень умный и несколько авантюрист. Большим откровением для меня были стихи Грыцька Чубая и Сергея Жадана — с них, можно сказать, я и начала читать современную поэзию. Изменило ли это меня? Возможно — это изменило мои стихи, не сразу, но за десять лет изменения произошли какие-то, это очевидно. Вода камень точит.

Кстати, после четырех лет иняза я поняла, что переводить поэзию бессмысленно, но, тем не менее — продолжаю это делать.

А. Морозова: Ну, вот мне это часто говорят, а я этого не вижу. Ну почему же бессмысленно? Разве человек, читающий Шекспира в переводе Пастернака — не в состоянии оценить то, что он читает? Я в 14 лет читала и читала Шекспира, все подряд практически, это был целый мир, из которого не хотелось уходить — но я, конечно, по-русски читала, я и сейчас не знаю так хорошо английский, чтобы читать в оригинале. Мне кажется, что поэтические переводы нужны, потому что ни один подстрочник никогда не будет влиять на человека через эмоции, через подсознание. Даже если какая-то часть смысла по пути теряется, какие-то глубокие вещи, может быть, становятся более плоскими — но если красоту текста, его заряд, посыл переводчик передал, значит это не напрасно. И переводы, кстати, очень обогащают и язык, на который переводятся стихи с других языков, и «принимающую» литературу — это настоящий диалог культур.

Е. Шателей: Я в 10 лет читала Шекспира в переводе Лозинского — мне очень нравилось. А потом я прочла в переводе Пастернака — так вот, это два совершенно разных Шекспира. От оригинального равно отличающихся. Но то, что переводы нужны — я не спорю. Совершенства достичь нельзя, но это не значит, что к нему не надо стремиться. А английский Шекспира даже англичанам тяжело читать. Но отношение к плохим переводчикам у меня все еще сложное.

А. Морозова: Ага, ну про книги с тобой можно бесконечно разговаривать, я знаю. Я даже помню, что ты где-то писала, что идеальным домом для тебя была бы квартира, где все стены и потолок закрыты книжными полками... Я, кстати, прожила примерно в такой квартире большую часть своей жизни, так что мне светлых грез этот образ не навевает, увы... Но навевает грезы чудесный пример самопожертвования, который ты была готова явить по отношению к твоему любимому украинскому писателю — Сергею Жадану. Я помню, ты сказала, что ради разговора с ним ты даже готова пить кофе. Я понимаю, что ради остальных ты на такие жертвы не пойдешь, но все-таки, кто они — те люди, которые есть в твоей жизни, которые определяют или меняли как-то твою жизнь?

Е. Шателей: Люди. Люди-люди. Каждый встречный человек как-то на тебя влияет — но от каждого по-разному потом требуется приходиться в себя. Были роковые Любви, недостаточно взаимные. Сейчас думаю, что не срослось именно потому, что от меня требовалось круто измениться в нежелательную для меня сторону. Когда случайно попала в орбиту «Клуба клубов» (оно же «Полосатый дом», оно же «Соціальна дія» и еще куча названий) — стало как-то легче дышать. Поняла, что все-таки я не одна такая. Был достаточно большой актив, все прекрасные люди, с некоторыми я и сейчас поддерживаю отношения. Были и дружбы/влюбленности женские. Но как только становилось ясно, что мне придется переступить через себя — отходила в сторону. Вот такая я не гибкая получаюсь. Я вообще с самого детства думала, что буду всегда одна, замуж не выйду никогда — слишком уж завышенные требования у меня в отношениях.

Кстати еще о влиянии книг — в семилетнем возрасте прочла книгу Этель Лилиан Войнич «Овод» — она внесла кое-какие коррективы в мою жизнь. А именно — раньше я не знала, что человек может убить сам себя. Как-то не приходило в голову. А из сего романа я эти знания почерпнула. При чем — к тому возрасту я уже знала, что убивать других людей или просто желать им смерти — нехорошо. Откуда у меня были такие сведения — не знаю. Библии дома не было, не помню, чтоб подобные разговоры со мной вели родители или еще кто-нибудь из взрослых. Хорошо, что моя сильная нелюбовь к физической боли удержала меня от рокового шага. Когда я в 17 лет уехала из Киева — постепенно уменьшились и суицидальные тенденции, сейчас я вообще ни о чем таком не думаю. Хотя депрессии остались. Леви, Фромм, Сартр и Франкл — очень полезны в подобной ситуации.

А. Морозова: Получается, что перемена места, путешествие — могут изменить человека всё-таки? Излечить, возможно, от чего-то...

Е. Шателей: Путешествия — возможно, только ранние — меня в чем-то изменили. Львов, стихи Чубая и влюбленность во Львове обратили меня к современной поэзии, украинской в частности. Меня радует удивительное, я еду в путешествие за этим удивлением, но все чаще обнаруживаю, что люди везде одинаковые — и это тоже хорошо.

А. Морозова: Возвращаясь к твоей общественной деятельности и, в частности, к «Клубу клубов» — как ты себя идентифицируешь в плане политической ориентации? Ты антиглобалистка, анархистка?

Е. Шателей: Хочу предупредить на всякий случай, что я не либертарная анархистка, как некоторые мои друзья по «Клубу клубов» — местами я вообще даже очень авторитарна. Читаю сейчас ЖЖ Антона Кротова — и умиляюсь. Либертарные анархисты, скорее всего, не одобрили бы его стиль.

А. Морозова: Ну, на сайте vkontakte.ru, у тебя вообще написано, что ты социалистка. Это действительно отражает твои взгляды на реальность?

Е. Шателей: Просто там выбор маленький. Ну, я, совершенно точно, не монархистка. Будет правильнее сказать, что я не поддерживаю ни одну из существующих партий.

А. Морозова: Мне вот другое интересно. Ты сказала, что не меняешься сама — и тебе не нравится меняться, но у меня есть ощущение, что ты при этом активно пытаешься изменить мир. Ты участвовала в «оранжевой революции», ты ездила по Украине с лекциями о вреде алкоголя, ты дружишь с радикальными экологами, с либертарными анархистами — то есть, тебе в целом, мне кажется, близка идея, что нужно действовать и что-то менять в мире... А ведь часто приходится слышать, что, мол, нужно начинать якобы с изменений внутренних, с «духовной революции», что мир менять бесполезно. Ты как-то решаешь для себя эту дилемму?

Е. Шателей: Глупо говорить, что мир менять бесполезно — ведь он меняется на глазах. Уже нет рабства, женщины просочились в парламент, уменьшилась детская смертность. Не вижу дилеммы/проблемы. Как сказал Макаревич: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас». Я вполне отдаю себе отчет, что у меня западный тип мышления: я верю в прогресс и в перемены. И меня выбешивают самовлюбленные и утонувшие в самокопании/самолюбовании/«самосовершенствовании» индивидуумы, которые говорят, что в Горловке самый высокий процент самоубийств среди детей и пенсионеров — это вина самих этих детей и пенсионеров. Якобы им надо позаниматься йогой (детям и пенсионерам), и тогда им будет наплевать на безработицу, безденежье и голод. А если они никогда не слышали слова «йога», то это просто их карма и сами виноваты в прошлой жизни. Больше всего моему мировоззрению соответствует профессия социального працівника («социальный работник» у нас значит несколько другое). Я не нахожусь в конфликте с собой, поэтому не нуждаюсь в радикальных внутренних изменениях. Принципы, которые я декларирую вовне, вполне соответствуют моим внутренним переживаниям и мыслям. Все мои депрессии только от несогласия с миром: с насилием, жестокостью и глупостью, которая иногда хуже жестокости. Я не против меняться: расти например, профессионально и/или творчески. Но против изменений в худшую (с моей точки зрения) сторону. Банально: в школе, в инязе большинство моих поклонников пытались меня напоить или накурить коноплей; некоторые барышни пытались меня заставить «дружить против кого-то», пакостить другим девицам. Такие перемены меня не устраивают. Поэтому я каждый день сражаюсь против мира, чтоб остаться собой. Но, с другой стороны — зачем вообще себя категорично так отделять от мира — можно считать, что я — это часть мира, которую мне уже удалось изменить в нужную сторону и теперь просто надо удерживать позиции.

А. Морозова: У меня тут в порядке шутки родилась некая идея книги, абсурдистская немного, про девушку, которая ходит на психотерапию и у неё не получается ничего в себе изменить, но каждая её попытка порождает неконтролируемые изменения в пространстве — то дядя Вася где-нибудь в Коми перестанет водку пить, то

Страна Басков от Испании отделится... Вот мне иногда кажется, что это действительно так — что никаких внутренних революций не бывает, а вот мир изменить — это иногда куда проще...

Е. Шателей: Да, идея с книжкой, кстати, отличная. У меня когда-то была идея для комикса/флешевого мультика — чем-то похожая. Там девочка ходила и везде проповедовала гуманизм и отчитывала хулиганов и всяких гадов, призывала к мирному решению проблем. А все над ней посмеивались и продолжали гнуть свою линию. Сия девица была страшно неуклюжая и каждый раз каким-то неосторожным движением запускала жуткую цепную реакцию (как это бывает в мультфильмах), которая расплющивала хулиганов в лепешку или как-то иначе принуждала их впредь вести себя хорошо. Все уже начали ее бояться и слушаться, а она думала — это сила слова. Поскольку это был мультик — то там никто не умирал и не калечился, естественно. Хотя сейчас подумала — совсем не похоже это на твою идею...

Кстати, касательно революций в себе, то я бы назвала все происходившее со мной до 20-ти вполне эволюцией, после 20-ти — попыткой удержать деградацию, но каких бы то ни было радикальных перемен курса, революций — не наблюдалось.

А. Морозова: Да, зато было одна, но самая настоящая — оранжевая. Я, кстати, искренне верю в идеалы Майдана. Это на всякий случай. Но во всех нас сидят наши дурные и недурные родители, и иногда говорят за нас разные странности. Спрошу и я, въедливо и немного обвиняюще, как сделал бы это мой папа: «Елена Петровна, вот у нас про оранжевую революцию многие придерживаются того мнения, что это была оплаченная Америкой акция, направленная в основном против России, что вы можете об этом сказать, как непосредственный участник событий?» (Уф... Все... Я сказала это).

Е. Шателей: Что до Майдана, то я уже устала от этих нелепых нападок. Уже не смешно. Мне никто не платил, я пришла туда сама, потому что в воздухе просто пахло революцией. Это было похоже на Париж 68-го года. Счастье переполняло с головы до ног от осознания того, что тысячи, миллионы людей думают так же, как ты, и готовы за это бороться. Хотя это, скорее, была борьба не «за», а «против», большинство моих знакомых стояли на Майдане не за Ющенко, а просто против Януковича и всей аморальности, что за ним тянулась. Я была счастлива: я-то сначала думала, что мой народ — уставший, разочарованный — молча примет то, что ему навязывают (что и случилось несколькими годами позже). Я не вникала в значение слова «патриотизм», даже никогда не искала его в словаре, но мне очень не хотелось, чтобы президентом моей страны был бывший уголовник, который не может правильно написать свою должность ни на одном языке. Мне жаль тех, кто не верит, что еще возможно непроплаченное чистое сопротивление, искреннее желание свободы и изменений в лучшую сторону в своей стране. Пардон за пафос, но только так я могу говорить про Майдан. К сожалению, это явление было стихийным, неорганизованным и вскоре сошло на нет. Потому что нельзя стоять на баррикадах вечно. Как непосредственный участник событий могу сказать, что «за оранжевых» на Майдане стояли люди всех возрастов — и школьники, и пенсионеры, и работоспособные и обеспеченные представители среднего класса, которым точно не нужны были ничьи подачки. «Бело-голубые» были более однородной массой — это шахтеры, солдаты или студенты техникумов, в основном, мужчины. «Бело-голубые» платили своим шахтерам столько, что на эту сумму средний класс бы не купился. Значит — американцы платили нам, тысячам и миллионам — гораздо большие деньги, но я никогда не слышала ни от одного из «оранжевых»,

что он стоит за деньги, от «бело-голубых» как раз наоборот — слышала. Слышала также, что их принуждали, что ректор грозил отчислить, а директор уволить, если они не согласятся проголосовать должным образом. Не думаю, что это американские интриги против России заставляли киевских старушек пускаться к себе на ночь иногородних незнакомцев бесплатно, носить на Майдан борщи, каши, пирожки и чай — бесплатно тоже. И вообще светиться от счастья. А еще меня поразило и приятно удивило то, насколько мало люди там употребляли алкоголь («бело-голубых» не имею в виду). Для меня это показатель осознанной деятельности — то, что я называю «резвым мышлением».

А что до того, что у нас «революция в воздухе» или что там тебе сказал Андрей Недобора, то у меня на эту тему был стишок еще 2000-го или 2001-го года написания. Он на украинском, могу перевести, если нужно:

я — кїїв, я стомилає від себе
я плїснявію гола просто неба
бо дощ їде по вулицях моїх
плачі співає сірі та сумні
ми ні на що не здатні, окрім слїз
вода їде з майдану на узвіз
вода блїда в артерїях моїх
блїда вода попри критичні дні

*(я — киев, я устала от себя
я плесневею голая под открытым небом
потому что дождь идет по улицам моим
плачет серые и грустные песни
мы ни на что не способны кроме слез
вода идет с площади (с возвышения) к спуску
бледная вода в моих артериях
бледная вода не смотря на критические дни)*

А. Морозова: Ты пишешь стихи на двух языках. А как вообще ты видишь проблему языка в Украине. Продолжая тему трансляции голоса моего отца из моей головы, задам ещё один занудный вопрос: «У нас многим кажется, что украинский язык навязывают в Украине, чуть ли не запрещая русский, так ли это?»

Е. Шателей: Как-то я до тридцати лет дожила — и ничего, не ущемили. Разговаривая я преимущественно по-русски, книгу стихов вон на русском языке издала — и как-то мне никто не запретил, украинские поэты от меня не отвернулись, проблем не появилось. Моя собственная книга украинских стихов лежит пока дома неизданная, потому что я хочу с цветными картинками, а за свой счет это все-таки накладно. Не знаю, как у вас, а у нас — книга стихов — это нерентабельный товар, издатели не дерутся за право напечатать ее.

А. Морозова: В продолжение политической темы, хотелось бы спросить про разные грани патриотизма и национализма. У нас-то и того, и другого «истинная интеллигенция» как черт ладана боится, а те, что ударяются, быстро скатываются до самого обыкновенного фашизма, а ведь тебя можно назвать патриоткой, если не националисткой (говорят, у этого слова все-таки есть позитивное значение)?

Е. Шателей: Я очень люблю украинский язык, считаю его сказочно красивым. Но латынь, итальянский и французский мне кажутся не менее красивыми, я вообще люблю языки и слова. Я даже предполагаю, что когда-то наша планета будет говорить на одном языке, представляю-

СТИХИ ЕВЫ ШАТЕЛЕЙ

щем собой мешанину из слов всех языков земли. С одной стороны — есть шанс, что люди начнут лучше понимать друг друга. С другой — мне жаль национальной одежды, обычаев, танцев, песен, интересных особенностей — мир станет скучнее. Можно сказать, что в каком-то смысле я космополит — мне нравится культура многих стран Европы, Востока, особенно Индии. Мне бы хотелось там пожить какое-то время, прочувствовать. Мне эти культуры не менее интересны, чем украинская. Так что националисткой я бы себя не назвала. Как я уже говорила — никогда не интересовалась смыслом слова «патриот». И даже сейчас не полез в словарь. Но если я это слово правильно понимаю — то да, я, скорей всего — патриотка. Я люблю Киев страстно, он всегда поднимает мне настроение, дает силы, откуда бы я ни приехала. В Киеве мне все равно лучше, я дома, даже если на данный момент у меня в нем нет жилья. Я, как Антей к земле — привязана к его асфальту. И, конечно, мне больно смотреть, как застройщики уродуют его лицо, как закрываются музеи, художественные мастерские, книжные магазины, как разрушаются памятники архитектуры и уникальные ландшафты, уничтожаются эндемики. Я также люблю Львов и Харьков, Ужгород и Днепропетровск, я очень часто бывала на Западной Украине и подолгу жила в Донецкой области — эта земля мне уже не чужая, я уже воспринимаю их проблемы — как свои. Если это патриотизм — тогда я патриот.

А. Морозова: Последний вопрос. В своем ЖЖ ты часто освещаешь также и тему феминизма — насколько я понимаю, для тебя это тоже важная часть идентификации. Мне вот знаешь, что интересно. Сообщество «feministki» в ЖЖ озаглавлено так: «У женщины всегда есть выбор: феминизм или мазохизм». Я много лет хожу вокруг да около, но не вступаю. Потому как не хочется мне такого выбора, нравиться мне мой мазохизм. И в моем сознании он ну никак не противоречит тому же мазохизму. Мазохизм — это мой частный случай. Мой личный, глубоко интимный способ получать удовольствие. А феминизм относится к принципам более глобального порядка, к тому, как в целом должно быть устроено общество. И где же тут логическое противоречие? Или ты не согласна с этим девизом?

Е. Шателей: Первые феминистки боролись за право женщины на образование, за право в выборе профессии и, совсем уж радикальные — за право женщины голосовать. Я благодарна им за это и чувствую вполне себя с ними солидарной, в этом смысле я — феминистка. А экстремальный феминизм женщин из мусульманских стран или глупости избалованных современных западных женщин я как феминизм не воспринимаю, это девиации: в мире много странных сект, но ты же все равно христианка, так? Хотя одна странная личность даже вызывает у меня в некотором роде симпатию — это Валери Соланс, член феминистической организации, состоящей из одного человека — самой Валерии. Возможно, потому что ее прекрасно сыграла в фильме «Я стреляла в Энди Уорхола» моя любимая актриса.

А. Морозова: Ну что же, список тем для разговора по-прежнему кажется неисчерпаемым, хочется подробнее остановиться на твоей трезвеннической философии, расспросить про поездки автостопом — и потом ещё раз про стихи, книги, Киев, про радикальных экологов, про андеграундные вечера «в атмосфере синтеза искусств», про Толкина и Булгакова... Но, наверное, скрепя сердце, мне придется завершить это интервью, потому что засунуть целую Вселенную в одну маленькую статью не удавалось ещё ни одному журналисту.

Александра МОРОЗОВА

* * *

У дерева нету автора
 кроме ветра
 у дерева нету автора
 кроме глины
 в которую входит дерева
 корень длинный
 на много
 метров
 у дерева нету вектора
 кроме жизни

ДОН КИХОТ

любви мои стихи
 стихам вреда не будет
 пусть каждый без стыда
 лицо мое забудет
 пусть будет голый голос
 я стану Дон Кихотом
 в прикиде из железа
 пойдем со мной на площадь
 займемся там
 ликбезом
 пойдем со мною вместе

* * *

Я — Дракон, неужели не видно?
 Ну, пусть ростом немного не вышел,
 Но зато у драконов есть крылья,
 Я летаю значительно выше,
 Чем любой человек или птица,
 Уменьшаются ржавые крыши,
 Света просит крыло голубое,
 Облака голубые срезая,
 А внутри у меня золотая
 Пара яблок. Все знают — второе
 Я храню по драконьим законам
 Для единственной верной подруги,
 Что летает пока что без сердца
 как положено самке дракона.

* * *

Сама себе тщательный рыцарь
 а также прекрасная дама
 по золоту белыми
 жилами
 расшита моя орифлама
 все зло на земле я исправлю

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

все. Если оно существует
и всякую несправедливость
всю. Если она существует
и сердце раздам по частям
и проклята буду за то
все ради прекраснейших глаз
моих
ведь если не я, то
не я

* * *

В большом городе ложатся спать так поздно,
Что кое-кто всё же видел её в деле
Она расправляет чистой воды крылья
На гибком, худом, прозрачной воды теле
В большом городе ложатся спать так поздно,
Что кое-кто всё же видел её в деле.
Прозрачная тварь сбивает с небес звёзды.
Зачем? Просто так. Без всякой, увы, цели.
В большом городе ложатся спать поздно...

* * *

Подари мне звезду,
И плевать, что она не твоя.
Подари мне звезду.
Что, не смог бы украсть?
И чужого
Жаль
Для меня.

* * *

Я пью из лужи простую воду
И белым хлебом сыта, спасибо
Зелёный взгляд у зелёной липы
здесь много птиц и иного сброду
У самых окон растёт шиповник
Я пью из лужи густое солнце
Кошусь тайком на твоё оконце
как будто ты мне и впрямь любовник

* * *

Обратите внимание — чудо,
Пришла неизвестно откуда
по талому грязному снегу
С глазами, как липовый мед
Она, мне казалось, плывет
Едва ли касаясь земли.
Рекой вслед за нею цветы,
асфальт пробивая, росли.
И не было здесь никого,
чтоб стать, рот открыв, на пути,

собой заграждая дорогу,
дивиться копытам и рогу
а, может быть, мимо пройти,
ее не заметив в упор.

* * *

У трамвая рога кубические
У троллейбуса — параллельные
Напеваet мне дождь лирические
Первобытные колыбельные
Вспоминается: мокрый воздух насквозь
Горы, стены воды, прилив за края
Океаны и водопады брызг
Просто танец втроём: дождь да ты, дождь да я.

* * *

не важно, как зовут жонглера
откуда родом — тоже мелочь
и чьи он песни исполняет
пускай тебя не беспокоит
важнее то, что на минуту
ты сердцем прикоснешься к чуду
ты на минуту станешь звуком
быть перестанешь человеком

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

жонглер прекрасен и опасен
не важно, где его невеста
ты на секунду станешь дрожью
струны руки его гитары
а утром станешь молоком и
поцелуешь злые губы
войдешь в него тремя глотками
жонглер, конечно, не заметит

* * *

Ёлы-палы, блин! Весна!
И чумные ото сна
Поднимают птицы хай.
Я влюбляюсь. Не мешай.

* * *

тело мое плачет
хочет плясать танцы
Эй, бубенцы-звонцы
на хиппанах-засранцах
гряньте-ка мне песню
я у огня — вот я
слышите — как тамтамы
бьется сердце сотня
да, это я — сотня
вот я — вхожу в реку
словно венки в волны
словно вино в грека
вот я — свеча в маках
в патлах в звездах мавка
вот я — в крови мамка
новый рожу день...

* * *

у человека кровь красная, потому что там железо,
у растений кровь зеленая от меди,
есть же существа, у которых в крови —
серебро, золото и платина

* * *

по дороге из мысли к окну
взгляд наткнулся на рыжую прядь
на плече голубого пальто
так с собою знакомишься вдруг...

* * *

тяжелым бутоном
от холода пьяный
качается голос
в пространстве над нами

а я — оригами
овца мураками
я — то, что не следует
трогать руками

* * *

Я — некрасивая
болезнь
Я — радиация
Я — джаз
Все отражаются в стекле
И я сама помногу раз
И в отражениях моих
Многоэтажные сердца
Там лестницы и много стен
И в камере по два жильца
И ты живешь теперь во мне
Есть крыша, окна, свет и газ
день осыпается, искрась,
На листья, втопанные в грязь
Я — радиация
Я — джаз

* * *

невыносимо мне мне некому сказать
как дышится какое волшебство
я плачу оттого что хорошо
что дождь клюет поверхность черных луж
что ночь и что кончается апрель
что дышится безумно хорошо

* * *

Мои друзья — прекрасные цветы
И корни их уходят вглубь меня
Они растут из сердца напролом
Они растут, воруя и пьяня.
Когда-нибудь допьют меня до дна
И бросят среди грёз меня одну
Но сердце без иллюзий и надежд
Всего лишь мясо к красному вину.

* * *

Мой светлый друг, в твой светлый дом
Со мной приходит суета
И тривиален мой восторг
И боль моя, как я проста
Нескладен слог, нелеп наив
Все до смешного не ново...
И как хорош мой светлый друг
На фоне этого всего!...

- Добро должно быть с кулаками. Кулаки должны беречь свое добро, не отдавать его, оставлять при себе. А то станут середняками или даже бедняками.

- Новую Москву строят пленные украинцы.

- Как удалось установить следствию, тупым тяжелым методом была сама его жизнь.

- Да, надо прислушиваться к внутреннему голосу... Но к какому из них?

- Хорошего много. Настоящего почти нет.

- В Европе правду говорили шуты, а у нас — юродивые. В этом разница. Там — слуги, у нас — святые. Кстати, не уверен, что так лучше.

- Соответствует ли лозунг «Ненавижу говно!» требованиям политкорректности? Не задевает ли он чьих-либо чувств?

- Варвары не жгли Рим. Они просто начали селиться на его окраинах и торговать на вещевых рынках.

- С теми, кто отрицает, что русские, украинцы и белорусы — один народ, надо поступать так же, как в простодушные времена Средневековья обходились с усомнившимися в триединстве Святой Троицы. Быстро делить на три части.

- Если бы я был членом правительства, я бы, конечно, настоял, чтобы похоронное дело в стране развивалось опережающими темпами. Уже сейчас нужно образовать Минпох — министерство по похоронам и ритуальным услугам и развивать инфраструктуру. Деньги можно взять у здравоохранения и культуры, все равно это умирающие министерства.

- Лузер — это немецкая или еврейская фамилия?

- Интересно, а лозунг «ВЛАСТЬ — БОЛЬШИНСТВУ!» является демократическим или, наоборот, фашистским? Или это зависит от того, кто его произносит?

- Правду нельзя говорить. Но правду можно молчать.

- Когда оптимиста бьют мордой об забор, он еще какое-то время сохраняет улыбку и этим выгодно отличается от пессимиста, у которого злобное, неприятное выражение, даже когда его кормят пирожными. Насильно.

- За фигу в кармане — расстрел в переулке.

- По моим наблюдениям, низкокачественный коньяк — это очень скверно. Но низкоколичественный — еще хуже!

- Если спросят, как пройти, молчи, как пленный партизан. А то они пройдут, куда им надо.

ANDRENALIN.RU

БАНТИКИ-В-СЛЕЗАХ

РЕСПУБЛИКА ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ

В шестнадцать лет много сложных вопросов, на которые хочется ответить. И дело тут не только в любви, которая конечно самое главное. Есть вещи которые хочется назвать вечными, потому что они созданы не для пользы, а чтоб в них просто верили и всё.

Ну, вот например, мы живём в великой державе или нет? Вроде, как только включишь телевизор и увидишь сколько у нас внешних врагов и внутренних проблем, кажется, что да. А как выключишь и глянешь в окно на помойки и гаражи, кажется, что нет. И всё-таки я думаю, что Россия это сверхдержава, ведь хотя у нас, конечно, грязно и на улице одни идиоты типа нас, но ведь в Америке то тоже самое! Значит, уровень жизни, право-защита, продолжительность жизни и прочие либеральные мифы — это не критерий величия страны. Я вот хоть и маленькая, а понимаю, что чем сложнее и непонятнее национальная идея — тем круче сама страна.

Ну, вот СССР, к примеру. Я там не жила, но в курсе, что это была супердержава, потому что никто не знал что такое коммунизм, но все за него боролись. А у нас сейчас чего? Путин с Медведевым только и делают, что всем объясняют: это у нас потому-то, а это мы сделали затем-то. ЗАЧЕМ?!? Чем меньше объясняешь, тем глобальнее и величавее идея, а значит и страна не просто страна, а супердержава.

Но всё-таки есть в нашей жизни хрупкие ростки чего-то позитивного. Например, уличное движение, в котором никто не знает, чего ждать ни от пешеходов, ни от машин. Или вот ещё многие жалуются, что, принося бумажку в учреждение, они не знают, какие ещё бумажки у них потребуют в ответ — это тоже хорошо, это стиль верховного божества, которое невозможно понять, и которому просто повинешься. Если СССР был такой страной, то я даже готова стать коммунисткой, лишь бы нас все уважали и боялись за то, что мы сами не знаем, что выкинем минут через пять.

Казалось бы, а как связано это с реальной жизнью? Оказалось, ещё как связано. И рассказала мне об этом моя новая подружка Маруся Народицкая, с которой мы решили прогулять последний урок — из-за лени и хорошей погоды.

— Давай с тобой так погуляем, чтоб мы потом ещё долго вспоминали этот последний тёплый день сентября? — предложила я ей, когда мы спускались с крыльца нашей школы, уже заваленного окурками и пустыми банками из-под пива и энергетиков.

— Давай, только ты веди, я же не знаю здесь ничего, только две недели как переехала.

Для начала я решила повести Марусю на Дубровку, в сквер напротив Шарикоподшипникового завода. Правда, вместо завода в здании находился торговый центр, в котором я, кажется, ничего никогда себе не брала, а памятник героям войны в сквере был полностью загромождён овощными ларьками, но зато рядом была куча лавочек, возле которых взрослые мужчины пили пиво и курили. Найдя свободную лавочку, мы сели и решили, что, хотя можно открыть и пиво, день лучше начать с мороженого.

Было время обедов, и по площади бродили нестройные толпы офисных служащих в поисках дефицитной в этих местах кормёжки. Мимо нас прошли две девушки на шпильках и в строгих костюмах, остервенело пожирающих несвежую, разогретую в микроволновке шаурму. Их лошадиные лица не выражали никаких эмоций и напомнили мне сосредоточен-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ную флегматичность коровы, которая, не торопясь и не забивая голову вопросами выбора, может с одной и той же скоростью сжевать клок сена или новую простыню, вывешенную на просушку легкомысленной хозяйкой.

— Вот коровы! — вполголоса заметила Маруся.

— Ты что, мысли мои читаешь? — удивилась я.

— Ну, вроде, да, немного умею. Говорят, в доме, где я выросла, проходила крутая магнитная аномалия, и у нас все там были немного странные. Кстати, я тебе должна кое в чём признаться. . .

— В чём? — удивилась я.

— Ну, помнишь, когда к нам мальчики приходили, и наш одноклассник Вова Жбанков упал в обморок, я ведь не коньяк пила, а незаметно себе в рюмку чай подливала. Я, Ань, вообще-то не пью.

— И никто не заметил???

— Никто. Я просто немного внушила, чтоб на мою рюмку никто не смотрел.

— Погоди-погоди. Но ты же сейчас вместе со мной покупала две банки пива!

— Ты точно в этом уверена?

Я запустила руку в пакет. В нём лежало мои две банки «Туборга» и две банки «Очаковского» кваса.

— Ну, блин, ты, Машка, даёшь!!! — искренне восхитилась я, — слушай, а откуда ты приехала-то вообще? Неужели из Чернобыля? Я слышала, там дети аномальные рождаются, умеют с животными и птицами разговаривать, а когда чувствуют что пришёл их смертный час, то с неба спускается волшебное НЛО, и добрые инопланетяне забирают их домой!

— Ну, Чернобыль от нас недалеко. . . может, и в нём, конечно, дело. . . Я, Ань, приехала из такой страны, которой на карте нет. Я приехала из Левобережной Республики!

— Ого! А что это за республика такая?

— Город Киев знаешь? Про Майдан слышала?

— Ну, конечно. Про оранжевую революцию не знают только глухие, мёртвые и те, кто в реанимации с черепно-мозговыми травмами в эти дни лежал.

— Ну и вот, прикинь, идёт оранжевая революция, все кияне. . .

— Кто-кто?

— Все киевляне ломанулись на майдан, а из нашего дома — двенадцатиэтажного, кстати — никто не поехал, потому что у всех сверхспособности, и все знают что будет полная жопа. И тут нас всех собирает старшая по подъезду (а подъезд в доме один) и говорит, что в создавшихся условиях политической, информационной и прочей агрессии со стороны окружающего мира, наш дом объявляет независимость и провозглашает себя суверенной Левобережной Республикой!

— Кру-у-у-то!!! И что вы делали, когда объявили республику?

— Ну, в тот же вечер все законы переписали. Старшую по подъезду избрали Президентом, она принесла присягу. Все запреты, несправедливо налагаемые сверхгосударствами, мы отменили.

— А потом объявили войну Англии, Франции, Дании и в тот же день сдались в плен?

— Нет. Украина начала экономическую блокаду, отключив свет и воду. Пришлось сдать Киев, который, конечно, не признал наших прав. Мы ещё долго пытались добиться справедливости, но ничего не получилось, и все отправились в политическую эмиграцию — кто в другие районы Киева, а кто в Москву, как я. И представляешь, выяснилось, что Россия, на которую мы так надеялись, в плане признания суверенных прав Левобережья ничуть не лучше Украины!

— И что же наша Россия, она не признала вашу страну?

— Не признала, но я на это не обижаюсь, ведь ни кто особо и не надеялся. Россия сделала хуже: она отказалась признавать мой брак!

— Брак???

— Ну да, Ань, я замужем, у нас же в Левобережье брак был разрешён с трёх лет. Только вот Лёшку, мужа моего, сначала родители в Москву не пустили, а теперь ни Россия, ни Украина не признаёт наше свидетельство о заключении брака, выданное, между прочим, правительством нашей Левобережной Республики!

Я совершенно офигела от Марусино рассказа и ещё раз пожалела о том, что мы живём в несовершенном мире, где не возможно принять такие законы, которые были бы для людей. Ну, хотя бы чтоб девочкам после уроков было разрешено часика два дополнительно заниматься физкультурой в школе, или точнее заниматься любовью с физру. . . — ой, нет, что я говорю. . . блин, только б вот так случайно как-нибудь вслух не спалиться!..

А с другой стороны, в чём как не в этом проявляется мощь и суперность нашей сверхдержавы? Государство только тогда сильное когда оно проявляет силу — разлучая мужа и жену, бросая в тюрьму беременную женщину, отдавая в суд за словесно проявленную нелюбовь к ментам, проституткам и наркоторговцам. А если государство ни чего этого не может, то кто его будет бояться и уважать?

Глубоко задумавшись, я не заметила, как вдруг поднялся сильный ветер. Маруся зябко поёжилась, и тут порыв стихии ударил по овощным палаткам, которые тут же захлопали своими пологам, как бельё на верёвке.

— Слушай, может, отойдём куда-нибудь, где не так ветрено? — предложила Маруся.

Мы едва успели дойти до тихой и уютной 1-й улицы Машиностроения, расположенной метрах в пятидесяти, как вдруг начался дикий ливень с градом. Схватив за руку свою подружку, я затащила её в ближайшую открытую дверь — это оказалась аптека.

— Маруся, а ты будущее предсказываешь?

— Есть немного. Но я пока ещё мало умею, а вот наша Президент сразу сказала, что Республике предстоит трагическая судьба.

— Слушай, как ты считаешь, я буду счастлива в любви?

— Будешь.

— И физрук ответит мне взаимностью?

— Не знаю. До того как ты окончишь школу, наверно, не ответит.

— А на фига он мне потом?!? Вдруг он будет старый и некрасивый?!? Два года — это же невозможно как долго! За два года можно вообще полностью сгореть!!!

— Кто его знает, может, через два года ты встретишь такого парня, что физрук тут же превратится в детскую мечту. . .

— Ох, слабо я что-то в это верю! Слушай, Маруся, а Россия будет сверхдержавой?

Маруся посмотрела на меня как-то немного грустно, и я почувствовала, что сморозила что-то не то.

— Ах, Анюта, зачем тебе это. . . Знаешь, будь уж лучше будь счастлива в любви. . .

Я открыла пиво, а Маруся квас. За окном весёлый московский ветер разбрасывал жестяные рекламные транспаранты и мусор. Град и дождь валились на землю с ужасным грохотом, уничтожая всё, что напомнило бы нам об этом ленивом и счастливом лете — возможно, последнем беззаботном лете в нашей жизни. «А я всё равно сохраню свою любовь!», — задорно и упрямо думала я, и ветер, как мне показалось, согласился со мной.

СКАЗКИ С ХУТОРА РЯДОМ С ДИКАНЬКОЙ

...Давным давно в украинском селі жив собі хлопчик, Петрик П'яточкин. Паренок был симпатичный, работающий и послушный — не парень, а родительское загляденье. Жил себе, в школу похаживал, травку покуривал, девок портить не начал по малолетству и хорошему воспитанию... Но вот приключилась с ним беда — захворал. Свезли его в город. Несколько месяцев продержали его врачи в больнице — вроде выздоровел, но слух и речь пропала. Слышать он потом таки вроде начал, а вот говорить — никак, как будто каша во рту: «му-му-му», «ма-му-ве-ву». Намаялись с ним родители, но через год все таки читать по губам он научился и носил после этого на у себя на шее блокнот, чтоб с другими объясняться. Братья его повзросли — в ПТУ поехали учиться, в город. А он так и остался с родителями — на городе подсобить, или в поле бате помочь. Люди вроде в селі не злые были — не сильно его донимали. Жил себе и жил.

Как-то случилось, что если даже кто рядом разговоры личные вел, то не сильно от него скрывался — кому он что расскажет. Подружки, что к матери приходили, его не стыдились, и о мужиках своих при нем разговаривали. Так что набрался он жизненной мудрости в самом юном возрасте — из первоисточников. Вроде даже девки на него иногда смотрели — и при нем же его и обсуждали.

— А чего? Парень годный! Не пьет как все, работающий и корешок поди не свисает...

— Да, а вот поговорить захочешь — так с кем?

— Ой шо мне говорить? Вон ты много говоришь со своим? Покричишь на него, поплачешь вот и все разговоры. Так тут хоть перебивать некому! И кричать на него не треба — как утро, так он уже на огороде, с матерью! А батя ще у постелі дрыпака дает!

— Ну... не знаю... может кому он и сгодиться в мужики...

Так себе он жил, ежечасно слушая вещи которые бы другие если бы и услышали о себе — то только с пересудов через пятые руки. Иногда хлопцы его даже просили посидеть рядом с девками та узнать про шо они там балакають...

Однажды, дело было летом, под конец августа, завел он себе хобби — воровать яблоки в колхозном саду. Как только коров пригонят и поужинают, он тихонько огородами, по меже и за село — а там два поля пешком — сад. Сидишь себе на дереве и ешь свежие яблоки. Если сторож и проедет, то сидишь себе тихо и не видно тебя. Если б на продажу воровать, тогда да, заметили б, а так... самое главное было рукавом яблоко обтереть, а то от необтертых живот болит. Химия.

Вот подоил он корову. Поужинал с родителями. Мама на лавку к подружкам пошла, папа — смотреть футбол. Посидел он, посмотрел, как солнце зашло, и бегом в сад — лакомиться, медитировать, размышлять над судьбами мира и Вселенной... Прошел в огород. Там до конца — тропинкой между виноградом и картошкой. Вот межа, по ней еще добрых полкилометра между огородами и вот — уже и конец села. Можно не переживать и идти спокойно — никого тут ночью нет...

Ан нет, нечистая принесла парочку воркующих голубков...

— Солнце мое, я люблю тебя, как можешь отказать ты мне в ответном чувстве?

— Но дорогой, позвольте извинить себя, я отдана другому, сердце свое положено заветом брака, что сблизит двух детей семей патрицианских...

— Но возжигающая свет, позволь мне знать кто тот счастливый из мужей, позволено которому любить и быть любимым тобой?

— Юджин, из второй группы...

— О горе мне, небеса обрушились на мою судьбу великой карой за детские проказы...

— Он знатен и умен, считать умеет до пяти в постельных партиях легко и не чувствителен к наличию капризов бабских.

— О ангел, как же можешь ты благоволить такое надругание над суверенностью своей?

— Нафф... нужна мне та суверенность недотроги?

— Как можешь ты хотеть кнута лихого да по жопе?

— Ох глуп и неказист на знание природы, что порождает, ты о друг растений благородных, ботаник. Как знать не можешь ты, что только в кнуте есть истина, любовь же глашатаем идет и авангардом! В великой жертве женской гневному мужскому богу с небритой рожей! Трепетом слабых коленок и попы вертением жаждем мы своего господина. Чтоб он хотел нас, желал еще и драл чтоб перья наши клубились в тишине вечерней!

— Ох, ваши речи право идут в разрез с тем правом, что конституциями нам дано!

Как может быть такое во время, где 8 марта шагает по планете подминая под себя цветки мимозы? Как дики и порочны стали нравы, как пала в грязь мораль, на пол, не подметенный светлой девой...

— Малыш, вы тупым перефразированием моральных экзерсисов онанистов философствующих всех девок наших утомили, подите на йух.

Во те... тетка его того... бортанула... нет шоб за жопу обеима руками и в кусты, а он все языком... мабуть вот это есть тот самый куннилингус... Петрик еще повозмущался про себя недоходчивостью молодого философа и продолжил путь в сады колхоза.

Он любил яблоки, когда они наливались желтовато-зеленым румянцем и были твердыми и сочными, издавая под его зубами блаженный хруст. Тот хруст, ему казалось, был слышен по округе как будто ломались шпангоуты тонущего корабля. Как раз когда он углубился в молчаливое перечисление всех боссонов, нейтронов и прочих больших элементарных частиц, пронизывающих космос, сторож по имени Ж., который от нетерпения встречи с сдрузьями и подругами для утех душевных... и питейных... ну и как дальше выгорит... решил обойти сад пораньше, чтоб работа не мешала ночным увеселениям, услышал характерный хруст и чавканье. По правде сказать, сторожа наняли для отлова крупных воров плодов сих сладких, но по врожденному инстинкту самосохранения, он старался не мешаться в большие дела там, где дело пахло травматологией и проблемами и не предвещало поощрений со стороны начальства. Поэтому господа флибустьеры инициировали со сторожем протокол о намерениях и сторож и пути их больше никогда не пересекались в диких прериях.

Вот такой замечательный поворот событий в лице жующего казенные яблоки юноши пришелся очень кстати к возрастающему недовольству начальства уменьшением плотности яблок на участке подконтрольном сторожу Ж.

Рассмотрев внимательно стратегические подходы к нарушителю идиллии, он начал действовать быстро и четко. Подбежав к дереву, он было усмехнулся старому анекдоту «42-й... улыбнулся старик...» и решив было вскарабкаться и схватив поедателя фруктов то ли за рукав, то ли при удачном стечении траекторий за ухо — для пущей моральности процесса дознания... Однако Фортуна была занята в

СТИХИ ПОЭТОВ УКРАИНЫ

Ирена Артеменко

Эритрея

В конце зимы я постарею,
Я знаю это.
Хочу поехать в Эритрею, —
Там вечно лето,

Арапы чинны, чуть сутулы,
Намаз свершают...
В лазури словно утонула
Мечеть большая.

Обласканные солнцем люди,
Глядят с любовью.
И покататься на верблюде
Старик позволит,

А море ласковою кошкой
Меня облизжет,
И сказки о далеком прошлом,
Вдруг станут ближе.

Всё смоят — горести и беды —
Потоки света...
Но никуда я не поеду,
Я знаю это.

Олег Гольман

Здравствуй, брат мой, вместо подарка Оккама,
я привез тебе чемодан разных слов
про вчерашний мой ужин с друзьями,
про наш спор в толковании снов,
про поход, неизвестно куда, неизвестно на чём,
и про то, что мы ходим кругами,
не решаясь войти в этот дом.

Что у входа в подъезд, в этот дом
когда-то, давным-давно, по-моему, зимою,
некие рабочие, вырыли некий проем,
а теперь он ещё и наполнен водою,
что стекала сюда столько лет, принося за собой
тонны грязи со всех улиц провинции,
несмотря на то, что под утреннюю звездой.

И теперь, прыгая по берегу этой реки,
не замечая лодок, вёсел, плотов, паромов,
мы кричим, что в принципе мы далеки,
даже не зная, что у принципа есть принцип облома,
но, наверное, это — наш главный приём,
который мы выставим против лома.

другом месте этой благожелательной вселенной, другими, более важными и важными делами и сторож Ж. подскочив до уровня Петрика промахнулся мимо уха... проскользил по рукаву... и схватил его за свисающие между ногами причиндалы...

Петрик был неслышанно удивлен такому повороту его размышлений о большой элементарной частице в 120 GeV, но ветки не отпустил и даже когда сторож схватил его за яйца, не очень этому удивился... секунда затянулась и сторож Ж. повисший в нелепом положении с зажатыми в потной ладони яйцами юноши стараясь сдернуть его с дерева был не на шутку озадачен происходящим...

Петрик издал гортанный клокотающий звук, но так как кричать Аааа!, он уже давно не умел издал низкий звук Иуауу...

— А ну говори сукин сын как звать тебя? Я тебе покажу как яблоки воровать, сволота... Говори как зовут, а то яйца оторву...

Ж. вошел в добродетельную роль допытывающегося истины честного человека, поскольку знать как зовут этого стойка, который будучи пойманный за яйца не орал как окаянный было очень соблазнительно. Истина ведь женщина, она любопытна и если уж манит тонким белым пальчиком, то только самые стойкие не следуют за ней... Чувство превосходства и контроля распускались в Ж. как бутоны нежных диковинных цветов. Ж. сжал кулак сильнее.

— Говори как зовут, не то яйца оторву!!! Орал сам не свой от честной ярости сторож.

Петрик Начал плакать, потому как терпеть эту боль без слез было нельзя...

— Аээ...уааа...ээээ...

— Ах ты, собака, говори, не то без яиц оставляю!!!

— Аээээ... Пе-е-еетрик я, глохонемой...

Сторож был очень удивлен исходом атаки... Петрик был удивлен намного порядков больше... Он отпустил от шока руки и в месте со сторожем полетел вниз... Сторож разжал от удивления руки... и полетел вниз головой подминаемый всей массой Петрика...

Раздался глухой звук, вылетающей из под ноги бутылки, звук разбивающегося стекла... всхлип... и тишина...

Полное удивления повернутое в идиотском оскале в сторону взшедшей Луны лицо сторожа Ж. смотрело на нее большими безжизненными глазами... он поскользнулся на бутылке, которая выпала из его же кармана, и сломал себе шею...

Петрик не знал чем больше он удивлен — происшедшим с ним самим или происшедшим со сторожем. Он понесся домой по пути пытаясь рассказать себе вслух о происшедшем в нем злоключении — язык слушался, но пока очень неохотно. Когда ближе к позднему вечеру он вбежал в хату, родители почему-то начали плакать и обняли его когда он хотел им рассказать, о том что случилось в саду, и что он не хотел и что он не виноват. Утром его перевозбужденного, пытающегося говорить отвезли в город, в больницу. У него все потом было хорошо. Он потом стал тем, кем очень хотел быть — водителем грузовика. Когда он проезжал по селу, везя зерно на ток и горланя песни, это вызывало только счастливую улыбку всех, кто его знал с детства.

Сторожа Ж. нашли той же ночью яблочные флибустьеры. Ночью они же позвонили участковому милиционеру и сообщили о происшествии. Так никто никогда и не узнал о той единственной в своей жизни доброй роли, которую сыграл сторож яблочного сада Ж.

Доктор ИНКФИШ

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Если мы будем, так далеки друг от друга,
то по моему мнению, ещё дальше будем от отчего дома,
и если мы не вырвемся из этого круга,
то можно и не услышать звука седьмого грома,
или принять этот удар на себя,
только придется понять, что все прожито зря.

... Любезный мой друг,
Было еще одно слово, — сказанное вдруг,
про ЛЮБОВЬ, про ЗАКОН, что был дан,
но его, я не смог затолкнуть в чемодан,
не влезало...
да и вообще, оно не любит границ,
ни под «темной водой», ни в Ерусалиме, ни в Ницце.

С этим словом, ЛЮБОВЬ,
переведенным с арамейского на русский,
крыльями цепляясь за чей-то забор,
пал пламенный вестник в расщелине узкой,
но зерна свои разбросать по земле успел.
Проросло. Кое где колосятся поля,
и мы верим, что это не зря.

P.S. Даже тайный узбек,
насквозь пропахшийся Бухарою,
вероятней всего уже здесь,
этим СЛОВОМ сражающийся со тьмою,
с деспотизмом, переходящим в визг,
а потом в кретинизм...
ах... что будет со мною?

Ирина Кимличенко

Чебурек чебуреку — друг,
Значит, девушка, дайте два!
Когда мысли уходят на юг,
И им пофиг, где голова,
Чебурек чебуреку — брат,
Независимо от реформ.
Чебурек человеку — брат,
Человек чебуреку — корм.

Родион Лонга

пьеро, если тебе говорят, что ты стал замкнут,
не слушай их, такие не строят замков,
такие всегда в лучшем случае — сами, в худшем — самки.
они — женщины, пьеро, которые давно не ищут принца,
не пускают ближе, чем на запах жвачки. Как говорится —
просто идут на принцип.
в какой-то момент это напоминает мыльную рок-оперу
если ты оборачиваешься, то становишься оборотнем.
в необъяснимом стопоре

чувствуешь себя метросексуалом в метро, в магазине МЕТРО,

линейкой, плачущей от нахлынувших сантиметров,
но в первую очередь — смертным,
кричащим на всю необъятную — «есть же!»
пока твоя муза, наполовину геймерша,
на остальное — гейша
прожигает бумагу жизни, говоря в лицах —
пьеро, все прошлое сужается до раны открытой глазицы,
и брызжет кровь сорвавшимися птицами

Мария Народицкая

Мир, в котором прекрасен беззвучьем рассвет,
день, окрашенный кистью в малиновый цвет,
это мир, где нас тонко, изысканно нет.

Гладкошерстный и теплый домашний уют,
сад под домом, где сонные птицы поют,
обойдутся без временных наших кают.

Там, где холод и боль вперемежку с теплом,
там, где нету черты между злом или... злом,
там, где нету чертей — им работать облом,

мы себе нарубили прекраснейших дров,
чтобы избы поставить и выгнать волков,
чтоб камин растопить или выжечь врагов,

чтобы верить, что лучший у нас из миров,
никогда не снимать домотканый покров
с мира нежности, где так беззвучен рассвет,
дня, поющего птицей в малиновый цвет —
где нас истоиво, празднично — нет.

Маргарита Ротко

Лорелейское

Где-то с трёх, с пяти лет ночами ей снился Рейн —
с первых бликов тусклых засвеченных фонарей
мать ей пела про золотодышащих лорелей
и на шторах плясали контуры реплик Гейне.
Ей хотелось позже, когда подрастёт чуток,
потрепать судьбу за розовый хоботок
и увидеть из детских «сказок» хотя бы пфенниг.

... восемь-десять-двадцать, очередь, чёрствый чёрт..,
юбка с узкой каёмкой, срезанной с тюли-штор,
«есть работа?» — шёпотом, голосом спотыкаясь...
Мандаринок опухоль, предвисокосный бег,
и похмелье — был послан нафиг а(в)страл-питек,
обошлось без рыданий схваток и без аптек,
и пришёл хоть не Санта, но просто какой-то Клаус.

Он её рисовал — на стене — штукатурных сцен
было — не перечислишь, он бил в неё метко в цель,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

и когда он любил, то на попе, то на лице
расползались черничные пятна, подобно мухам,
припечатанным лапой к глянцу столешниц — и
для ударов новых мухи те — как живцы,
а потом говорил: ну всё-всё, ну не плачь, спокуха.

Он ушёл за газетой — газета была юна,
высока, словно биржа, немножко внутри тесна —
и она, отрывая, как весна, что кружит Дунай,
начала листать квартиру по сантиметру:
полушаг, на цепочку — хлеб, на колечко — bier,
сын хрипит ларингитно, как раненный в челюсть тигр,
и пальчиком водит по насквозь промокшим гетрам.

А на дочь — и вовсе — ни сил, ни груди, ни рук.
По ночам приходит худой заводной паук
и соски разминает в манную кашу с раком...
За окном купает русалок совковых Рейн,
волчьим воем кажется шёпот у фонарей,
в бледном чайнике жмётся к стенкам от страха накипь.

А она — смеясь — мол, у бабки была Сибирь,
у её сестры — в лесочке воронам пир,
и подруге бабули Освенцим дышал с купели, —
целовала сына. Поила рачка водой.
Проводила мизинцем над юбкой. И, дрожжевой,
чуть игрушечной ненароком икнув бедой,
подходила к окну. Прижималась к пейзажу мелом
губок в шрамах от пуль зубových.
И пела...

Лариса Ротных

Небо шлёт приветы лужам.
У него мы все — на ужин.
Небо пахнет керосином
И тревожным цветом синим.

Ты — сегодня, я — на завтра.
Не помогут нам ни мантры,
Ни молитвы, ни заклатья,
Ни гламур в вечернем платье.

Можешь плакать, можешь бегать,
Можешь слать проклятья небу,
Но оно — на всякий случай —
Всё равно тебя получит.

Разукрасит алой краской,
Соблазнит теплом и лаской,
Сверху — радости приправу,
Ведь мы все — его по праву.

Ложки две уюта пудры,
Капель десять сказок мудрых,

Сонный дым, любви на сдачу...
Не надейся на удачу.

Думай, верь, сдавайся, прыгай,
Целый день ногами дрыгай,
Пей вино, и сок, и «Колу»,
Две понюшки, три укола...

Падай в сумрак, лезь обратно...
Всё напрасно. Аккуратно
Небо в липкий плен захватит,
Жизни за тебя заплатит

Песни чистою монетой,
Снимет фантик, как с конфеты,
Расположит на тарелке
Планов пафосных и мелких,

Доверху засыпет сыром...
И в себя отпустит с миром.
Станешь мягким, словно вата,
Растворишься в снах заката,

Распадаясь на частицы,
Что взметнутся вверх, как птицы,
Став пикантным белым хлебом
В сытом рту немного неба...

Анастасия Яковлева-Помогаева

Переводы из южноамериканской поэзии

я недавно хотел написать поэму
о том, как после внезапной кончины
меня черти посадят перед
телевизором черно-белым вспомнить
все грехи земные и мои обиды
и когда решил написать в этом стиле, вспомнил
что могу поистратить много
А4 формата писчей бумаги
главное нужно уметь прочитать знакомым
эту лабудень и не засмеяться,
да, еще мне придется, видно, вспомнить
несколько тысяч слов из запасов Даля;
а, затем, испугался что не успокоюсь
пока в нашей стране не наступит кризис
по причине вырубки банановых джунглей,
для того чтобы пополнить запасы бумаги,
поистраченной мной на большие поэмы;
читателями поэм знаю точно станет
профессура что ночует на ближайшей клумбе,
поэтому я и решился бросить
это гиблое-прегиблое злое дело
за него все-равно не получишь ни песо.

К. НЕПОМА

В ОДНОМ ОКОЛОПИТЕЙНОМ ЗАВЕДЕНИИ

(сорок новелл о насущном)

Новелла 1. В одном околопитейном заведении, в котором я как-то раз оказался совершенно случайно, на стойке бара стоит стопка водки, а рядышком на блюде лежит маринованный огурчик. Посетители, глядя на эту стопку, грустнеют, тяжело вздыхают, думая о том парне, который никогда уже снова не войдет сюда — светлая ему память. Но ровно в десять вечера в бар пулей влетает человек, одним махом запрокидывает стопку водки, пускает под хруст маринованный огурчик и вылетает обратно на улицу.

И каждый из присутствующих вдруг понимает, что эта бесплатная стопка водки могла бы достаться и ему, но при трезвом размышлении приходит к выводу: нет, не могла, ведь он же человек солидный, и пришел сюда приятно провести время среди таких же солидных людей. Но червь сомнения гложет его и заставляет думать о другом заведении, куда он мог бы вот так вот влететь пулей, опрокинуть стопку водки, схрумкать маринованный огурчик и, не заплатив, выскочить обратно, почувствовав, что спасен, спасен, спасен...

Новелла 2. В одном околопитейном заведении, куда я стал иногда захаживать, возле барной стойки сидит задумчивый мужичок. Он держит в руках полную стопку и чокается со всяким, кому чокается не с кем. Ему платят совсем смешные деньги, однако он не ищет другой работы. Неудивительно, что ему завидуют многие. Но свято место пусто не бывает.

Новелла 3. В одном околопитейном заведении, где я порой оказываюсь по прошествии трудного дня, случаются праздники. Чтобы не забыть о них в суете дней, на стене повесили особые часы. С боем. В назначенный момент в них открывается окошечко, и наружу вылетает стопочка с водочкой, а следом маринованный огурчик. Случается, что стопочки с водочкой вылетают одна за одной, а маринованные огурчики сыпятся как из рога изобилия. Право слово, даже не знаешь, как реагировать.

Новелла 4. В одном околопитейном заведении, куда меня порой заносит судьба-злодейка, вместе со стопкой водки подают на блюдечке с голубой каемочкой девушку. Пока посетитель задумчиво сидит перед стопкой, девушка танцует на блюдечке, весело, легко, красиво. Потом посетитель опорожняет стопку, немного морщится, выдыхает, ставит пустую емкость на стол. А девушка перестает танцевать и садится на голубую каемочку, грустя и печалась, потому что знает: посетитель сейчас либо уйдет, либо попросит еще стопку водки, а с новой стопкой принесут новую девушку на новом блюдечке.

Новелла 5. В одном околопитейном заведении в выходные решили устраивать культурный день: то кордебалет пригласят, то заезжего поэта, то мужика с баяном, то кассира-жонглера. На фоне культурной программы потребление стопочек с водочкой и маринованных огурчиков кажется особо циничным. Но что поделаешь, не потреблять — то их никак невозможно.

Новелла 6. В одном околопитейном заведении, куда я имею привычку заходить, по четвергам рыбный день. Нет, водки они, конечно, наливают, но как-то раздраженно при этом раздувают жабры и нервно бьют хвостами.

Новелла 7. В одном околопитейном заведении ближе к полуночи появляются страусы. Они проходят заведение насквозь справа налево. Бесплезно им предлагать выпить — они не замечают ни стопок, ни налитой в них водки. Страусы шествуют, погруженные в свои мысли. И никто не знает, о чем они думают. Но все потом долго судачат об этом. Одни считают, что страусы думают о битых зеркалах, другие полагают, что на уме у них исключительно расписание электричек, третьи уверены, что страусы размышляют об астероидной угрозе... Ночи не хватит, чтобы высказать все догадки о мыслях страусов. Эх, если бы страусы пили водку, все в мире было бы гораздо проще.

Новелла 8. В одном околопитейном заведении, в которое я бывает-случается захожу, на плазменной панели транслируют футбольные матчи. Десять рюмок «пшеничной» против десяти «столичной». И в воротах по огурцу.

Новелла 9. В одном околопитейном заведении, где я частенько околачиваюсь, на закуску к водке подают грусть-тоску, заряженный револьвер и зеркало. Впрочем, можно и не закусывать.

Новелла 10. В одном околопитейном заведении подают особую водку в темной стопке. Когда заглядываешь в нее, то видишь себя таким, каким ты был час назад. Вполне приличный, здравомыслящий, аккуратный — словом, можно еще по одной, еще по одной, еще по одной, еще по одной...

Новелла 11. В одном околопитейном заведении, где я иногда провожу часик-другой, дважды в день устраивают проветривание. Ветер, знаете ли, он тоже не чужд простых радостей и определенно охоч до водочки в стопочке и маринованного огурчика.

Новелла 12. В одном околопитейном заведении на барной стойке стоит стопка водки. Рядышком надпись: «Оплачено. Выпить в случае тревоги». Время от времени, не часто, но раза два за вечер это уж точно, кто-нибудь впадает в состояние тревоги. Тогда он подходит к стойке и выпивает водку. И исчезает. Оставляя тревогу здесь, в зале, среди столов, ламп, сигаретного дыма, музыки и разговоров. Тревога же быстро находит себе пристанище в другой размягченной душе.

Новелла 13. В одном околопитейном заведении, где я провожу свои человеко-часы, раз в месяц случается неприсутственный день. В этот день в стопках не присутствует водка, на столах не присутствуют стопки, в зале не присутствуют столы, за барной стойкой не присутствуют барменша. В этот день и само околопитейное заведение не присутствует в этом городе, и город не присутствует в этой стране, и страна не присутствует на этой планете. Да и планета не присутствует в Солнечной системе, и Солнечная система не присутствует в Галактике. Впрочем, и саму Галактику очень сложно отыскать в стопке с водкой, особенно если стопка эта уже далеко не первая.

Однако на следующий день все возвращается на круги своя...

Новелла 14. В одном околопитейном заведении, куда я порой не прочь зайти на огонек, есть запасной выход. Или вход. Словом, еще одна дверь на улицу. Всякому, кто заходит через нее, наливают «штрафную», а тому, кто выходит, наливают «на посошок». Или наоборот. У пожарников этот выход числится «аварийным». Пожарники, они всегда знают чуточку больше, чем все остальные входящие и выходящие.

Новелла 15. В одном околопитейном заведении с неба падают звезды. Прямо в стопки с водкой. Бульк — и Бетельгейзе, или Альдебаран, или Денеб уже там. В этот момент можно загадывать желание. Ну не пить же в самом деле водку со звездой! Стопку с водкой накрывают блюдечком и ставят на специальную полочку. Ни одно заведение мира не может похвастаться такой коллекцией заспиритованных звезд. Однако никто не знает наверняка, сбудется ли загаданное.

Новелла 16. В одном околопитейном заведении столуется один господин. Напротив него всегда пустое место. Однако он не позволяет занимать его.

— Отчего же, дружище? Вам не нужен добрый собеседник?

— У меня есть, — отвечает посетитель и, показывая на пустое место, зачем-то поясняет: — Женщина.

— Но ее не видно!

— Поверьте, она очень хороший собеседник. Очень.

— Вам виднее, уважаемый, а нам — сомнительно. И место все-таки пустует.

— Чем больше она выпьет, тем лучше ее видно.

— Вас мы видим здесь довольно часто, а вашу замечательную собеседницу — никогда.

— А вы попробуйте заставить выпить пустоту.

И господин выплескивает перед собой стопку водки; жидкость, распавшаяся на мелкие капли, пролетает над столом, над стулом и обрызгивает кого-то, кто сидит совсем за другим столиком. Скандал, драка, мордобой, ну и что-то там еще, сопутствующее этому безобразию.

Новелла 17. В одном околопитейном заведении как-то раз в условиях глубокой конспирации собрался первый съезд РСДРП. Водочка с маринованными огурчиками так полюбилась и Степану Радченко, и Александру Ванновскому, и Абраму Мутнику, и Шмуэлю Кацу и прочим делегатам, что они заседают там до сих пор. А прочие посетители рассуждают об альтернативной истории.

Новелла 18. В одном околопитейном заведении иногда играет живая музыка. На маленькой приступочке сидит старичок и раздувает меха аккордеона. Играет он не ахти как, поет противным голосом непонятные песни, клавиши инструмента западают, меха посвистывают. Но от его музыки становится как-то по-особому тепло и уютно, и стопочки легко следуют одна за другой. Но в следующий раз старичка с аккордеоном нет. И на вопрос «а где?» барменша, пожимая плечами, говорит, что не понимает, о чем речь, и предлагает налить еще водочки, и та льется в стопочку ох как музыкально.

Новелла 19. В одном околопитейном заведении, где иногда я оставляю свои боли, практикует один доктор. Выпив беленькой, он отстукивает пустой стопкой по столешнице «Сердце красавицы склонно к измене», собирает свои нехитрые пожитки и уходит, уверенный,

что сердце околопитейного заведения бьется ровно и ладно, давление в норме да и цвет лица вполне соответствует осени.

Новелла 20. В одном околопитейном заведении подают интересный образчик водочки. Она входит легко, но к концу первой же стопочки оказывается, что это не она в тебя вошла, а ты нее. Легко и незаметно. Это не она растекается приятным теплом по твоему организму, а ты растекаешься теплом по ней. Это не она лишает тебя стройности движений, а ты ее. Это не она провоцирует тебя на всякие поступки, которые ты бы не совершил на трезвую голову, а ты ее провоцируешь на необычное поведение. Это не она развязывает тебе язык, а ты ей развязываешь. Это не она придает тебе смелости в общении с женщинами, а ты ее награждаешь таким качеством. Это не она опустошает твой карман, а ты вынимаешь из ее кармана всю наличность.

Похмелье после такой водочки — вообще чумовая вещь.

Новелла 21. В одном околопитейном заведении бессмысленно назначать встречи — все равно они не состоятся. Даже если оба жаждущих свидания будут чертовски пунктуальны, они окажутся здесь в разное время. Ведь оно, время, всегда оказывается в околопитейном заведении раньше всех. И потому стопочка на его столике давно уже пуста, и портрет Евклида мокрехонек от слез. Встречи здесь закономерно случайны, и бесполезно стыдить время и взывать к его совести или же требовать от держателей заведения больше не наливать ему. Оно здесь постоянный клиент, а кто ж откажется обслуживать постоянного клиента...

Новелла 22. В одном околопитейном заведении частенько случаются великие открытия. Именно здесь Колумб открыл Америку, а Эйнштейн — теорию относительности. Именно здесь Шлиман откопал Трою, а Менделеев увидел во сне периодическую таблицу. Ни где-нибудь, а именно в околопитейном заведении были открыты кингстоны «Варяга», а космонавт Леонов вышел в открытый космос. Именно здесь Сальери советовал Моцарту откупорить шампанского бутылку и перечить «Женитьбу Фигаро». Какая только бредятина не лезет в голову после стопки водки с маринованным огурчиком.

Новелла 23. В одном околопитейном заведении, куда частенько является моя душа, есть вертящийся столик для спиритических сеансов. Те, кому грустно в одиночку опустошать стопочки и уничтожать маринованные огурчики, могут устраиваться за ним, не забыв при этом поставить перед собой две полные стопки. Кто же откажется на халяву выпить водочки! Список аккредитованных в околопитейном заведении духов все время меняется и от желающих попасть в заведение нет отбоя.

Новелла 24. В одном околопитейном заведении ради комфортной атмосферы создают ощущение движущегося поезда. А что еще делать в дороге под мерный стук колес? Что-то очень напоминающее такой стук приглушенно звучит из динамиков, за окнами бегают обученные люди с прожекторами, изображая мелькание фонарных огней. Товарооборот растет. Все довольны. И уже никто не обращает внимание, выходя в темноту ночи, что он уже где-то в лучшем случае на соседней станции метро, а то и вовсе в пригороде или на другом конце страны, на другом материке или уже пачкает ботинки звездной пылью Млечного Пути.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Новелла 25. В одно околотейное заведение иногда прямоком из книги Аркадия Бартова заглядывает один благородный и могущественный король. Он без свиты, без мантии и скипетра, да и корону он носит на правом мизинце — словом, стопроцентно инкогнито. Благородный и могущественный король, как правило, выпивает стопочку водочки и говорит:

— Водочка, она словно прекрасная дама. Возобладаешь ею — и становится тепло на душе и хорошо, и радостно, и умиротворенно, и . . .

Но тут благородный и могущественный король замечает, как колышется пышный бюст барменши, и заключает:

— Но разница все же есть.

И грубо, по-мужицки, хрумкает маринованным огурчиком.

Новелла 26. Как-то раз в одно околотейное заведение залетел из какого-то близстоящего фэнтезийного романа дракон. Он захватски дергал хвостом, безудержно дрыгал лапками, изрыгал из глотки пламя, отплевывался отравленной слюной, неприятно клацал зубами — словом, вел себя как отъявленный пьяница. Его тут же выставили вон. В какое-то произведение соцреализма — пусть отрезвится, болезный. Дырку же в фэнтезийном романе заткнули двумя стопочками водочки и одним маринованным огурчиком — чтобы не сквозило.

Новелла 27. В одном околотейном заведении иногда можно увидеть на ближайшем к выходу столике табличку с надписью «Столик заказан». Вокруг таблички громоздятся стопочки с водочкой и баночки с маринованными огурчиками. Но за весь вечер за этот столик никто не присаживается. Даже не пытается. А перед самым закрытием владелец заведения достает пистолет с глушителем и прямо из-за барной стойки расстреливает бесхозные стопочки с водочкой и несъеденные огурчики. Говорят, в прошлой жизни он был наемным убийцей.

Новелла 28. В одном околотейном заведении, когда приходит пора кого-нибудь куда-нибудь выбирать, выставляют избирательные урны по числу кандидатов. Каждому посетителю предлагается стопочка водочки и на всякий случай маринованный огурчик. Право избирателя вылить водочку в любую понравившуюся урну. У какого кандидата будет больше водочки, тот и выиграл выборы. Как правило, в урнах оказываются лишь хвостатые жопки от маринованных огурчиков.

Свыше неоднократно рекомендовали сменить данную выборную процедуру на другую: чтобы электорат выпивал водочку за приближенного к сердцу и уму кандидата. Но такой вариант выборов в околотейном заведении приравнивают к сухому закону.

Новелла 29. По соседству с одним околотейным заведением находится театр. Небольшой, но настоящий. В один прекрасный день посетители обоих заведений вдруг стали путать двери. Войдут, оценят мизансцену. . . И останутся. Жизнь, как говорится, театр, а люди в нем не прочь и выпить.

Новелла 30. В одном околотейном заведении во второй четверг месяца собираются писатели потолковать за судьбы литературы. Но четверг — рыбный день. Впрочем, ничто писателям не мешает потреблять стопочки с водочкой и закусывать маринованным огурчиком. Правда, разговоры из раза в раз вертятся вокруг рыбы. А потому ничего нет удивительного в том, что у нас вся литература какая-то рыбная на ощупь.

Новелла 31. В одном околотейном заведении в зале на отдельной полочке всегда стоит полная стопочка — поминальная. Когда кто-нибудь из посетителей направляется к полочке, разговоры стихают, музыку убавляют, давая возможность сосредоточиться на. Да и после того, как стопочка пустеет, тональность разговоров уже другая, музыка звучит тише и как-то печальнее. И отчетливее слышен за окном свист ветра, шум дождя или пение птиц.

Новелла 32. В одном околотейном заведении на стене висит плакат. На плакате нарисована стопка водки и маринованный огурчик. И надпись под: эта стопка водки может стать последней на пути к алкоголизму. Неудивительно, что ее никто так и не выпил. Есть подозрение, что и не пытались.

Новелла 33. В одном околотейном заведении для постоянных потребителей рюмочек с водкой и маринованных огурчиков недалеко от барной стойки установили красную кнопку экстренной связи с машинистом. Рядом повесили правила пользования и список разрешенных тем для беседы. За между прочим машинисту можно пожелать удачи и здоровья, попросить его держаться немного левее или правее, проехать под Брандербургскими воротами или по Большеохтинскому мосту, немного прибавить или наоборот слегка притормозить. Можно даже рассказать ему анекдот, пожаловаться на тещу или прочитать стихотворение. Можно с ним сыграть в шахматы или заплакать ему в жилетку (жилетка висит рядом). Нельзя только выпить с машинистом на брудершафт. По соображениям техники безопасности. Однако никому так и не удается услышать голос машиниста. Но недовольства нет, все понимают: машинист занят важным делом и ему не до разговоров. И тогда все подсаживаются к пьянькому посетителю у барной стойки. И жалуются, читают стихи, просят держаться немного левее и даже пьют с ним на брудершафт. И никто не догадывается, что перед ними тот самый машинист.

Новелла 34. В одном околотейном заведении однажды под звон стопочек с водочкой и хруст маринованных огурчиков зашел спор о геополитике. Расстелили карту мира. Если вглядеться в нее, то вырисовываются одни только гадости и пошлости. Ну, например, Китай похож на ночную вазу. Индия на повисший пенис с капелькой спермы на конце. Африка на голову верблюда из лоскутов старых разноцветных одеял. Черное море на мошонку. Мексика на крюк живодера. Великие Американские озера напоминают сопки на асфальте. Канада тени мультяшных ужасов на стене. Антарктида коровьи кашки. Аляска с Алеутами морду черта с отшибленными рогами. Средиземное море беззубый рот. Иран улитку. А Ленинградская область упавшего на спину арлекина, задумавшего нехорошее. Словом, куда ни посмотри — страх божий.

Разговор получился жаркий. Договорились до того, что если взять какую-либо точку на карте мира в качестве центральной и вывернуть наизнанку через нее словно свитер нынешнюю геополитическую пошлость, то новая картина мира может получиться куда более привлекательной.

Но вот когда заспорили о центральной точке мира, вот тут-то кроме стопочек с водочкой и маринованных огурчиков в ход пошли кулаки.

Новелла 35. В одном околотейном заведении как-то раз пальнула «Аврора». Как водится, куда попало. От пороховых газов

вся водочка в стопочках скисла, а маринованные огурчики дали дуба. Пьяную матросню за этот акт вандализма выгнали взащей. Знали бы, что они попрутся за опохмелом в Зимний, придушили бы на месте.

Новелла 36. В одном околопитейном заведении посетителям в качестве развлечения предлагают решать разные математические задачки. К примеру, вычислить длину лунной дорожки. Или количество искр, тождественных пожару четвертой степени сложности. Однако особой популярностью пользуется следующая — определить промежутки времени, за который можно выпить Солнце.

Расчеты простенькие, даже для обремененного алкоголем бескалькуляторного мозга. Предположим, что литр водки весит ровно килограмм. С известной долей погрешности, конечно. Тогда масса Солнца, равная 1.98892×1030 килограммам, соответствует 1.98892×1030 литрам. Даже если положить, что в одном околопитейном заведении ежедневно выпивается 10 литров водочки, то расчетное количество дней составит 1.98892×1029 единиц. Или 5.44537×1026 лет. Тут невольно посетитель впадает в Вечность. Из которой его привлекает одна-единственная фраза:

— У нас, к сожалению, остался всего лишь один маринованный огурчик. Да и тот с мизинец.

Новелла 37. В одно околопитейное заведение иногда заходит посетитель с ковбойским клеймом на сердце, с ковбойской шляпой на голове и парой пистолетов в кобурах. Он сходу начинает палить по бутылкам. Бутылки — вдребезги. Водочка — на пол и по полочкам. Но все в округе знают, что последнюю пулю свирепый незнакомец выпустит себе в голову. Голова — вдребезги. Водочка — по усам да в рот не попало. Словом, форменное безобразия. Водки в мире от таких эскапад все равно меньше на становится.

Новелла 38. В одном околопитейном заведении однажды в водочку подсыпали смертельный яд. И водочка в самом деле умерла. Маринованные огурчики загрузили по невинно убиенной и съели сами себя. Борьба с пьянством порой принимает уродливые формы.

Новелла 39. В одном околопитейном заведении как-то конспирология накрыла с головой потребляющих стопочки с водочкой и маринованные огурчики:

— Ну ведь для чего-то это все придумали. Ведь наверняка. Зачем это кому-то было нужно. Вот это все: букашки, таракашки, человеки разные, эволюция эта. Ну, все, абсолютно все. В чем подвох-то?

Думали-гадали, выпивали-закусывали. И догадались-дозакусывались:

— Вот в этом и подвох, вот к этому все и шло, чтоб стопочки с водочкой наполнять, а огурчики на вилочки накалывать.

Новелла 40. Около того самого околопитейного заведения, в котором я имею обыкновение оставлять часть своей личности и безличности, находится другое околопитейное заведение. Оно ничем не отличается от своего собрата. И водку там наливают с той же осмысленной регулярностью. Но туда я не хожу. Туда ходят другие, которые сочиняют другие истории, а эти другие истории читают другие люди.

Александр ВИШНЁВ

НЕДОБРЫЕ СТИХИ

***

Я от горя поседел
И на сердце льдинка
Покидает наш отдел
Барышня — блондинка

С кем теперь я буду пить
Рюмку «Пепси-Колы»?
И кому теперь тупить
На мои приколы?

И на что теперь смотреть
Масляному глазу?
Я утратился на треть
И не рад ни разу!

***

Снег обрушился на землю
Инспирируя умы
Я донЕльзя не приемлю
Наступление зимы...

***

Усталость навалилась — не дыхнуть
Не пёрнуть и не шевельнуться даже
Упал на койку с целью отдохнуть
И завалил любимую туда же
Но радостей разврата не вкусил:
На то совсем не оставалось сил...

***

Ветром у девочки вырвало зонт
И унесло его за горизонт
Смылась укладка, облезла помада
Девочка стала исчадием ада!

***

Сажу на работе, в носу ковыряю
Какие-то циферки с чем-то сверяю
Курю через каждую чайную кружку
По скайпу звоню в Таиланде подружку
С коллегами бурно футбол обсуждаю
Порой делегации сопровождаю
Гадаю кроссворды (бывает, что верно)
На службе я занят неимоверно!

***

Не было предания добрей
В современной нашенькой истории
Чем про день распахнутых дверей
В местном поселковом крематории

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

***

Девочка с папироской
В туфлях на каблуке
В чёрной джинсе неброской
В чёрном пуховике
Радует визуально
Взоры к себе манит...

Светлое — не актуально
Светлое, блядь, полнит!

***

Колбасились хиппушки
На солнечной опушке —
Им всыпали отцы бы
Ремня за псилоцибы!

***

Приснилось: загораю у реки
Вокруг станки, станки, станки, станки...

Из Египетского

Ещё со мной была подруга Люда —
Продал её за двадцать два верблюда

***

Чтоб уменьшить приступы агрессии
Накупил таблеток от депрессии
Но печальный акт самолечения
Не приносит мозгу облегчения

***

Я мерзкий и завистливый зануда
Судьба моя сложна и тяжела:
Мой самый дальний предок был Иуда,
И тёща тоже сволочью была.

***

Толерантность на земле в фазе апогея
Лесбиянка на себе поженила гея

***

Русь у нас богатая —
Бродит дичь рогатая
А фауну безрогую
Я никогда не трогаю

***

Красьте девочки губки и бровки
Я вернулсо из командировки...

***

Мне не нужна олимпиада
Я, тупо, выходец из ада

***

На груди твоей татуировка —
Маленькая божья коровка
Вытянулась с возрастом немножко
Удлинились усики и ножки
Из горошин сделались овалы
И в окрасе частые провалы...

Монстыр, а не божья коровка!
И пришлось свести татуировку

***

Тыщёнку одолжите до получки...
Меня ждёт сучка новая. Для случки.

***

Не печалась в мире ни о ком
Не тревожа сердца огрубелого
Проживал микроб под ободком
Унитаз, как делирий, белого

***

В метро скопилась атмосфера душная
Толпились люди липкие и потные
Вдруг ты явилась глазу. Вся воздушная
Вся свежая такая, вся симпотная
Окутанная вся дезодорантами
И прочими рекламными прокладками...

А я катил тележку с прейскурантами
Я в поездах торгую шоколадками

***

Танцую с макияжем на лице
Вся модная, как тема РПЦ

***

Безмерно сексуальная пантера
Панически боялась адюльтера
Поэтому нещадно флиртвала
Но никому, паскуда, не давала!

***

Для научных испытаний
При участии врачей
Мы роняли в речку Таней
Наглотававшихся мячей

Тани, плачут, Тани стонут
Воду пробывают пить
Но технически — не тонут
Даже если их топить

В результате — две медали
(и помада кое-где)

Мы инструкцию издали
По рожаю в воде!

***

Юбка непослушная топорщится
На плече бретелька от бюстгалтера
Взволновала юная уборщица
Сердце престарелого бухгалтера
И перемешались дебет с кредитом
И сойтись балансу не позволили
Старичок-бухгалтер в полубреде там
где-то... А уборщицу уволили!

***

Денех мало. Три-четыре пачки
На колене джинсов свежий патч
Я хотел понравиво скрипачке
Но не нужен девушке скрипатч

***

А помнишь, друг, мы мазали, бывало
С тобою чёрный хлеб на гуталин
И в трубах перегаром завывало
И вштыривало нас...
Жестоко, блин!

***

Научных достижений образцы
Заманчивы, как йуные сосцы
Волнующе торчащие под топом...
Торнадо, камнепадом и потопом
Внимание от оных не отвлечь
А чем себя, любимого, развлечь
На выставке. Прокатных станок. Летом.
Как не девчонкой с-сиськами, с буклетом?

***

Вот и кончились батарейки
Вот и кончился керосин
Я за складками телогрейки
Прячу розовое лосин
На рассвете тусовка хмура
(А вчера была весела)
Я последний оплот гламура
Умирающего села

***

Неумолимо старость подступала
Глумилась. Щекотала за большое
Покамест токмо зрение упало
Но скоро упадёт и остальное
В том смысле, что когда-нибудь настанет
Тот миг, когда оно совсем не встанет
И сладостная функция разврата
Преодолеет точку невозврата

***

Ответьте, скажите, где вы
Духовно богатые девы?
Давайте ж скорей общаться —
Духовно обогащаться

Давайте сливаться вместе
В духовно интимном месте
В порыве духовном страстном
Беседовать о прекрасном

Давайте родим потея
Существенную идею
И пусть наша связь греховна
Давайте давать духовно!

***

Объявление на двери:
Пропало животное, чёрт его побери
Неведомого окраса
Издали если, то выглядит вроде матраса
А если вблизи
Так какой-то непознанный эксклюзив
К тому же неясной породы
Жрёт полтора раза в день макароны и бутерброды
Имеет три маленьких лапы
В правом боку чуть заметен дыхательный клапан
Передвигается молниеносно
Владеет двумя языками. Относительно сносно
Если найдёте — пожалуйста, обещайте
Оставить себе...
И обратно не возвращайте!

Артём ФИЛИМОНОВ

ДЕЛЬФИН

Мартовский ясный день выдался по-зимнему холодным. Сергей вспомнил, что никогда не бывал у отца на работе и даже не интересовался, чем он занимается. Он знал лишь, что работа отца была как-то связана с московским дельфинарием и носила сугубо научный характер. По мнению некоторых врачей, именно она и послужила причиной смерти отца, скончавшегося от рака несколько лет назад. Работа приносила много денег, но после той смерти финансирование организации прекратилось, и многие из сотрудников уволились. Однако Сергею оттуда недавно поступило предложение, и теперь он ехал в троллейбусе, приближаясь к Центру. То место, куда он направлялся, находилось возле Парка Культуры, и, чтобы попасть туда, надо было пройти весь парк и подняться к небольшому сооружению, стоящему в стороне у пустынной асфальтированной дорожки. Оно напоминало трансформаторную будку и казалось заброшенным.

Возле железной двери Сергея встретил отцовский коллега, часто бывавший у них дома и известный ему как дядя Андрей. Зайдя внутрь, они спустились по металлической лестнице и оказались под землёй возле небольшого бассейна, наполненного водой. По краям на стенах

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

горели галогеновые лампы, освещая помещение, и в воде шевелилось что-то тёмное и бесформенное. Пол был покрыт слоем грязи, и один из агрегатов, стоящих в изобилии по всему периметру, издавал прерывистый стрёкот. Из бассейна послышался свист. Что-то плавало там и насвистывало ужасно поповский мотив, иногда вместо свиста просто булькая.

— Блатняк любит, — прокомментировал дядя Андрей, — Ты сам как, любишь блатнячок? Ничего, сработаетесь.

— Андрей Иванович, а чем он свистит-то? — поинтересовался молодой человек в халате, стоявший возле приборов, — Это ж дельфин. У него лицо под землёй... то есть, под водой!

— Так у него дырка в башке, вот он и свистит. И фонтаны он ей пускает. Ну, ты видел. Ладно, Сергей, пойдём, я тебе сейчас его покажу и объясню, чем мы здесь занимаемся. Это дельфин. Зовут его Федя, и мы делаем из него крем для рук. Не из него, конечно, а из его отростков.

Они спустились ещё ниже и оказались перед стенкой бассейна, оснащённой большими иллюминаторами для наблюдения за Федей. Дядя Андрей выключил яркий свет, мешавший обзору, и Сергей увидел перед собой огромную физиономию тёмно-серого цвета, разглядывающую его с восторженным любопытством, уткнувшись в иллюминатор носом. Оказалось, что Федя очень сильно отличается от обычных морских дельфинов, не подходящих для производства крема, и обладает почти человеческим лицом размером с дельфинью морду. У него росли уши и огромный нос. Рот с парой чувственных губ — серых, как и всё лицо, — тоже походил на человеческий и в данный момент что-то жевал. Кроме того, Федя был очень несимметричен, и на бугристо-массивном теле у него без всякого порядка и пропорции росли тонкие дистрофические руки разного размера и подчас даже с разным количеством пальцев, живущие, казалось, своей отдельной жизнью. Дядя Андрей объяснил, что эти руки — это как раз и есть те самые отростки, которые они собирают и перерабатывают здесь же на оборудовании, стоящем в верхнем помещении. На месте у оторванных рук у дельфинов подобного рода спустя некоторое время вырастают новые, и производственный процесс, таким образом, происходит фактически непрерывно.

— А не больно ему?

— Ну, больно, конечно, а что поделать?! Такова жизнь. Вот смотри, как их дядя Костя собирать сейчас будет.

В это время за стеклом показался водолаз в очень старом костюме с металлическим свинчивающимся шлемом и с огромным секатором в руках. Он подошёл к дельфину, уткнувшись в иллюминатор, и взял его за одну из рук, которую тот жеманно высвободил, не переставая глядеть на людей с другой стороны. Водолаз повернулся и помахал Сергею. За окошком в шлеме виднелись два круглых чёрных глаза и широкая пасть, усеянная маленькими острыми зубками.

— Ты, Сергей, главное, не трусь! — подбодрил немного оторопевшего Сергея дядя Андрей, — Дядя Костя — он дельфин настоящий, не то, что этот. Он знает, что делает!

— А Федя, он не настоящий разве?

— Федька-то? Да какой он?!.. Помнишь мужа Риммы Васильевны? Ну, придурок такой, который медведем наряжался?..

— Нет. Не помню. А это он его поймал?

— Да не. Это он сам и есть. Из-за него нас тогда и закрыли. Толей его звали. Мы с ним раньше в одном институте учились, а потом вместе устроились в научно-исследовательский комплекс, где с нами отец твой работал. Толя жену свою просто обожал, а она его — так... тер-

пела, что называется. Зато она любила запах ванили и всякие игрушки, в особенности плюшевых медведей. Так он, дурак, что придумал: нашёл себе где-то медвежачий костюм и стал в нём по квартире ходить, да ещё и ванилью обсыпался, чтоб пахло. Костюм ещё хороший такой, как в этом... Диснейленде. Голова сверху надевается, всё, как положено. А жена его тогда у нас работала директором. И вот как-то перед собранием она ему домой позвонила, чтоб он ей срочно папку с бумагами привёз, потому что собиралось нагреть начальство, и всё должно было пройти на высоте. Толя, значит, такси поймал, и едет, а медведя снять с себя забыл. Так и припёрся. Его, конечно, сразу расспрашивать стали, чего он так вырядился, начальство прицепилось, дескать, что за маскарад во время собрания? Он возьми и ответь: «Моей жене нравятся плюшевые мишки». Он ещё всегда молчаливый такой был... Ты уж извини, что я тебе всё так откровенно рассказываю. По-другому просто не получится. Ты сам представь: по квартире ходит детский медведь с ванилью и к бабе лезет, и при этом молчит. Что бы ты мог сказать про женщину, которой нравится такой образ жизни?

— Кошмар! — сказал Сергей и засмеялся.

— Вот и начальство тоже так решило, и, усомнившись в нашем моральном облике, видимо, испугавшись за дельфинов, могущих пострадать от половой распущенности персонала, всю нашу контору и прикрыли, а деньги на исследования присылать перестали. Тогда у твоего отца твоего раковую опухоль как раз и обнаружили. Врачи братья отказались, а мы же учёные всё-таки. Решили сами средства найти. Дельфинов у нас к тому времени отобрали, кроме дяди Кости, к которому, кстати, после этого инцидента Толина жена ушла, поэтому вместо них пришлось использовать Толю. Кроме дельфинов мы ничем таким особенно не занимались, и поэтому лекарство могли изготовить только на дельфиньей основе. Толя на всё согласился. Теперь живёт словно рыба. Лекарства мы так и не придумали, но зато изобрели крем для рук. Его теперь в магазинах продают.

— А почему вы его Федей называете?

— Не знаю. Так уж повелось. Федя и Федя... Пойдём, я тебе лучше твоё рабочее место покажу. Ты на каком сейчас курсе?

— На втором. А как это вы из него такого дельфина сделали?

— Фармакологию будешь изучать — поймёшь.

Рассказ дяди Андрея произвёл на Сергея колоссальное впечатление. Он понятия не имел о всех тех событиях, о которых ему пришлось сейчас услышать, и теперь с интересом внимал инструкциям, стоя у станка. Через некоторое время появился дядя Костя с газетным свёртком, в котором лежало что-то мокрое. Он подошёл к собравшимся и, открыв дельфинью пасть, издал торжественный писк, протягивая свою ношу. В свёртке лежали серые тощие руки, сложенные наподобие букета и источавшие лёгкий рыбный запах. Сергей поморщился.

— Ага-а! — обрадовался дядя Андрей, — Володька, тащи пива! Костя нас угощает.

— Серёг, налетай, — скомандовал он, когда молодой человек в халате вернулся с бутылками, — Чего стоишь, как не родной? Да ты не бойся. Ведь Федька — он как рыба. Он даже ещё лучше к пиву идёт. Только кости не выкидывай. Мы их вон туда складываем.

Сергей взял маленький кусочек и, засунув в рот, начал медленно пережёвывать. Вдруг в голове его помутилось, и он заплакал.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ХРАМ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА

В свои 111 лет Владимир Владимирович Путин дважды побывал президентом, шесть раз премьер-министром и выиграл со сборной страны чемпионат мира по футболу. Когда же Владимир Владимирович принял монашество, Москву переименовали в Москва-сити, а столицу перенесли в древний русский город Владимир, который даже переименовывать не пришлось. Поехал туда и Владимир Владимирович — молиться за Русь Святую в эфире всех телеканалов страны.

Покидая в последний раз Кремль, Владимир Владимирович окинул глазами рабочий кабинет в поисках предметов, достойных разделить с ним последнюю дорогу. Солдатская шинель? Стопанные валенки, позаимствованные в музее святого равноапостольного Иосифа Сталина? Всё не то... Владимир Владимирович подошёл к аппарату правительственного слежения. Подумав, он решил выбрать для последнего взгляда на границу маленький американский городок со славной историей — Вашингтон.

В США только что закончились очередные выборы президента. После упорной борьбы чарт возглавила неувядающая Бритни Спирс с усюкренной экстази-версией хита «Oops! I did it again». Вовсю приближалась инаугурация; Голливуд, в котором предполагалось, как обычно, провести ответственную церемонию, уже неделю был закрыт на перепланировку и дезинфекцию. По случаю выборов пятой женщины-президента Владимир Владимирович, в общем-то, не планировал обращаться с речью к впавшей в детство нации, но ему было приятно посмотреть ещё раз на обветшалые развалины Белого дома, на парк, в котором он выгулял столько президентов США, пока они были маленькими...

Начинался телевизионный прайм-тайм — пора было выезжать. Легко сбежав к ожидающему у Спасской башни белому кабриолету, Владимир Владимирович махнул рукой. Караван из тридцати машин охранения и ведущих телекомпаний мира тотчас двинулся по новому Китайгородскому мосту через Внутренний город (так стала называться правительственная часть Москвы в пределах старого Садового кольца) в сторону Владимирского тракта. Вслед за ним на предусмотренном инструкцией расстоянии пятьдесят метров на тяжёлых мотоциклах с развевающимися российскими знамёнами двинулась нестройная толпа паломников, послушников и нахлебников в чёрных кожаных одеяниях и тёмных очках. Ещё дальше на велосипедах и самокатах двигались комсомольские работники, футбольные болельщики и представительницы нескольких фэн-клубов Путина.

Владимир Владимирович задумчиво смотрел на новенькие бетонные офисные центры, построенные на месте обветшалых развалин 18-19 веков. Особое впечатление на него производил 22-этажный паркинг, недавно появившийся вместо мусорного потока под названием «река Яуза», столетиями ухудшающего экологию города. «Хорошо китайцы постарались», — думал он о героях-застройщиках нового Китай-города.

Когда кортеж великого старца выехал на шоссе Энтузиастов, выяснилось, что энтузиасты стоят по обеим сторонам дороги. Занимались они, в основном, торговлей и попрошайничеством. Подогнав открытый прицеп, густо нагруженный евроцентами, охрана очистила небольшой пятачок возле проезжей части: по сценарию Владимир Владимирович должен был сам раздавать милостыню. Камеры тут же наклонились ближе.

Через оцепление по предъявлению слегка сомнительной лицензии была пропущена пожилая нищенка, выбранная для этой роли местной ячейкой профсоюза бомжей, алкоголиков и побирушек.

— Владимир Владимирович, пятьдесят лет назад я была молодой и красивой офисной работницей... — плаксивым голосом начала жаловаться нищенка.

— Ну и что? Зурабов день, освобождающий раз в год работников от офисного права, ещё никто не отменял, — строго, но справедливо ответил Владимир Владимирович.

— Но хозяйева замучили меня несправедливыми штрафами, и я не смогла собрать откупные... — ответила нищенка, отводя с неприщипки взгляд от камер.

Выйдя из кабриолета, Владимир Владимирович ударил что есть силы своим волшебным посохом прямо о проезжую часть. Тут же стало видно, как забурлила, задрожала Святая Русь, а вместе с ней — кресла злых офисных начальников, получивших на кормление свои удельные нацпроекты. И минуты не прошло, как нищенка получила вольную.

Страна, сидящая у телевизоров, оценила трёхмерную анимацию режиссёров и захлопала в ладоши. Владимир Владимирович ответил ей взмахом ладони. Камеры отодвинулись, и кортеж был готов отправляться в путь, но нищенка не уходила, словно случайно встав на пути белого кабриолета.

— Владимир Владимирович, у меня есть ещё одна просьба. Пятьдесят лет назад у нас был Интернет...

Лицо старца нахмурилось, борода от неприятных воспоминаний встала дыбом.

— Нет, нет и нет! Не хватало ещё раз душить нефтекризисом Европу, а американцев пугать иранской атомной бомбой. Живи без Интернета жизнью простой и праведной, как наши славные предки!

Оттеснив нищенку от кортежа, охрана заняла привычные позиции. Можно было двигаться дальше.

Проехав Новогириево, процессия миновала центр города и вступила в пределы германской зоны оккупации. Не имея права на изменение архитектурного облика города, под страхом неподъёмных взяток, практичные немцы закрыли реутовские и балашихинские доходные пятиэтажки большими шумоизоляционными щитами.

— Вот это я понимаю — пейзаж! — воскликнул Владимир Владимирович, всегда уважавший немцев.

В памяти всплыла правительственная экскурсия в лагерь смерти Освенцим с огромными печами крематория, где арийское меньшинство с прагматичной лёгкостью уничтожало безропотные массы людей. «Семеро одного не жгут», — вспомнил Владимир Владимирович старинную нацистскую мудрость.

Миновали Ногинский трудовой лагерь. Высокие решётки, ограждающие строительные площадки Федерального политического управления, были облеплены счастливыми молдаванами и китайцами, машущими руками изо всех сил в сторону, возможно, самого главного события в их одноразовой жизни. Здесь кортеж, разумеется, останавливаться не стал, но мигалку для порядка включили.

Вскоре городской пейзаж сменился сельским, деревенским, милым сердцу каждого русского человека. Река Клязьма предстала украшенной детскими площадками, кукурузными полями, берёзами и макетами тракторов, выполненными в натуральную величину из чистейшего бетона великим скульптором Церетели. Там же произошло знамение — видение высокого старика с посохом, перекрещивающего автоколонну.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— А, это Сергей Радонежский, мой полпред в русском средневековье, — узнал старика Владимир Владимирович, — помолитесь за него.

Паломники, послушники и нахлебники крестились, невозмутимо сидя на своих мотоциклах. Комсомольские работники, футбольные болельщики и фанатки-путиноманки ответили нестройным визгом и дружным скандированием: «Слава России!». Камера скользнула к бульдозерам, показала крупный план стариковского лица, беззвучно шевелящего губами. «Звук, дайте звук!», — безнадёжно взывал режиссёр к звукооператорам, которые хоть раз за поездку должны были положиться на русский «авось».

В правом нижнем углу телеэкранов тут же появилось и погасло изображение девушки-сурдопереводчицы. Это была Ксения Собчак, правнучка знаменитого политика, с детства лишённая дара речи, но обладающая самовыражением. Воспитывалась девочка в доме Владимира Владимировича многочисленными гувернантками и психиатрами, что и помогло ей сделать карьеру на телевидении. Увидев воспитаницу, Владимир Владимирович довольно улыбнулся.

— Ксяся... — прошепелявил он.

В острого Малая Дубна, поблизости от таможни между Владимирской и Московской областью, скопилась, как всегда, толпа выходцев из отдалённых областей страны, пытавшихся урвать хоть что-нибудь московского в межобластном дьюти-фри. На этой неделе возле контрольно-пропускного пункта шла особенно успешная меновая торговля: из Архангельска пришёл груз пеньки, а из Коврова — мыл и шампуней местного производства. Наибольшим спросом продукты пользовались у уроженцев Курганской области, испытывавших традиционные сложности с ясачным сбором и оброками.

В честь прохождения кортежа ярмарку закрыли, а курганцам выдали беспроцентный кредит. Проезжая торговые ряды, увешанные декоративными товарами народного потребления, телевизионная группа дала крупный план залитых счастьем лиц — это были московские таможенники и сборщики ясака. Правда, среди телег с владимирскими номерами изредка попадались и проржавевшие садовые тачки с курганскими, но это как раз и обеспечивало работу бригаде специалистов по компьютерной графике.

В Киржаче процессию встретила делегация хлеборобов — импортёров украинского хлеба. В честь великого старца в небо запустили символ правящей партии — надувного Олимпийского Медведя с жёлто-голубой ленточкой на груди. Владимир Владимирович не мог сдержать довольной улыбки.

— Хай живе торгова федерация! Да пребудет с тобой сила! — скандировали хлеборобы, потрясая лазерными ручками от лопат.

— Спаси Господи Украинский федеральный округ!.. — отвечал Владимир Владимирович и тихо сам себе добавлял: — ...от Белорусского...

Много ещё городов и посёлков проехал кортеж Владимира Владимировича Путина. В Петушках Владимир Владимирович возложил цветы на могилу последнего не подвергшегося генной модификации петуха. В Лакинске старец благословил развалины главной архитектурной ценности города — пивного завода. В Юрьевце пожал руки работникам дорожно-постовой службы, вручив медали «За преданность». Около въезда во Владимир старец совершил чудесное явление, разогнав с помощью самолётов тучи. Теперь солнечная погода на некоторое время была гарантирована.

Во Владимирском центре имени святого великомученика Михаила Круга тем временем шло заседание Вселенского собора. Вёл его

патриарх федеральной православной церкви Алексей III, передвигающийся к тому времени уже исключительно на «папомобиле» — специальной автомашине, предназначенной для перевозки ста восьмидесяти килограммов живого патриаршего тела.

Ветер бодро развеивал георгиевские ленточки на иконах.

— Святой великомученик Михаил Круг, — напомнил присутствующим патриарх, — творил чудеса каждый день, ибо так уж просто это было ему. В народе даже появилась присказка: «Пошли круги по воде»...

— Господу помолимся, господу помолимся, — затянул хор.

— Кстати, братья и сёстры, — добавил патриарх, обернувшись в сторону телекамер, — напоминаю, что спонсор Вселенского собора — Федеральная служба занятости. Играйте в игру «Крестиканолики», в ней добрые христиане изгоняют язычников и бесов!

— Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, — пропел в ответ хор.

К приезду старца Владимира решено было причислить его к лику святых первой степени, в честь чего дали условный сигнал — четыре белых ракеты «земля-земля».

Ликующие горожане, а вместе с ними и другие телезрители, устремились на улицу, заполнив площади и проспекты. Городской глава Владимира поднялся со стадиона «Торпедо» на воздушном шаре, самолично рассыпая в честь светлого праздника по дорогам горсти риса, собираемые стариками и детьми ещё в полёте.

Вскоре на дороге появились первые машины охраны. Расчистив улицу, они постелили ковровую дорожку и расставили камеры. Непорочные девственницы с хлебом и солью, избранные на роль царёвых невест, заняли предусмотренные церемониалом позиции вдоль дороги. Над Золотыми воротами в две стороны протянулась многослойная радуга.

По условному сигналу гвардейский полк кремлёвских стрельцов развернул красные знамёна и запел «Боже, царя храни!», и тут на дороге вдруг показался белый кабриолет Владимира Владимировича, весь наполненный внутренним и внешним светом. Горожане иступлённо захлопали в ладоши и закричали; многие, наиболее впечатлительные попадали в обморок. Склоняющиеся камеры сделали особый акцент на лицах девушек и суровых фигурах санитаров, приготовивших носилки для расставшихся с рассудком граждан. За городом, у химзавода начинался салют...

По щеке старца покатились слеза.

— У нас великая история! — прошептал он, закрыл лицо руками и тихо умер.

Похоронили Владимира Владимировича в церкви Покрова на Нерли в хрустальном саркофаге, закрытом от чужих глаз щитом чистого турецкого золота девяносто пятой пробы. Первые двести лет после этого от церкви исходило слабое свечение. Китайские туристы иногда пытались его фотографировать, но кадры пересвечивались. Пытаясь объяснить этот факт, учёные строили предположения, что причиной владимирского феномена является продолжение мозговой активности великого старца.

Потом свечение прекратилось. Отодвинув щит, хранители гробницы были поражены: оказалось, что саркофаг пуст. Так святой Владимир вознёсся к своему Небесному Отцу, обеспечив вечное благоденствие Великой Империи, тысячелетней Руси.

Юля СМАЛЬ

ЗАРИСОВКИ МЕТРОПОЛИТЕНА

Станция Житомирская. Рябая Надька

Рябую Надьку задолбала уже жара в этом городе. Все чаще вспоминала она мамку и Большие Рудники. Сейчас бы с пол литра молочка холоденького... И на кой черт ее поперло в город? Даже не просто в город, в СТОЛИЦУ?! Еще со школы толстую, рябую девку манили яркие витрины киевской жизни. Как же ей хотелось с видом столичной продавщицы за прилавком стоять и отгонять надоедливых покупателей. И хотя мамка просилась, что, мол, и помогать некому, и учиться можно в районе, а Галька из сельского «минимаркета» скоро уж совсем сопыется, а тут, как раз, и Надька доучится, нет и все! В Киев! Мамка заколола кабана и отправила дочь учиться в Киев, оставшись сама на два с половиной гектара сахарной свеклы — надо же было малую на что-то в этом Киеве кормить и одевать.

Первое, что научилась Надька, — чистить ногти! Раньше, в школе, как-то не очень смотрели, у кого что нечищенное. С картошки шуруешь прямо в кровать, разве что пятки помоешь, а оттуда, как встанешь, так сразу на уроки. А тут оказалось: если не хочешь быть бычкой, надо уметь делать маникюр. Мало помалу, рябая Надька обжилась в столице, нашла нужные знакомства. Учеба в торговом техникуме пошла ей на пользу, откладывая залежи килограммов на боках. Сначала еще по-сельски крепкая, за три года учебы стала тяжелой на подъем, здоровенной теткой. Училась неплохо, и директор за полкабана пообещал ей место в продуктовом почти возле Крещатика. Есть в столице еще магазины, где надо отпугивать покупателей и таких же пугливых, как покупатели, мух.

Надька дисциплинированно каждое утро ходила на работу, стояла у прилавка, упираваясь на немного помятый жизнью стул. Стул стлил. Он каждый раз подозрительно скрипел, угрожая полным развалом. Одинаковых, будто сестры-близнецы, продавщиц в магазине было трое. Они дружно не любили выраженных в модные тряпки дамочек, морщащих аккуратные носики уже возле входа, вроде им уже оттуда воняло. Летом в магазине было душно и, если честно, то немного, действительно, воняло. Может, Василем-сторожем, а заодно и грузчиком, а, может, тем остатком колбасы, что как-то привыкала Ганька, вот он где-то и завонялся.

Однажды им, всем троим сказали, что магазин закрывается — здесь будет новый офис. «А тараканов шугать идите в другое место», — буркнула модная девица в голубых бриджах на тонких, как спички, ногах. Надька тоже хотела себе бриджи, только розовые, чтобы еще со стразиками.

Она нашла себе работу в таком же магазинчике на Академгородке. Со времен ее учебы пролетело несколько лет. Замуж ее никто не звал, за чем она не особо тужила, заедая одиночество курочкой-гриль или тем, что от них не продавалось. Магазинчик был хуже, чем в Рудниках, воняло так, что даже Надьке на входе щипало глаза, но можно привыкаться, и ничего — люди работают в куда худших условиях. Основных заданием толстенных продавщиц становилось отпугивание «клиента», чтоб неповадно было сюда ходить. Само слово «клиент» оставляло на языке послевкусие, будто он к проститутке приходил, а не к продавщице обычного продуктового магазинчика. Это немного добавляло женственности в начинающие зарастать щетиной упитанные лица работников торговли.

Каждое утро Надька ездила на метро. Каждое утро родные килограммы казались все тяжелее, бедный подъемник скрипел и сопел, таща на себе больше центнера Надькиного веса, что ей самой становилось страшно. «Пора худеть», — думала она в такие минуты. — «Скоро

и ходить не смогу. Вот, все вокруг худеют, а я чем хуже? Приеду к мамке такая, как в школе была, вот она обрадуется. Может, и мужа найду!». Эти мысли каждое утро заканчивались сытным обедом под стопарик-другой «списанной» водочки да поздним ужином — остатками того, что еще можно было притащить из магазина. Ну и подумаешь, сто с хвостиком! Она где-то читала (вроде в той газете, на которой чистила селедку), что мужики любят пухленьких.

Из-за метро Надька возненавидела Киев и его витрины. Она заходила в прохладный зал метрополитена, ощущая тошноту от звуков приближающихся поездов. Единственное, что до сих пор держало здесь: не к мамке же назад — свиньям хвосты крутить! Надо же — полжизни отдать столице, чтоб в Рудники возвратиться! В Рудники! Нет, если ты уже городская, то должна быть городской, а трудности пройдут! Это точно! Если честно — стоять за прилавком куда круче, чем в поле горбатиться. Сегодня Надька, как всегда, сидела на маленькой лавочке, туго затянутая в розовую футболку и розовые бриджи со стразиками, в напухшие ноги впились тонкие полосочки модных босоножек, а толстые с черными волосиками пальцы рук украшал ярко-красный маникюр. Сама себе она казалась очень даже ничего, ну, подумаешь, чуть пузо видно, а жопа — вот оно, самый сок! А груди! Есть за что подержаться, есть куда посмотреть и к чему прислониться, в конце концов! Маленькие глазки зло наблюдали суету в метро, подъезжал поезд. Надька размазала рукавом футболки пот со лба, обдав прохожего немойтой подмышкой. Сегодня у Ганьки день рождения, наверное, проставится. Надька жадно слотнула сплуну и ступила в ненавистный вагон.

Там суетливо обтапывали друг дружке ноги спутники. Где-то прижимались парочки: чтоб вы все скисли, лижутя тут, кроватей дома нет, что ли? Тьфу. Надька гадливо кривилась на каждого юношу и каждую проходящую мимо девицу про себя обзывала: блядюга. Только и знают, что потрахаться, нет, чтобы работать, как люди, а то ездят в метро и лижутя! Ух, она бы им...

Рябая толстенная тетка неопределенного возраста портила настроение утренним романтичным парочкам. Но влюбленным настроение испортить надолго нельзя — даже не стоит стараться. Ее жизнь — это ее жизнь... Ну, и пусть себе.

Станция Нивки. Маруська.

Маруся, не пойми скольких лет, пьяница — продавщица кваса возле выхода из метро, горько плакала, пока на нее орала нарванная Валька. Прозрачные слезы прокладывали себе дорожку на вспухших от алкоголя щеках, рисуя страшные рисунки размазанной тушью. Красная помада въелась в поры вокруг губ, от чего казалось, что вчера Марусе кто-то дал по морде. Она давно перестала придавать значение внешнему виду, вот, только сейчас купила недорогую помаду и дешевую тушь, чтобы хоть чуть-чуть приводить себя в порядок перед работой.

Вчера Илья приволок домой поллитруху, кажется, даже не паленую. За поллитрой пошла еще одна, Маруся решила проставиться за зарплату: май — хороший, почти летний месяц. Квас хорошо продавался, и несколько гривен сверху были всегда. Вот, вчера она и нарушила обещание, данное Вальке, набравшись в лоскуты. Это все Илья! Так бы удержалась, а этот пьяница, бомж вокзальный, притянул бутылку. Знал же, сука, что ей нельзя, а притянул! Марусе было страшно обидно за вчерашнее, стыдно. Ведь она совсем не специально проспала полдня. А синяк на всю щеку, аккуратно замазанный тоналкой, одолженной у соседки-студентки... его

бы не было видно, если бы Валька не заставила расплакаться. Разве ж она не человек? Не понимает? Маруся ж подруга! Это все Илья! Гад.

С каждой дорожкой на щеке пьянчужки проступал все четче здоровенный бланш на пол морды. Валька, лично порекомендовавшая эту профуру хозяину бочек, с ужасом понимала, что, кроме Маруськи, ставить некого. У той дрожали руки, черные следы от туши разливались по запухшим, обвисшим, как у свиньи, щекам, красная помада отсвечивала кровавым рисунком. «Боже, какая страшила,» — думала Валька, сама частенько заглядывающая в бутылку. — «Что же делать?». Ей было жаль сопливой подруги, а в простом мозгу крутилась одна мысль: «Что же делать?» Отпустить — а кто отчитается за непроданный квас? Держать? Так ни один покупатель к этой козе не подойдет. Хозяин голову снимет.

— Ну, че ты на меня орешь? — всхлипывала полупьяная Маруся.

— А кто тебя, козу пьяную, пить заставлял? Шо ты теперь с меня-то дуру лепишь?

— Я ж говорю тебе, человек ты или кто? Я не специально!

— А мне пох... Скажи ты мне, алкашка пропойная, что мне теперь делать? Кто квас продавать-то будет?

— Я!

— Ты себя в зеркало видела? Пугало!

— Давай, пусть Илья продает! Он же на продавца учился.

— А где я тебе твоего Илью возьму!

— Я щас, я ему на мобильный позвоню.

— Давай.

Маруся умолкла, все еще всхлипывая. Достала разбитый, полурабочий аппарат и набрала номер. На том конце трубку не брали. Почему-то ей вспомнилось, как когда-то мечтала о любви, о хорошей работе, о деньгах. В детстве не думала, что ни одна мечта не сбудется. Никто не мечтает спиться. А почему спивается, кто знает? Просто так. За компанию. Илья не брал трубки, длинные гудки разлетались, как в пустом коридоре, гулко отбиваясь от уставших с бодуна мозгов.

— А нет его, — растерянно промямлила Маруся.

— С... Б...! Ну, скажи, скажи мне! Что делать?! Убила бы тебя, проститутку! Уйди уже!

— Как уйди, а квас?

— Да какой квас? Пока сыняк не сойдет, чтоб духу твоего здесь не было. Скажу шефу, что ты за свой счет взяла!

— Ой, Валечка! Никак нельзя за свой счет! Я ж вчера того... почти все... это.

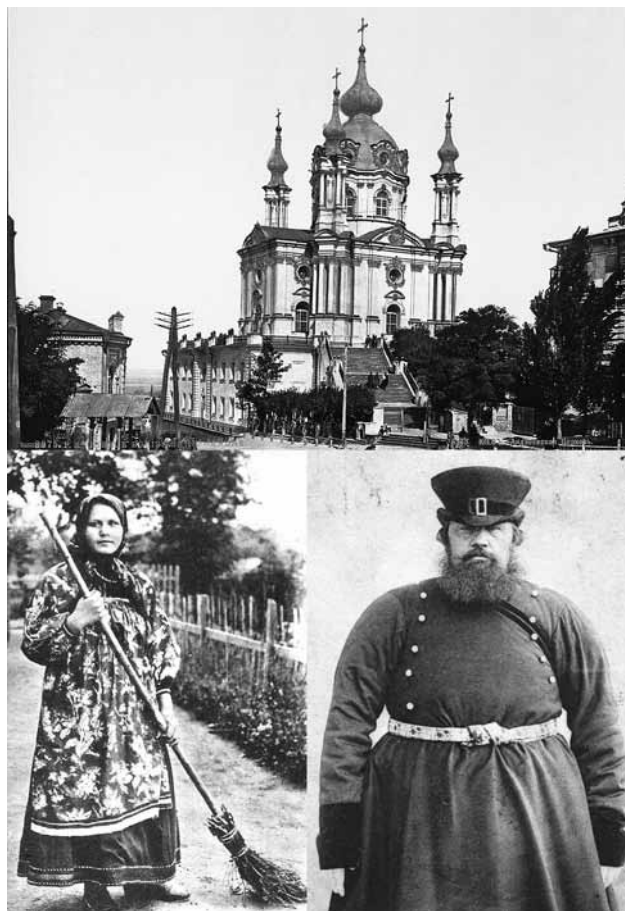
— Уйди! Мне сиренево! Еще раз увижу пьяной, можешь не приходите!

Валька еще пару секунд смотрела вслед сгорбленной Марусе. Та, пошатываясь, обдавая прохожих стойким перегаром, побрела куда-то за станцию. Когда-то белая юбка с вышивкой теперь тряпкой обтягивала болезненно надутое пузо. Крашенные белые волосы торчали во все стороны, а растянутый короткий свитер как-то сиротливо покосился на круглых плечах. Ноги, обутые в белые резиновые шлепки мелко перебирали неуверенной походкой дорожку. Валька еще успела заметить, как Маруся наклонилась к мусорнику, чтобы подобрать бутылку.

— Вот, сынячка, — уже спокойно подумала Валька. — Дура пьяная, а жаль, беднягу...

Старосветская любовь

— Сколько можно лизаться? Вы же в общественном месте! — громко возмущался дедок, спускающийся к поезду двумя ступеньками

выше. В принципе, Виктору и Наталье было одинаково к этому деду, но они отстранились друг от друга, чтоб не нервировать старого. Пусть себе. — Вот что за молодежь пошла! Никого не уважают!

Дед бурчал и бурчал, а они удивлялись своей встрече. Случайный разговор совсем меняет жизнь. Совсем-совсем.

Влюбленные держались мизинцами, ощущая тепло рук. Вот так, однажды был «он», однажды была «она», а вдруг стали... Ну, чем-то стали, но не «он» и не «она» по отдельности.

В любви самое обидное то, что со временем поцелуи перестают вызывать табуны мурашек по всему телу, а секунды прекращают свой сумасшедший бег, и превращаются в обычные, правда, приправленные романтикой и кофе в постель, будни. Виктор с Наташей еще пока не проверяли это статистическое правило, они только начали встречаться, и их чувства еще можно было описать стандартным набором стандартных клише: очи-ночи, зори-море-горе, кровь-любовь и так далее. Это та пора, когда любовь кажется не сложным танцем уступок с компромиссами, а раем в шалаше, миром во всем мире, жертвами ради любимого.

Старик смотрел на влюбленных и припоминал, как он, стеснялся взять вот так, по-простому, за руку женщину, которую так любил. Каждый вечер стоял под ее окнами, окнами послевоенной коммуналки, опаздывал на последний поезд и бежал утром на пары в университет, в неглаженных брюках. Неизвестно, как бы сложилась их жизнь, если бы не вмешалась мать девушки. Как-то пригласила она юношу домой, угостила чаем, даже подсластила, и так спокойно спросила: почему вьетесь здесь каждый день? Он честно рассказал. Через полгода студентка факультета химии вышла замуж за выпускника машиностроительного. Так и прожили душа в душу сорок девять лет, пока она, усталая и обес-

силенная, не оставила его одного. Да он никогда-никогда и подумать бы не смел поцеловать любимую на людях.

Дед растерянно посмотрел вокруг. Полуголые девки, мужики, что и мужиков не напоминают в своих прозрачных маечках или совсем без них. А он даже дома стеснялся ходить без майки — так уж был воспитан, никуда не денешься. Дед смотрел на парочку, которой только что сделал замечание и думал, что не такие уж они и плохие: не огрызаются в ответ, а то, что целуются... так, может, пусть себе. Когда еще? Парень так нежно смотрит в глаза девушке, хочешь, не хочешь, залюбуешься — красивая пара. Их глаза так сильно напоминали ему те глаза... больше, чем полстолетия назад. Как же он любил тогда! Его возбуждал ее запах, шелест ее крепдешиновой юбки. По этому шелесту он безошибочно узнавал СВОЮ девушку. Так никто не умел ходить!

Наталья чем-то неуловимым напоминала деду прошлое. Может, глазами, может, статью, а, может, юбкой в огромные красные цветы, такой похожей на праздничное платье той, ушедшей. Рука парня незаметно легла на талию девушки, там немного повозилась и уютно умылилась на изящном изгибе. Но вдруг взгляд парня упал на недовольного дедка. Виктор немного отстранился от любимой. Да, сколько той дороги? Потерпит. Тем более, что возбужденному и ехать не так легко. Сейчас удержится, будет немного покоя по дороге.

На воспаленные глаза деда набежала скупая слеза. Что он знает об этих людях? Зачем прицепился? Наверное, просто от одиночества. Дети — кто где, любимой давно нет... Вот, отчего не ехать себе спокойно? И хотя дед понимал, что сейчас им никто не сможет испортить настроение, сдавленным, взволнованным голосом прошептал, наклоняясь к уху Виктора:

— А, вообще, никогда не слушайте недовольных стариков. Спешите жить. И не забывайте рассказывать о своей любви...

Александр ЛЕСОСТЕПЕНОЙ

ЧИНГИСХАН. ИСТОРИЯ ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Увлекательное это занятие — глубокой ночью бродить по просторам Интернета, наслаждаясь плодами информационной революции. Единомыслие с его горами лжи, сказочных мифов, бредовых теорий ушло в прошлое. Все стали писателями, критиками, аналитиками, у каждого свой собственный взгляд на Политику, Историю, Науку. Всё подвергается сомнению, опровергается, излагается в новой редакции. Голова кругом идёт. Ну, с точными науками ещё можно как-то разобраться, хотя и тут монбланы мусора и горячечных фантазий (одна теория относительности чего стоит), а как быть, например, с Историей? Официозная История, ясное дело — политическая про.стите, ну очень легкого поведения девушка пенсионного возраста. Не может прямо сказать, что было буквально вчера на глазах у почтенной публики без указания хозяев. Что уж говорить про дела давно минувших дней? Про монголо-татар, например?

Вот, современники отмечали, как особую примету — несколько странный цвет глаз Чингисхана. В самом деле, у всех его родичей глаза небесно-голубые, а у него, видите ли, — с зеленоватым оттенком. Для настоящих профессиональных историков здесь нет ничего необычного. Ну, бродили по монгольским степям рыжебородые, синеглазые скотоводы-кочевники. Ну, назвали своего предводителя весьма распространённым в безводных краях прозвищем «Царь Морской». Ну и что? Обычный исторический факт, каких огромное множество. Что теперь над ними всеми голову ломать? А вдруг, хряп — сломается? А ведь это очень важный орган: во-первых, они им едят, а во-вторых — озвучивают разные умные мысли, которые у них возникают совсем в другой части тела.

Как жить? Кому верить? Мюллеру? Или Миллеру? — Невелик выбор. Вызывать духов исторических личностей и допрашивать их как свидетелей? — Смешно!

— Нет, не смешно! — грозный голос раздался где-то рядом, хотя в комнате я был один. По моей шкурке шустро забегали мурашки. Тем временем воздух прямо передо мной стал как будто светиться, превращаясь в полупрозрачный, словно голографический облик мужа с гордой осанкой, с русыми кудрями, ниспадающими из-под отороченной соболем шапки и рыжеватой окладистой бородой, одетого неброско, но опоясанного мечом с рукоятью, усыпанной драгоценностями. Мурашки забегали ещё шустрее, волосы встали дыбом и, превратившись в жёсткую проволочную щётку, мелко дребезжали. — Призрак!!!

— Тимофей, — представился призрак, — на татарский манер — Темучин, на китайский — Тэмочжэнь, ну, а знают все меня как Владыку Востока, Властителя Мира, Потрясателя Вселенной и так далее и тому подобное, короче, Чингисхан я.

— П-п-правда? ... Я Вас несколько иначе себе п-п-представлял.

— Знаю. Чего только не настроили обо мне эти писаки-историки. Повстречались бы они мне, уж я бы их.

— На бочку с п-п-порохом посадил? — услужливо подсказал я.

Большие зеленовато-серые глаза Чингисхана непонимающе уставились на меня. Наконец до него дошло:

— Экие вы в будущем придумщики. Нет, у нас проще: секир-башка и все дела... да и порох жалко — им любое препятствие с пути смести

можно. А ты, как мой прямой потомок (честное слово, не понимаю, почему он так сказал), сейчас вкратце узнаешь мою подлинную историю.

Услышав, что мы не чужие, мурашки стали понемногу успокаиваться.

— Постой, Чингис, я не историк, я простой российский инженер.

— Помолчи! Ты хоть понял, что я тебе сейчас сказал?

— Ну, типа, мы — родственники.

— Прямой потомок имеет право на всё наследство!

— То есть, практически на всю Азию, плюс пол Европы!?

— Именно! Хотя я бы не стал ограничивать своё наследство столь узкими рамками.

— Ну конечно, помню: «до последнего моря». Только где оно, это последнее море, ведь Земля-то круглая. Чингис, у меня уже есть участок, пятнадцать соток. Я с ним-то едва управляюсь.

— Ничего, ты же знаешь, русские не сдаются! Так что будь готов принять наследство.

— Ё-ё-ё моё!!!... Это ж сколько вкалывать придётся!... Впрочем, конечно, как учили — всегда готов!

— Теперь замри и внемли, — «рысьи» глаза Чингисхана пристально смотрели, как бы внутрь меня, не моргая. Мурашки окончательно успокоились. Окружающая реальность плавно растаяла.

...Убивать родственников нехорошо, неэтично как-то, поэтому поступили с ними традиционно по старинному русскому обычаю: соорудили бочку побольше, посадили в неё вдову с сыном, заколотили, засмолили и — в море. На усмотрение Господа, так сказать.

Тут такое дело: у вдов князей детей быть как бы не должно. Князь неожиданно погиб от рук враждебных соседей, на его наследство быстро отыскались охотники, осталось немного подождать, пока померёт княгиня (не без помощи, конечно), а тут на тебе — появляется ещё один, к тому же юный, претендент, ну прям Персей! Возмутительно!...

...Невероятно трудолюбивы и талантливы русские люди; ленивы и нерадивы они только для любителей удобно устроиться на их натруженных холмах. К тому же очень вольнолюбивы: на край света готовы уйти, лишь бы не было им никакого угнетения. Двигаться же им издавна приходилось в малонаселённые земли, на восток. По всей Сибири и Дальнему Востоку разбросаны их посёлки и городки, до островов, где восходит Солнце, добрались и поселились там, бескорыстно делясь с местными жителями (не очень склонными к благодарности) своими знаниями и умениями. А кто ещё дальше проник в неведомую землю за Великим Океаном, неся свет Истинной Веры, оставив и там добрый след: аборигены боготворили пришельцев, что, однако, сыграло с туземцами злую шутку, когда гораздо позже им пришлось столкнуться с оголтелыми, в своей жажде наживы, европейцами, высадившимися с противоположной стороны их континента.

Долгие годы скитался Тимофей со своей дружиной в поисках лучшей доли под знамёнами, с вышитыми на них крестами, сохраняя в сердце любовь к своей далёкой родине — Святой Руси. Вот и сейчас, бредя по степи, Тимофей размышлял о своей жизни. Он помнил, как непрестанно молилась его мать в плывущей по воле волн бочке, и после чудесного спасения навсегда сохранил в себе искреннюю, глубокую набожность. А ещё получил прозвище Царь Морской, которое потом в тюркском звучании, затаив дыхание, услышал весь Мир. С малых лет мать воспитывала Тимофея как будущего князя, дала хорошее образование. Но кому нужны его знания, если нет своего града стольного? Да, незавидная доля у княжых отпрысков, лишённых права наследства: или наниматься на службу к другим или разбойничать и захватничать, как когда-то такой же

собрат Аттила. Вон, в католических странах таких собирают в рыцарские ордена, чтоб не озорничали от безделья. Направляют агрессию алчных, ненасытных хищников вне Европы, на Восток, в том числе эти псы давно на Русь поглядывают, щёлкают зубами и давятся слюной. Для отпора этой своре надо бы и нам организовать что-то своё — взгляд Тимофея остановился на драгоценном медальоне, висящем на шее — да, например, «Золотой Орден». Неплохо бы и превентивно наведаться в Европу, пройтись по ней огнём и мечом — слегка, только для приведения в чувство и освежения памяти. Уж больно она короткая у наших лживых и лицемерных западных друзей. Да и с востока прикрыть Русь надо, чтобы не беспокоили кочевники постоянными набегами.

Навалилась усталость. Почесав бороду, Тимофей зевнул, перекрестился и стал снимать пыльные сапоги. Помыть бы их., в тёплом южном океане — усмехнулся он про себя. Слышал он, что далеко на полдень по берегам двух великих рек, впадающих в этот океан, тоже живут потомки русских людей, покинувших свою родину ещё в ведические времена.

Закрыв глаза, Тимофей провалился в глубокий сон. Странные видения нахлынули на него: прекрасные города с великолепными дворцами в «русском» стиле, только каменными, цветущие сады, торговые караваны, стекающиеся на шумные базары со всех концов обитаемого мира, тьмы-тумены воинов, повинующиеся его воле.

Тимофей понял смысл видений: нужно самому строить своё княжество, свой рыцарский орден. Да где взять подходящих людей: крестьян, воинов, мастеровых? Кругом одни полудикие варвары. Живут скотоводством, кочуют небольшими куренями со своими стадами по Степи. Воины из них никакие, пешего строя не знают, доспехов, мечей, копий, боевых топоров в глаза не видели, вооружены лишь лёгкими луками. Недавно наскочили такие на дружинников на своих мохнатых низкорослых лошадах. Постреляли издали и ускакали. Дружинники со смехом вытаскивали, попавшие в незащищённые кольчугой места, стрелы, ломая их тремя пальцами. Стоп!... А если вооружить этих диких всадников

Виктор ХАРИН

ХРАНИТЕЛИ СКАЗОК

Глава 3. Отец Ворон

настоящими боевыми луками? Такая их тактика может принести успех в сражениях на открытых полях. Только с дисциплиной кочевников будут большие проблемы, но, кажется, есть и их решение — круговая порука. Мастеровых и пеших воинов можно будет набрать в Сибири да на Руси, заключив союз с русскими князьями, чай не чужие — поделятся, от десятины не обеднеют, ну а кто не захочет делиться... Тимофей прихлопнул успешного напитаться комара, превратив его в кровавое пятно. Кстати, окоротить бы надо этих князей, а то зарвались, своими междоусобными распрями разоряют Русь, даже храмы и монастыри грабят, священников убивают — вот за это никому пощады не будет, узнают паскудники, что такое Бич Божий. За ярлыками на княжение будут в ставку Ордена приезжать, а на строптивцев и послушников управа быстро найдётся.

Тимофей размышлял, какое у него будет большое и устроенное княжество, даже не княжество, а царство на огромных просторах от Руси до великого восточного океана, и от студёных северных морей до теплого южного океана. Себя он уже видел великим князем, Монголом — единовластным самодержцем, власть которого будет опираться на самую могучую армию мира, ядро которой, её гвардию составит русская дружина во главе с молодым воеводой Плоскиней. Подданные его царства будут равны независимо от веры и рода-племени, и будут знать только одно иго — иго Закона (Джасана), его ясного и справедливого закона, составленного из наставлений, данных ему когда-то матерью, княгиней Оленой. Да, планы огромные. Но, что не суждено успеть исполнить — достанется потомкам.

Русские долго запрягают, но быстро ездят. Приняв решение, Тимофей рьяно взялся за дело. И услышали просторы Азии исконный русский боевой клич: «Ура-а-а!», рвущийся из глоток разнородных богатырей-батыров Чингисхана.

... Очнувшись, я заметил, что за окном уже забрезжил рассвет. Тут в старинных резных часах, давно не ходивших, висевших на стене лишь для красоты, что-то зашуршало, заскрипело, распахнулась маленькая дверца, выпустив облачко пыли, из неё выпорхнула кукушка и звонко прокукарекала.

— Ну, мне пора. Ты, эта, если захочешь узнать что-то ещё из подлинной Истории, обращайся. Мои воины быстро доставят тебе дух любого исторического деятеля, и уж, поверь мне, заставят его рассказать всю правду, и даже больше, — это были последние слова, которые успел произнести Чингисхан, растворяясь в воздухе.

Мартин летел на спине могучего альбатроса. Страх прошел, и только восторг все больше сменялся холодом. Они летели с немыслимой скоростью, внизу проносились облака и острова. Мартин очень удивился, что альбатрос почти не взмахивал крыльями, как это делают прочие птицы, а подхватывал ветер и парил. Глаза слезились от встречных потоков воздуха и блеска бескрайнего океана. Лицо горело от холодного ветра. Мартин повыше натянул шарф, так, что виднелись только глаза. Они летели уже несколько часов. Мартин с сожалением подумал, что когда они прилетят, он не сможет самостоятельно слезть, настолько затекло и замерзло его тело. А еще он сильно переживал, что в таком виде не сможет произвести впечатление на Отца Ворона. В голове не было никаких мыслей, кроме желания поскорее спуститься на землю.

— Долго еще лететь? — сквозь шум ветра прокричал Мартин

— Нет, уже прибыли. Острова под нами. Нам нужен самый дальний из них. Ты там как? Сильно замерз? — участливо поинтересовался альбатрос.

— Нисколько? — соврал Мартин, ему совсем не хотелось, чтоб все считали его малышом и неженкой.

— Может еще один круг над островами? Осмотрим окрестности? — улыбнулась через плечо мудрая птица.

— Нет спасибо, все отлично видно. — воспротивился Мартин.

— Хорошо. Приготовься, идем на посадку.

Альбатрос сложил крылья и начал стремительно снижаться на пустынный остров, в основании которого возвышалась одинокая гора. Приземление было достаточно ощутимым. Миг свободного падения — и рывок в момент, когда альбатрос расправил крылья, смягчая посадку. Снег завихрился, окутав путешественников с ног до головы белой пылью.

— Уф... — выдохнул Мартин

— Страшно? — поинтересовался альбатрос

— Немножко...

— Это ничего. Вижу, что ты замерз. Слезай и походи, побегай, попрыгай. Быстро согреешься.

— Спасибо — простучали от холода зубы Мартина.

Не медля, Мартин спрыгнул со спины альбатроса и начал прохаживаться кругами, приседая и размахивая руками. Он почувствовал, что к телу возвращается подвижность, как тепло начало вытеснять холод из кончиков пальцев.

— Отогрелся? — заботливо спросил альбатрос

— Да, сейчас намного лучше. Спасибо.

— Пойдем, нам еще в гору подниматься, я заметил недалеко отсюда пещеру, давай с нее и начнем. Может быть, нам повезет, и это окажется именно тем, что мы ищем.

Они преодолели крутой подъем в несколько метров и вышли на площадку, с которой открывался вход в пещеру. Он темнел черным провалом на белом, присыпанном снегом, фоне. Путники осторожно заглянули в темноту.

— Эй, есть кто-нибудь? — прокричал альбатрос — Отец Ворон, ты здесь?

Только эхо им прошептало «здесь-десь-есь». Прислушиваясь к каждому шороху, они ступили под свод пещеры. Неожиданно пол закачал-

• СКАЗКИ ПОЛЯНСКОЙ

ся, земля стала уходить из-под ног. Альбатрос схватил клювом Мартина за капюшон куртки, и готов был стремглав вылететь из ловушки.

— Что за невоспитанность!? Кого еще тут принесло!? Что вам тут надо!? — голос раздавался так громко, казалось, что это говорят сами скалы.

— Мы странники. Я Отец Альбатрос, со мной юный Хранитель. Мы разыскиваем Отца Ворона.

— Зачем вам Отец Ворон?! — прогремел голос

— Нам нужен его совет, — крикнул Мартин. — Мы слышали, что ни в этом, ни в других мирах, нет никого, кто сравнится бы умом с Величайшим Отцом Вороном. Мы смиренно пришли просить припасть к колодцу его мудрости, чтобы он наставил нас на путь истинный и дело правое.

— Надо подумать, — проговорил голос, уже более спокойно.

— Вот загнул то, — восторженно прошептал на ухо Мартину альбатрос — Где так научился?

— Сказку читал про восточных царей, к ним вельможи так подлизывались, — тоже шепотом ответил Мартин.

— Уважаю. Потом расскажешь, полезная сказка.

— Я решил! — пророкотал голос — Я помогу вам. Но сделайте и вы мне одолжение.

— Если это в наших силах! — прокричал альбатрос.

— В ваших, ваших. Выходите из моей ноздри, а то, если чихну, лететь вам до края земли и кувыряться.

Альбатрос и Мартин поспешно выскочили на площадку, и начали спускаться вниз. Земля вокруг заходила ходуном. Часть горы взметнулась вверх, срывая с себя камни, и утлую растительность.

— Гляди-ка, — воскликнул Мартин — это и не гора совсем. Это крыло Отца Ворона.

Когда осела пыль, их взору предстал огромный ворон. Высотой он был чуть ниже облаков. Голова его потеряла свой иссиня черный цвет, была седой, словно присыпанная пеплом. Великая сила скрывалась в нем. Путники робко стояли, рассматривая старца, и не могли произнести ни слова от удивления.

— Я рад, — проговорил Отец Ворон — что молодость пришла за советом к старости. Много веков назад я нашел это уединенное пристанище, отказался от мира, полетов и свежего ветра. Потому что никому уже не было дела до советов и воспоминаний такого старика как я. Чем же я могу помочь столь уважаемым путникам?

Альбатрос прокричал:

— Отец Ворон, случилась беда. Погас маяк на одном из далеких берегов. Вернее, маяк то горит, только погасла искра значения маяка, его душа, она была украдена. И, дабы ее вернуть, мы прилетели к тебе за советом. В изначальные времена души маяка служил волос с головы Отца Солнца. Мы хотим пройти к истокам сказки. Посоветуй, как нам быть.

— Вот теперь-то я вспомнил тебя, юноша, — проговорил Отец Ворон, обращаясь к альбатросу. — Ведь именно ты на заре веков по глупости своей и по наущению женщины вырвал волос из головы Отца Солнца? Знаешь ли ты, сколько бед принес в этот мир твой отчаянный поступок.

— Да, это был я, — тихо проговорил альбатрос. — Оправданием мне служит лишь то, что делал я это во имя и ради любви. Я спас влюбленных, принес в мир немного света и тепла. Да, я виноват. Я был молод и горяч. Но неужели ты, Отец Ворон, забыл, что значит быть молодым и любить?

Голос альбатроса звучал все громче и громче. Последний звук эхом отразился от разбросанных вокруг камней и затих в звенящей тишине.

Ворон на минуту задумался:

— Ты прав. Конечно, прав. Но я не могу забыть того, что случилось после.

— Отец Ворон, а что случилось после? — не удержался Мартин

— Когда Отец Солнце спустился на ту сторону земли и сел в свою ладью, он не заметил потерю волоса. И не знал, что силы его огня уже не хватит для битвы с темными полчищами демонов, охранявших Великого Змея. Он был побежден впервые с момента основания мира, и заключен в тюрьму. На земле воцарился мрак и холод. Реки, моря и океаны замерзли. Дули промозглые ветры, сыпался снег. Снега выпало так много, что он покрыл всю землю. И тогда старейшины мира выбрали меня, для того, чтобы я проник в темное царство и вызволил Отца Солнца на поверхность. Незаметной тенью скользил я по той стороне земли, благодаря тому, что самого рождения был иссиня черным, как сама тьма.

В самой глубокой пещере я нашел темницу, где ждал избавления Отец Солнце. Он сильно страдал. Увидев меня, он обрадовался и рассказал, как открыть двери. Для этого мне нужно было выкрасть ключи, которые висели на шее у не спящего Великого Змея. Я подкрался и закрыл его глаза своими крыльями, так что он и не заметил окутавшую его темноту, и посчитал, что все в порядке. Бесшумно я снял с его шеи связку ключей и полетел обратно к темнице, выпустил Отца Солнце из плена, но он был так слаб, что мне пришлось нести его на своих плечах. Его жар опалил мне голову, с тех пор она седая. Я вынес его на священную гору, где горит Негасимый Огонь. Отец Солнце немного отогрелся, сел в свою колесницу и помчался по небу. И так силен был его праведный гнев, что снега в одночасье растаяли. Вода затопила землю, многие погибли, но часть спаслась на вершине Священной горы.

Увидев, что он натворил, Отец Солнце опечалился. Он воззвал к своей Небесной Матери с мольбой о помощи. Небесная Мать обернулась уткой и, спустившись на землю, нырнула в глубины океана. С третьей попытки ей удалось добраться до земли. Она ухватилась за эту землю и вытащила ее на поверхность. Но земля была мокрой, и все на ней было мокрым. Люди, расселившись по земле, ходили в мокрой одежде, если съяду пищу, отчего многие болели и умирали. Тогда Отец Солнце попросил меня лететь на Священную гору, и взять у стерегущего Негасимый Огонь Инмара язычок пламени и отдать его людям. Но Инмар был не в духе и наотрез отказался поделиться. Тогда мне пришлось пойти на хитрость. Я пел и плясал перед ним, пока великого кузнеца не сморил сон. Вы бы слышали, как я пел. Ни одна птица, так не пела и петь не будет. Я пел и плясал, пока не сорвал голос, пока Инмар не закрыл глаза. И только он заснул, я окунул лучину в Негасимый Огонь, отнес ее на землю и дал людям. С тех пор в каждом людском очаге горит часть Негасимого Священного Огня, а вороны не могут петь и только каркают. Вот что случилось после похищения всего одного волоса Отца Солнца. И боюсь, что он не позволит этому произойти еще раз.

— И что же нам делать? — расстроился Мартин

— Не знаю, — вздохнул Отец Ворон, и остров заходил ходуном. — Мне нужно подумать.

Ворон нахохлился и затих. Казалось, что он опять впал в спячку. Мартин снова почувствовать холод и начал прохаживаться из стороны в сторону. Снег скрипел под ногами, альбатрос дремал, засунув голову под крыло. Мартин потерял счет времени, но тут ворон встрепенулся.

— Кхе-кхе! — прокашлялся он. Альбатрос высунул голову, а Мартин перестал прохаживаться, оба с интересом посмотрели на Отца Ворона.

— Кажется, я придумал.

— Что? Что? — в один голос воскликнули Мартин и Отец Альбатрос.

— Кажется, я придумал, — повторил ворон. — Нужно предложить дар, равнозначный по силе и значимости. Дар, который поможет Отцу Солнца в его вечной битве.

Мария ПОЛЯНСКАЯ

ПРИТЧИ О СТРАННИКЕ

Притча 4. Странник и жена

Когда-то давно, в самом начале своей жизни, Странник был юношей обручен с красивой темноволосой девушкой из соседней деревни, а потом женился на ней и родил сына. И все было в его жизни — и дом, и достаток, и милая жена, и здоровый сын, и крепкие еще родители, и старшие братья и сестры, но что-то мешало Страннику наслаждаться жизнью, которую охотно вели его родственники и соседи. Как будто все, что окружало его, на самом деле заслоняло от него целый мир, как будто все, что было ему дорого, скрывало его по рукам и ногам, как будто все, что он имел в этой жизни, отнимало у него то, что он еще мог бы познать. Как будто он жил не своей жизнью, а чужим сном и все хотел проснуться и открыть глаза.

И тогда Странник задумал уйти, уйти, внезапно, уйти незаметно, уйти навсегда, уйти не мешкая, пока еще есть силы, молодость и желание, пока не родились новые дети, пока живы родители и крепки братья и сестры. Уйти, оставив жене дом, сына, хорошее хозяйство и множество рабочих рук, готовых прийти на помощь. Странник всегда был скор на решения, и, дав себе три дня на размышление, он взял с собой лишь самое необходимое, справедливо рассудив, что его семье каждый кусок важен. Утром, еще до света, он выскользнул из дома, погладив жену и поцеловав сына. На секунду в его сердце шевельнулась жалость к тем, кого он так безжалостно оставил, но стоило ему выйти на большую дорогу, освещенную первыми лучами солнца, как он тут же поддался новому очарованию, о котором прежде мог лишь мечтать — очарованию свободы, неприютности, пустоты, непредсказуемости, и сожаление покинуло его, и он забыл тех, кого еще недавно думал, что любил всем сердцем. Забыл не на словах — забыл так, словно их никогда и не было. Стерлись имена, затуманились черты лица, исчезли из памяти названия деревни и местности, забылись привычки, умерла сама мысль о том, что когда-то у него были близкие люди. По прошествии многих лет Странник привык считать, что у него никогда и не было дома, близких, семьи, словно он появился на свет в придорожной канаве от нищенки, бросившей его на произвол судьбы, выжил благодаря милосердию тех, кто случайно оказался рядом и никогда не знал материнского тепла и отеческой ласки, и всему в своей жизни был обязан самому себе.

Шло время, Странник вырос, старел, дряхлел, собственное тело и мысли все чаще изменяли ему и со стороны иногда казалось, что этот плешивый, высохший старик выжил из ума, если вообще не безумен, хотя на поверку это было не так. Странник был далеко не безумен, но весьма часто предпочитал таким казаться, чтобы получить кров над головой или теплую одежду, миску каши или кусок хлеба, звонкую монету или полный сострадания взгляд. Можно сказать, что теперь он пожинал плоды собственной немощности, и они казались ему сладки, по сравнению с теми дарами, которые он когда-то по молодости брал силой, удалью, красотой или умом.

Однажды, глухой и холодной осенью Страннику случилось заночевать в отдаленной деревне. Его приютила пожилая, но еще не совсем старая женщина, чье лицо смутно хранило остатки былой милосердия. Однако она была слепа, и ей помогли по хозяйству сын — молчаливый мужчина средних лет и невестка — болтливая и смешливая хохотушка, полная противоположность своему мужу. Под ногами то и дело путались малыши-погодки и их пестун — мальчик года на три постарше. Сидя у очага, Странник невольно залюбовался обычной семейной идиллией — свекровь и невестка то и дело

— И что может быть равнозначной заменой? — насупившись, пророкотал альбатрос

— Я не знаю. Могу только предположить, что это может быть дар Света. Дар Тепла, дар Огня... Да! Дар Огня! Придумал! — крикнул ворон. От его голоса с противоположного склона горы обрушилась лавина. — Нужно принести ему в дар ветку негасимого священного огня.

— А где ее взять, эту ветку? — спросил Мартин.

— Взять ее можно у Инмара, — помрачнел альбатрос. — А он после «подвига» Отца Ворона, глаз с него не спускает.

— Отец Ворон, а разве в каждом огне, что горит в наших домах, в каждом очаге, камине, печи — нет частица Негасимого Священного Огня? Почему бы не зажечь огонь самим? — предположил Мартин.

— Потому что часть не сам Священный Огонь. Первородный дух Огня, неукротимый, негасимый. Вместе они смогут победить в опасном путешествии на темной стороне земли, — ответил ворон.

Альбатрос усмехнулся:

— Отец Ворон, а сам ты не хочешь вспомнить старые добрые времена? Выпить чаю со стариком Инмаром, уговорить его отдать нам ветку Негасимого Священного Огня? Я могу быстренько слетать за печеньем и малиновым вареньем. А может быть, ты просто повторишь подвиг? Или опасешься за свои перья?

— Слишком стар я стал для этой суеты, провожу время в тишине и покое, наедине со своими размышлениями, — ответил ворон. — Но я могу послать с вами проводника. Одного из моих правнуков. Он, конечно, слишком молод, но быстр на ум и скор на язык. Он проводит вас до Священной горы и поможет поговорить с Инмаром.

— Хорошо, мы понимаем. Зови своего правнука, — согласился альбатрос.

— Карак! Карак! Услышь мой призыв. Лети ко мне, — крикнул ворон, и земля вокруг задрожала.

— Ты звал меня преедком? — раздался голос позади Мартина. — Я пришел.

Обернувшись, он увидел, как с ближайшего валуна прыгнул ворон, до этого оставшийся незамеченным.

— Как это ты, пройдоха, оказался здесь раньше, чем я тебя позвал? — сурово спросил Отец Ворон.

— Уважаемый преедком, ты так шумел и хлопал крыльями, что я за сто миль услышал, что ты пробудился и подумал, что раз Отец Ворон проснулся, значит, на это была причина. И не поинтересоваться этой причиной было бы верхом глупости. Я сразу устремился сюда и видимо не ошибся.

Альбатрос одобритительно хмыкнул.

— Что я вам говорил? — довольно пророкотал Отец Ворон. — Этому птенцу червяка на крыло не клади, проглотит вместе с крылом.

— Это такой вороний юмор, — подмигнул Мартину альбатрос.

— И много ли ты успел подслушать? — сурово спросил Карак Отец Ворон.

— Достаточно, чтобы понять: если меня не оциплют и не зажалят на грриле, то есть все шансы пррославить вороний ррод на века.

— Карак! Отправляйся с ними, проводи до Священной горы. Я рассчитываю на твою смышленость и изворотливость. Я буду молить стихи о твоём благополучии. Если что случится, посылай весточку на крыльях ветра, и мы придем на помощь.

мягко спорили друг с другом, сын, муж и отец не вмешивался в женский разговор, занимаясь своим делом, дети совали повсюду свой нос и их то и дело приходилось оттаскивать то от огня, то от воды, словом, продолжалась обычная для всех людей жизнь. Для всех, кроме Странника, которому каждая такая семейная картина представлялась окном в чужой для него мир. Так, он всегда пытался представить себя в этой семье главой, дедом, отцом, мужем, сыном, пытался и не мог — уж слишком далеко зашел он в своих странствиях, слишком много времени провел он в одиночестве, слишком долго и безуспешно искал он ответы на вопросы, чуждые простым людям, чтобы почувствовать себя своим среди своих, чужим среди чужих.

И на этот раз попытался он представить себя членом этой небольшой, но дружной семьи — потрепал ребятишек по головам, отметил жизнерадостный характер жены, похвалил умелые руки мужа, но только для старой женщины не нашлось у него ни одного хорошего слова, как будто все они застряли у него в горле. Несколько раз сочинял Странник то одну, то другую замысловатую фразу, повествующую о достоинствах почтенной матери семейства, но язык отказывался ее произносить. И это было странно, тем более что зачастую Странник лишь тем и зарабатывал себе на кусок хлеба, что сочинял письма, хвалебные или праздничные речи и за словом в карман не лазил. И все же здесь он не мог произнести ни единого звука, лишь молча смотрел на старую женщину, ловко управляющуюся с большим хозяйством без помощи глаз. Когда она аккуратно подала Страннику большую кружку молока, не пролив ни капли, он вдруг взглянул в ее лицо и увидел, что она не так уж и стара и даже по-своему приятна, несмотря на неживые глаза, и представил себе, что она и есть его жена, и сердце его вдруг забилось сильнее. Как, спросил Странник сам себя, неужели пришел конец моим дорогам, неужели же я готов по прихоти немощного тела прилепиться к семье, утратить свободу, потерять независимость, избавиться от пустоты и нищеты и все это ради чего — ради женского тепла, исходящего от слепой старой женщины, вступившей в свой последний возраст? И он внутренне содрогнулся, потому что не сразу смог сказать себе нет. Больше он на старую женщину не смотрел, прилег у очага и завернулся с головой в свой дорожный плащ. Остальные члены семьи быстро забыли про него, занимаясь приготовлениями ко сну. Вскоре вся семья легла, но Страннику все не спалось. Он ворочался с боку на бок и все вспоминал, вспоминал, вспоминал — кто он, откуда, где начались его странствования, но ниточка вилась и не давалась ему в руки — так и не припомнив, он забылся тревожным, прерывистым сном.

Посреди ночи Странник вдруг проснулся оттого, что кто-то провел по его лицу твердой жилистой ладонью. Странника охватил ужас и он отпрянул назад. В то же мгновение чьи-то пальцы небольно зажали ему рот, ловко зажгли свечу, и при ее зыбком, пляшущем свете он разглядел рядом с собой старуху — мать хозяина дома. Она смотрела куда-то в сторону, как невидящие, но лицо ее было обращено к нему, она словно приноживалась к нему, обоняла его дыхание, улавливала его тепло. Ему стало страшно, как никогда в жизни, и он подумал, что она вконец обезумела, но тут он услышал ее тихий шепот, и ему показалось, что это не она, а он сам теряет остатки разума.

В речах старухи не было ничего безумного, ибо она говорила с ним о нем же.

Думала, что сразу же тебя узнаю, да вот не смогла — глаза меня подвели. Весь вечер рядом с тобой просидела, хотя сердце мое билось, как во времена нашей молодости. Пока кружку молока тебе не поднесла, запах твой родной не почувствовала, дыхание твоё прежнее не вдохнула, наверняка-то не знала. А уж потом все мне ясно стало, как на ладони, ты и есть ты, хоть и старый, хоть и плешивый, хоть и больной, хоть и чужой. А вот ты не узнал — и сейчас не припомнишь. Забыл ты нас, сразу же как из дома ушел, забыл

так, словно нас и не было, забыл так, словно мы не плоть и кровь твоя были, забыл так, чтобы никогда больше не вспоминать, ведь так? И тебя в наших местах забыли, зато все знают о великом Страннике, сильном духом и крепким телом, и любой будет рад предложить ему кров и пищу. И я слышала о нем, и я думала о том, что когда-нибудь, когда мудрый Странник постучится в мою дверь, я спрошу у него — почему муж мой ушел, не попрощавшись с женой и сыном, почему ни разу не объявился в нашей деревне, почему не помог нам, когда я ослепла, почему не захотел полюбоваться на внуков, почему не вернулся к нам доживать свою старость в тепле и довольстве. И бог услышал мои молитвы, только вместо великого Странника он послал мне тебя — или ты есть тот самый Странник, которого я хотела спросить о своем муже? Тогда ответь мне на мои вопросы, ведь я так долго тебя ждала.

И старуха замолчала, вглядываясь невидящими глазами в зыбкую темноту. Молчал и Странник, пораженный ужасом в самое сердце — с ним говорила его жена, рядом спал его сын и внуки, и сам он находился в отчем доме, но все это было чужое ему, он ничего и никого не узнавал — ни жены, ни сына, ни утвари, ни стен. Тщетно пытался он внутри себя вызвать какие-нибудь чувства или воспоминания — все было пусто, темно, неприютно, голо и неприкаянно, как на ночной дороге под равнодушными звездами. Тщетно пытался он извлечь из своего горла хотя бы какие-нибудь звуки, приличествующие этому случаю, — он оставался нем как рыба. Так они и сидели молча друг напротив друга — Странник и его жена, старик и старуха, человек мира и человек дома, и не было мира между ними, и не было мира в их душах. Затем старая женщина молча задудла свечу и ушла на свою половину, а Странник до самого утра не мог заснуть и дрожал от холода, хотя ему отвели место прямо перед очагом.

Утром Странник вдруг впал в тяжелый, нелепый в это время сон, в котором он боролся с призраками прошлого и демонами будущего. Когда же он проснулся, то рядом с собой увидел мужчину — своего сына. Только он раскрыл рот, чтобы объявить правду, как тот остановил его жестом. Моя мать отошла сегодня ночью, и мы приглашаем тебя как гостя на ее похороны. Она прожила достойную жизнь, и ей была дарована легкая и безболезненная смерть. На ее устах до сих пор лежит улыбка, а в руках она держит кольцо, надетое ей на палец моим пропавшим без вести отцом. Возможно, именно его она видела во сне перед смертью, поэтому она выглядит такой счастливой и спокойной, какой не была при жизни. Может быть, это ты принес в ее душу мир и покой своей мудростью, может, это ты напомнил ей чем-то отца своей добротой, может, это ты помог ей согласиться с жизнью своим смирением, не знаю, но отныне ты всегда будешь желанным гостем в нашей осиротевшей семье.

И слова правды застыли у Странника на губах, готовые вот-вот обрушиться тяжким грузом совести на голову его ничего не ведающего сына. Но он сдержался и вновь промолчал, и его молчание было истолковано как согласие. Он остался в деревне еще на один день, чтобы проводить в последний путь свою покойную жену, он смотрел в ее спокойное, теперь уже совсем мертвое лицо и ничего не чувствовал — ни горечи сожаления, ни сладости раскаяния, ни соли обиды, ни кислоты угрызений совести — пусто было в его душе. Он смотрел на своего сына и внуков и не чувствовал ничего — ни тепла любви, ни холода разлуки — темно было в его душе. И тогда он подумал — не это ли люди зовут смертью, когда ты — ничто, и в тебе — ничто, и с тобой — ничто? И тогда он понял, что смерть его действительно подошла совсем близко. И он ушел из деревни, не открыв своей тайны не потому, что боялся разоблачения или позора — просто смерть уже ходила за ним по пятам, и он не хотел, чтобы она ненароком задела жестким черным крылом кого-нибудь из его таких близких, хотя и далеких людей.